

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**МАЙ
2011**

**ИЯР
5771**

№ 5(229)

ЛЕХАИМ 5/229

**Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года**

**Главный редактор
Борух Горин**

**Административный директор
Яков Ратнер**

**Ответственный секретарь
Елена Калло**

**Художественный редактор
Евгения Черненькова**

Выпускающие редакторы

Лариса Беспалова

Ишайя Гиссер

Елена Дворецкая

Галина Зеленина

Александр Иличевский

Афанасий Мамедов

Йеуда Рабейко

Михаил Эдельштейн

**Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский**

**Корректор
Виктория Рябцева**

**Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев**

Художники

Дмитрий Шинбин (с. 14)

Александр Горнов (с. 54, 57, 59)

Яна Сметанина (с. 68)

Дмитрий Шевионков-Кисмелов (приложение)

Фотографы

Вадим Бродский (с. 1, 23, 24, 27, 29–31, 50, 95)

Bil Aron (с. 4)

Edward Serota (с. 7)

Керен Певзнер (с. 32)

Из архива Александра Иличевского (с. 38)

Из архива Леонида Вегера (с. 42, 45)

Walter Popp (с. 65)

Фотографии предоставлены

Михайловским театром, Санкт-Петербург (с. 93)

Marcelo Bendahan (с. 100, 101, 106)

Paul Souders (с. 102, 104)

Clay Hutchison (с. 108)

Фото предоставлены агентствами

PhotoXPress (с. 47, 110)

Fotobank (с. 70)

East-News (с. 77, 98)

На обложке

Ректор СПбГУ Н. М. Кропачев.

Фото Вадима Бродского

Подписано в печать 15.04.11.

Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.

Объем 16 печ. л. Цена договорная

ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован

в Комитете РФ по печати, регистрационный номер 01126 от 22.05.92

© «Лехаим», 2011

Адрес редакции: 127018, Москва,

2-й Вышеславцев пер., 5а.

Тел. (495) 710-88-03

E-mail: lechaim (@) lechaim.ru

Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

БОРУХ ГОРИН: КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Имя восьмого президента Израиля, в отличие от имен его предшественников, похоже, запомнят надолго. Он не прославился великими научными идеями, подобно Хаиму Вейцману и Эфраиму Кациру, или боевыми заслугами, как Хаим Герцог и Эзер Вейцман, не был он и столпом новой израильской культуры, вроде Залмана Шазара и Ицхака Навона, даже политического веса Ицхака Бен-Цви или Шимона Переса ему явно недоставало. Зато его отставка и случившееся после нее несомненно войдут в Историю.

Кацав — первый в мировой практике президент, осужденный за изнасилование. Еще в начале скандала Кацаву завидовал Владимир Владимирович: «Привет передайте своему президенту! Оказался очень мощный мужик! Десять женщин изнасиловал! Я никогда не ожидал от него. Он нас всех удивил! Мы все ему завидуем!» Тонкий сарказм Путина мало кто уловил, но прямой текст понравился многим. Как и в истории с клинтоновскими шашнями, израильский скандал у многих вызвал недоумение: мужик, позавидовать можно... Сейчас, думаю, уже никто не завидует.

Интересно, сомневается ли кто-то, что в «харрасментгейте» вылазят уши политзаказа? Впрочем, любой «гейт» кому-то выгоден. Так сказать, издержки производства: полез навверх, готовься к пристальному вниманию заклятых друзей. То, что обществом в целом снисходительно принимается на низовом уровне, — служебный роман, навязчивый флирт — главным начальникам никто не прощает. И это правильно. Надеюсь, планка допустимого будет снижаться и по отношению к боссам помельче.

И суду не должно быть дела, кому расследование выгодно, — кто бы ни притащил факты, их следует рассматривать на предмет фактической достоверности, все остальное — для жанра журналистских расследований.

Есть, правда, одно «но». Реакция публики. С каким же радостным остервенением она превращается в яростного моралиста! Люди, не чуждые либеральному отношению к собственным «милым шалостям», спешат успеть пнуть поверженного. Слова «аморальное поведение», «сексуальная распущенность» зазвучали из уст именно тех ньюсмейкеров, которые имеют устойчивую репутацию людей, «позволяющих себе с женским полом больше, чем надо себе позволять». Дама поведала следователям и всей стране, что она шла навстречу домогательствам Кацава из карьерных соображений (понимаете, да? изнасилованная годами возвращалась к насильнику) — а им хоть бы хны...

Конечно, гневно обличая, мы немного поднимаемся в собственных глазах. Но пусть эта история принесет хоть кому-нибудь другого рода пользу: заставит пересмотреть кажущиеся незыблемыми мужские доблести. Возможно, навязчивые заигрывания с секретаршей станут вызывать у кого-то если не брезгливость, то опасливое отторжение. Ведь теперь мы знаем, что за это можно не только пощечину, но и срок схлопотать...

ЛЕХАИМ МАЙ 2011 ИЯР 5771 – 5(229)
ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

29 סָאָאָ 5747

<...> В своем предыдущем письме, обращенном ко всем еврейским детям, я просил их найти в своих комнатах место для Торы, молитвы и благотворительности. Теперь я вновь хочу повторить свой призыв, обращенный к каждому еврейскому ребенку: где бы он ни жил, он должен выделить в своей комнате (на своем столе, около своей постели) место для «малого Святилища».

В комнате у ребенка непременно должны быть Пятикнижие, молитвенник, а также копилка для пожертвований. Эти вещи должны быть у каждого ребенка, и на них должно быть написано его имя. А над ним должно быть написано, как это принято: «Всевышнему принадлежит земля и все, что ее наполняет»^[1].

Думаю, нет необходимости подробно объяснять важность подобного действия. Прежде всего, если эти вещи будут находиться в комнате ребенка, он, несомненно, будет больше времени уделять изучению Торы, ежедневной молитве и в будние дни класть несколько монет в копилку для пожертвований. Все это вызовет у ребенка большее рвение — ему, естественным образом, будет представляться более важным то, к чему он имеет личное отношение.

Кроме того, если на этих предметах будет написано его еврейское имя, это позволит ребенку, который не пользуется им в повседневной жизни, осознать его важность. А поскольку его имя будет написано сразу после утверждения, что все в этом мире принадлежит Творцу, это поможет ребенку усвоить мысль о том, что все, чем он владеет, дано ему Всевышним.

Поэтому я хочу обратиться ко всем родителям, учителям, воспитателям и администраторам: помимо того, что вы должны превратить в место Торы, молитвы и благотворительности ваши собственные жилища, ваш долг и обязанность — влиять на детей и побуждать их как можно активнее участвовать в этом важном начинании.

«Наставь юношу при начале его пути: он не уклонится от него и когда состарится»[2]. Потому так велика, качественно и количественно, ответственность педагогов, равно как и велики их заслуги, — ведь влияние, которое они окажут на ребенка, предопределяет всю его дальнейшую жизнь.

Опытные педагоги, несомненно, найдут правильную методику и нужные слова, соответствующие возрасту и степени развития детей, с которыми работают, чтобы повлиять на них в нужном направлении. Не менее важно, чтобы учитель держал руку на пульсе, время от времени интересуясь у детей, не забывают ли они использовать по назначению молитвенник, Пятикнижие и пушке (копилку для пожертвований), — особенно если для этого представится благоприятный случай.

Я уверен, что мой настойчивый призыв распространится по всему миру, достигнув в первую очередь тех, кто трудится на ниве еврейского образования.

От этого начинания следует ждать большого успеха, ибо сам Всевышний, давший нам Тору, говорит: «Устройте Мне святилище, и буду обитать среди них»[3]. А успех подобного дела, несомненно, приблизит строительство Третьего храма — вскорости, в наши дни! <...>

3 ÈÈÑÈÁÁÀ 5738

<...> Мне было приятно узнать о предстоящем банкете, который состоится накануне 19 кислева — годовщины освобождения основателя движения Хабад-Любавич, рабби Шнеура-Залмана из Ляд.

Как известно, арест и последующее оправдание рабби Шнеура-Залмана было связано с его настойчивыми усилиями по распространению учения хасидизма и укрепления еврейской традиции в целом. Поэтому день этот наиболее благоприятен для всех видов подобной деятельности, и в первую очередь связанной с еврейским образованием.

Наставлением и личным примером рабби Шнеур-Залман неизменно подчеркивал важность любви к другим евреям, а также ответственности евреев друг за друга. Особое значение он придавал религиозному воспитанию детей, начиная с самого нежного возраста.

Классическим примером может служить знаменитая история о «плачущем ребенке», которая стала руководством и источником вдохновения для любавичских хасидов.

Вкратце, это история о сыне старшего сына, впоследствии преемника рабби Шнеура-Залмана[4]. Ребенок плакал в своей колыбельке, в то время как его отец, погруженный в учебу, не обращал на него внимания. Рабби Шнеур-Залман, чьи комнаты находились наверху, был погружен в учебу не меньше сына, однако услышал детский плач, спустился и успокоил ребенка. Позже он упрекнул отца, сказав, что как бы еврей ни был занят, пусть даже самыми святыми вещами, он обязан услышать плач ребенка и незамедлительно позаботиться о его нуждах.

Эта история, которую многократно, из поколения в поколение, рассказывали главы Хабада, напоминает нам о самой главной обязанности еврея — уделять первостепенное внимание нуждам детей, причем не только тех, кто в непосредственной близости, но всех, где бы они ни находились. И если это справедливо, когда речь идет о сиюминутных физических потребностях ребенка, то насколько же это верно, когда следует позаботиться о его духовных нуждах, о религиозном образовании, столь необходимом для его дальнейшей жизни.

Друзья мои! Множество детей и подростков по всему свету плачут, не получая достойного еврейского образования. Их плач и боль не всегда слышны, особенно когда они еще слишком юны — по возрасту или по уровню своих знаний — и не осознают, чего их лишили. Однако в этом случае наше сострадание к ним лишь возрастает: хотя они этого и не осознают, их души плачут громче и пронзительнее, чем это можно выразить стонами и слезами. <...>

Участие в этой жизненно важной работе — на поле еврейского образования — само по себе величайшая награда, однако наш Небесный Отец, который больше всего на свете любит Своих детей[5], многократно вознаградит всех вас, ваших родных и близких, и всю общину всевозможными духовными и материальными благами. <...>

3 NĚĀĀÍ Ā 5721

<...> Я хотел бы воспользоваться возможностью напомнить об еще одной теме, затронутой в нашей беседе. Я имею в виду движение «Тора им дерех эрец»[6], нередко оборачивающемся «Дерех эрец и Торой», в соответствии со словами мудрецов: «Дерех эрец предшествует Торе»[7]. В данном контексте под «дерех эрец» понимается светское образование. Такой подход восходит к рабби Шимшону-Рафаэлю Гиршу.

При всем моем уважении к этой школе, которая возникла в определенное время в определенном месте, путь этот совершенно не подходит американской еврейской молодежи и вообще не соответствует нынешней ситуации, особенно в США. Я даже возьму на себя смелость попросить Вас о помощи: постарайтесь использовать все Ваше влияние, чтобы не допустить появления этого движения на американской еврейской сцене.

С глубоким удовлетворением хочу отметить, что, по поступающим ко мне неофициальным сведениям, моя позиция относительно этой школы приобретает все больше сторонников. Все больше людей признают, что обучение в колледже не является жизненно необходимым и вообще не слишком важно. Многие начинают понимать, что Тора, которую называют Торой жизни, является лучшим выбором, в том числе с точки зрения достижения жизненных успехов. В свете этой переоценки ценностей учеба в колледже начинает восприниматься как нечто вредное, мешающее и отвлекающее от изучения Торы. Это верно, по крайней мере, в отношении подрастающего поколения.

Однако когда речь идет о старшем поколении, особенно о тех, чье мировоззрение сформировалось еще в Германии, то многие придерживаются противоположной точки зрения. Это может быть связано с тем, что человеку в расцвете сил, а тем более в преклонном возрасте, трудно радикально изменить свое мировоззрение и переоценить тот подход, в рамках которого он был воспитан и к которому привык.

<...> Мне кажется особенно важным, чтобы Вы использовали в этом деле все свое влияние. Тем более что Вас, судя по Вашей энергии и внешнему облику, следует скорее причислить к молодому, а не к старшему поколению. Молодое поколение не только воспринимает жизнь с большей энергией и энтузиазмом, но и гораздо восприимчивей к новым идеям. Раши пишет: «Во всякий день (заповеди) должны быть новы в твоих глазах, как если бы тебе было заповедано в этот день»[8]. Необходима смелость не страшиться быть непохожим на других и готовность приступить к решению новых задач. Я полагаю, Всевышний наградил Вас этими качествами в полной мере.

В заключение мне хотелось бы напомнить, что приближается Шавуот, праздник Дарования Торы. Первым условием получения Торы было единство еврейского народа, необходимое для того, чтобы он был способен понять единство Всевышнего, о котором говорится в первых двух заповедях. Ибо Его единство подразумевает не только принятие того, что непосредственно сказано в Торе, но и то, что нет власти или силы, подобной Творцу, как сказано: «Нет никого, кроме Него»[9]. Эта идея изложена в Единой Торе, единственной и уникальной. Поэтому, когда мы говорим о Торе жизни, это означает, что она является единственным

Вы спросите, что это за странная примета? А это не примета вовсе: это Тора показывает нам, на какое качество невесты (да и жениха тоже) следует обратить внимание в первую очередь. Главное качество — доброта. Наша дочь Блюма с детства знала, что жениха себе она будет искать прежде всего доброго, который будет относиться к ней уважительно. Наш будущий зять, который также рос и воспитывался в религиозной семье, ориентировался на те же самые ценности. Да, Б-г им помог найти друг друга, — но они сами все сделали для того, чтобы Б-г дал благословение. Чего и вашим детям, дорогие читатели, я искренне желаю.

РАББИ АКИВА И ВОССТАНИЕ БАР-КОХБЫ

Èöäë Ñòäëéííëéé

18 eyda, oðeäüaouü oðäoëé ääüü ñ:äoà ñí ääa (Èää ää-ñí ää), ñ:ëðääüüñ ýðäçüé:ñíé ääüíé: ñäëäñí í òääëöëé ä ýòíò ääüü çäéíí-ëëäñí ýíéäüü éý, íò éíóíðíé üí äðëé 24 öüñ ö:äíééíä ääääé Äëëäñí. Ñíäëäñí Ääëéíííëíí ö Öäéí ääö (òäëöäö Èääñí íò, 629), ñíé üí éðäëé ä íäðéíä ñ Íäñäö äñ Öääñöä Ñöüäñöäñäö öäëäé í íäíéä ÷öí ñ äðüü ö:äíééíä ääääé Äëëäñí éí ääö íòííöäíéä é äññöäíéð Ääð-Èíöäñ — í íüííí ö äí öéðéííëíí ö äññöäíéð ä Ýääö-Èñðäýüü ä 132-135/136 äñää. Öäé, éç ññäñüäíéý í ñ äðöé ö:äíééíä ääääé Äëëäñí ä íñíëäíéé ääää Öðëöü Ääñíä (906? — 1006) í íäéíí íñíýöü ÷öí ñíé íñäëéé íò äñé äääñä Ííäéíí íðääñíéíäéöüü ÷öí íä:éíäý ñ Èää ää-ñí äää ö:äíééé ääääé Äëëäñí íäðäñöäëé üí éðäöü (éëé íñääöüü), ííòñí ö ÷öí éí äñíí ä ýòíò íäðéíä ä äñéíä íäñöüíéé íäðéíí é äññöääöéä ñöäëé íäðäééäöüü íñääñü. Ðäññ íòðéíí éñöíðé:äñééä é öäéí öäé:äñééä ääííüä í äññöäíéé é í ääññýçé ñ ääääé Äëëäñé. Íäíéí éç ääéíüö ññéääöäéññöä íä íòííöäíéé ääääé Äëëäñí é íðääñäéöäéð äññöäíéý ýäéýäüññ ñöðäñ éäöäññ ä Èäðäññééííëíí Öäéí öää äññäçüäñíéä ö:äí éëä ääääé Äëëäñí — ääääé Öéí ííä ääð Èíöäý, äñäñüéíä ñ äðöé éíöíðñä öíäéä íòí ä:ääüññ ä Èääñä-ñí ää

Сандалии, найденные при раскопках культурного слоя, датируемого временем восстания Бар-Кохбы. Иудейская пустыня. II век н. э.

Вначале попробуем подвести итог тому, что известно о восстании Бар-Кохбы на данный момент. В отличие от восстания Хасмонеев (о котором есть обширный материал в книгах Маккавеев) и от восстания против римлян (о котором писал Йосеф бен Матитьяу [Иосиф Флавий]), о восстании и его предводителе Бар-Кохбе сохранились весьма немногочисленные сведения в еврейских источниках и у нееврейских авторов. Основным источником являются заметки греческого историка Диона Кассия (ок. 160 — после 229). Начиная с середины XX века были обнаружены многие документы и археологические находки, проливающие новый свет на личность Бар-Кохбы, на социальные и экономические условия, в которых проходило восстание.

Восстание было настолько мощным, что для его подавления римлянам не хватило двух легионов, дислоцированных в Эрец-Исраэль, и сил, мобилизованных в соседних провинциях — Сирии, Аравии и Египте. После того как римский император Адриан осознал степень угрозы, он был вынужден вызвать из Дакии и Македонии, с Дуная, войска, во главе которых поставил самого способного из своих военачальников — Юлиа Севера, в то время наместника Британии. У Диона Кассия есть данные о подготовке восстания на протяжении примерно двух лет. В частности, он сообщает, что евреи заняли несколько городов и укрепили их, возведя

стены и прорыв подземные переходы. (Эти данные подтверждаются результатами археологических раскопок.) В свете последних исследований, непосредственной причиной начала восстания считают декрет Адриана, который по пути из Сирии в Египет в 129/130 годах велел построить на месте Иерусалима языческий город с храмом Юпитера. Этот город был назван Элия Капитолина — в честь самого императора и в честь Юпитера Капитолийского.

О личности предводителя восстания мы имеем более точные данные благодаря обнаруженным за последние шестьдесят лет документам, в том числе и письмам, им написанным. Его настоящее имя — Шимон бен Косева (бар Косева) или бен Косива (бар Косива). Арамейское слово “бар” означает “сын” (как и “бен” на иврите), и имя предводителя восстания встречается в документах в двух формах. Имя Бар-Кохба (в переводе с арамейского “сын звезды”) упоминается и в христианских источниках, в частности в хронике Евсевия. По-видимому, это имя отражает мессианские чаяния, являясь интерпретацией слов о звезде от Якова (Бемидбар, 24:17). В талмудических источниках упоминается и имя бен (бар) Козева, и бен (бар) Козива. Некоторые исследователи считают, что это имя (которое можно перевести с арамейского как “сын лжи”) является оскорбительным, данным после поражения восстания и разочарования в его вожде. Однако вероятно, что речь идет о чередовании букв “самех” и “заин”, а имя указывает на происхождение из Козевы в Иудее. Как это принято в научных публикациях, мы будем называть предводителя восстания Бар-Кохбой, а при цитировании традиционных еврейских источников имя будет приведено в форме, в которой упомянуто в них.

Документы, обнаруженные в Иудейской пустыне в 1952–1961 годах, позволяют сделать вывод, что Бар-Кохба, носящий титул «наси», был руководителем армии и полновластным правителем находящейся под его контролем территории. Среди прочих сведений, имеющих большое значение для понимания социальных и экономических условий, в которых проходило восстание, есть информация и о соблюдении заповедей. Так, в письмах Бар-Кохбы упоминаются соблюдение субботы и «шмиты» (седьмой год), отделение десятины, а в одном из писем на арамейском языке он лично приказывает доставить в лагерь четыре вида растений, заповеданных в праздник Суккот.

По поводу территории, на которой проходило восстание, исследователи выдвигают разные версии, и нельзя однозначно решить, были ли охвачены восстанием Галилея и Заиорданье. Расходятся мнения и по поводу того, удалось ли воинам Бар-Кохбы овладеть Иерусалимом и возобновить служение на Храмовой горе. Отметим, что на отчеканенных во время восстания монетах упоминалось освобождение Иерусалима и были изображения Храма и храмовой утвари.

Восстание, по-видимому, продолжалась три с половиной года. Последним оплотом восставших стала крепость Бейтар в Иудейских горах. Евсевий сообщает, что Бейтар был осажден на 18 году правления Адриана, то есть в 134 году, и крепость пала после долгой осады, когда осажденные обессилели от голода и жажды. Кассий пишет, что Юлий Север сровнял с землей 50 наиважнейших мятежных крепостей и 985 поселений. Согласно приводимым им данным, в сражениях было убито 580 тыс. евреев, не считая множества погибших от голода, болезней и пожаров. Потери римлян также были очень велики, и свое послание к сенату Адриан не начал обычной формулой “Я и войска мои в добром здравии”. После подавления восстания начались жестокие преследования уцелевших евреев, многие были проданы в рабство; запрещено было исполнение многих заповедей и изучение Торы. Согласно талмудическим источникам, тогда были жестоко казнены мудрецы Торы, в том числе и рабби Акива.

Теперь, после краткого обзора того, что нам известно о восстании Бар-Кохбы, попробуем рассмотреть сообщения о нем в некоторых талмудических источниках. В Иерусалимском Талмуде, в трактате Таанит (глава 4, алаха 5 в печатных изданиях; глава 4, алаха 8 в Лейденской рукописи) сказано: «Учил рабби Шимон бар Йохай: “Акива, мой учитель, толковал стих „Взошла звезда от Якова“ (Бемидбар, 24:17) — и взошел Козева от Якова”. Рабби Акива, когда видел бар Козеву, говорил: “Это — царь Машиах”. Сказал ему рабби Йоханан бен Торта: “Акива, вырастут сорняки на твоих щеках, но сын Давида все еще не придет”».

Рабби Акива толковал стих «Взошла звезда от Якова и вознесся скипетр от Израиля» как повествующий о приходе Машиаха. Тема будущего Избавления занимала важное место в учении рабби Акивы. Так, в Мишне, в трактате Псахим (глава 10, мишна 6), приводятся мнения мудрецов по поводу того, каким благословением заканчивают чтение Пасхальной агады перед трапезой. Рабби Тарфон считает, что заканчивают благословение словами: «Освободивший нас и наших отцов из Египта», а рабби Акива считает, что нужно закончить словами: «И так же, Г-сподь, Б-г наш и Б-г наших отцов, дай нам дожить до других радостных дат и праздников, приближающихся нам навстречу на благо, — нас, радующихся восстановлению Твоего города и веселящихся в служении Тебе, — и будем там есть мясо жертв, принесенных Тебе, и мясо жертв Песах» и т. д. до слов «Благословен ты, Г-сподь, освободивший Израиль!» Если, по мнению рабби Тарфона, достаточно

благодарить Всевышнего за освобождение из египетского рабства, то рабби Акива считал, что нужно молиться и о будущем Избавлении народа Израиля и восстановлении служения в Храме.

Почему Бар-Кохба удостоился того, что рабби Акива назвал его Машиахом? В агадических текстах упоминается о его невероятной физической силе, и в мидраше Эйха раба (2:4) это и называется причиной подобных слов. Можно предположить, что рабби Акива видел задачей Машиаха освобождение Эрец-Израэль от римской власти и восстановление Храма, и когда, после тщательной подготовки и объединения народа под знаменем Бар-Кохбы, началось восстание и восставшие стали одерживать победы над римлянами, рабби Акива посчитал, что у Бар-Кохбы есть потенциал Машиаха. Отметим еще одну интересную деталь: на монетах Бар-Кохбы изображена связка из четырех видов растений, среди которых ветка мирта (адас) и ветка ивы (арава), что соответствует мнению рабби Акивы, высказанному в Мишне (трактат Сукка, глава 3, мишна 4). Из этого можно заключить, что восставшие считали рабби Акиву своим алахическим авторитетом.

Упомянем иные сообщения трактата Таанит о восстании Бар-Кохбы. Среди прочего читаем, что у бен Козевы было 200 тыс. солдат с отрубленным пальцем. Мудрецы спросили бен Козеву: «До каких пор ты будешь делать сынов Израиля ущербными?» На его вопрос: «А как еще можно проверить их мужество?» — мудрецы ответили: «Пусть тот, кто не сумеет на скаку вырвать ливанский кедр, не будет записан в твою армию». После этого в войске бен Козевы стало 200 тыс. солдат с отрубленными пальцами и 200 тыс., на скаку вырывающих кедр. Из этого эпизода следует, что предводитель восстания советовался с мудрецами, и когда они указали, что тот поступает неправильно, он последовал их совету.

Далее в трактате Таанит приведены слова, которые Бар-Кохба говорил, выходя на бой: «Властелин мира, не помогай и стыди нас, ведь “Ты покинул нас, Б-г, и не выходишь с войсками нашими”^[1]». В источниках не сообщается, что рабби Акива прекратил поддерживать Бар-Кохбу из-за подобных высказываний. Конечно, такие слова можно расценить как высокомерие и чрезмерную уверенность в своих силах, но можно объяснить их желанием Бар-Кохбы пробудить в своих бойцах уверенность в собственных силах, стремление воевать, не надеясь на чудо. В пользу подобного объяснения приведем и тот довод, что, как уже сообщалось выше, из писем Бар-Кохбы следует, что он и его воины соблюдали заповеди даже в тяжелых военных условиях.

Далее в трактате Таанит следует рассказ об осаде и падении Бейтара. Адриан безуспешно осаждал Бейтар три с половиной года, и все это время рабби Эльазар а-Модаи ежедневно постился и ежедневно молился, чтобы Всевышний не вершил суд в этот день. Адриан уже собирался отступить, но тут один самаритянин сказал ему, что покажет, как взять крепость. Он проник в город, подошел к молившемуся рабби Эльазару а-Модаи и сделал вид, что что-то шепчет ему. Горожане увидели это, привели самаритянина к бен Козеве и сказали, что этот человек говорил с рабби Эльазаром, дядей бен Козевы. Тот спросил самаритянина, о чем он говорил с рабби Эльазаром, и самаритянин ответил, что рабби Эльазар хочет сдать город римлянам. Тогда бен Козева спросил рабби Эльазара, что шептал ему тот самаритянин и что он сам говорил ему; рабби Эльазар отвечал, что ни самаритянин, ни он сам ни о чем не говорили. Разгневанный бен Козева ударил ногой рабби Эльазара и убил его. После этого Бейтар был захвачен и бен Козева убит. Отметим, что на монетах Бар-Кохбы встречаются надписи, где упоминается священник (коен) Эльазар, и некоторые исследователи идентифицируют его с рабби Эльазаром а-Модаи. Далее сообщается, что когда Адриану принесли голову бен Козевы, император спросил, от чьей руки тот пал. Один самаритянин сказал, что убил он. Адриан велел показать тело бен Козевы. Когда самаритянин привел его к телу бен Козевы, Адриан увидел змея, обвивающего труп, и сказал: «Если бы Б-г не убил его, кто мог его убить!»

*Naḥādūyī ay ḥāḥ dāḥāḥī à, fò: aḥāī āī fāy ā ī adēfā āmīḥō āī ēy Aaḥ-El ḥāū.
Yōḥō Elḥāyēū*

134-135 āū ī. y.

В Вавилонском Талмуде (Сангедрин, 936) есть такое упоминание: «Бар-Козива царствовал два с половиной года. Он сказал мудрецам: “Я — Машиах!” Они ответили ему: “Про Машиаха написано, что он судит нюхом (чутьем), посмотрим, таков ли этот”. Когда же увидели, что он не судит чутьем (нюхом), — убили его». Такое расхождение в описании одних и тех же событий можно, на мой взгляд, объяснить тем, что мудрецы двух Талмудов хотели выразить разные идеи. Так, мудрецы Эрец-Исраэль, слова которых приведены в Иерусалимском Талмуде, ставили своей целью сообщить об известных им исторических фактах и, судя по всему, относились к восстанию положительно. Из слов же мудрецов, мнение которых приведено в Вавилонском Талмуде, можно понять, что они относились к восстанию отрицательно и целью их высказывания была в первую очередь критика Бар-Кохбы, который не мог внутренним чутьем распознать людей, понять, кто прав и кто виноват. Если так, то высказывание, приведенное в трактате Сангедрин Вавилонского Талмуда, фактически передает смысл истории гибели рабби Эльзара а-Модаи, описанной в трактате Таанит Иерусалимского Талмуда.

Существуют разные мнения по поводу того, выражала ли упомянутая поддержка Бар-Кохбы рабби Акивой мнение большинства мудрецов — современников восстания. Можно предположить, что без поддержки мудрецов широкие массы народа не пошли бы за Бар-Кохбой, и восстание не было бы таким мощным. О рабби Йоханане бен Торте, представленном в Иерусалимском Талмуде в качестве оппонента рабби Акивы, в талмудических источниках почти нет информации, и, судя по всему, его статус несравним со статусом рабби Акивы. Рабби Моше бен Маймон (Рамбам; 1138–1204) считал, что мнение других мудрецов того поколения о Бар-Кохбе совпадало с мнением рабби Акивы. Он так писал об этом в своем труде Мишне Тора: «Да не придет тебе в голову, что царь Машиах должен творить чудеса и знамения, изменять законы этого мира или воскрешать мертвых и делать иные подобные вещи, как утверждают глупцы. Это неверно, так как рабби Акива, величайший из мудрецов Мишны, был оруженосцем царя бен Козевы и говорил о нем, что он — царь Машиах. И полагал он, и все мудрецы его поколения, что он — царь Машиах, пока тот не погиб из-за грехов. Так как он погиб — стало известно, что он не Машиах. И не просили от него мудрецы ни чудес, ни знамений» (Законы царей, 11:3).

Рамбам использует поддержку рабби Акивой Бар-Кохбы, когда формулирует законы Машиаха, в которых, среди прочего, высказывает мнение, что Машиах не должен творить чудеса. А называя рабби Акиву «оруженосцем Бар-Кохбы», Рамбам, возможно, основывается на каких-то не дошедших до нас источниках.

Восстание Бар-Кохбы было потоплено в крови, и мечты рабби Акивы об Избавлении в том поколении не осуществились. Но, возможно, та попытка отстоять веру отцов и возродить свою независимость дала еврейскому народу силы, которые позволили ему продолжать существование в длительном изгнании, пережить преследования и погромы и вновь начать борьбу за возрождение народа и за Иерусалим. Рабби Акива видел тогда не только сиюминутную реальность, но и смотрел в будущее. В широко известной истории, описанной в Вавилонском Талмуде в трактате Макот (24б) и в мидрашах, рассказывается, как рабби Акива, раббан Гамлиэль, рабби Йеошуа и рабби Эльазар бен Азарья пришли в разрушенный Иерусалим. Дойдя до горы Цофим, они разодрали одежды свои, а на Храмовой горе увидели лисицу, выходящую из развалин Святой святых. Мудрецы начали плакать, а рабби Акива рассмеялся. Когда его спросили, почему он смеется, рабби Акива ответил, что сказано: «И я взял себе верных свидетелей, Урию священника и Зхарью, сына Йеверехьяу» (Йешаяу, 8:2). Что имеют общего Урия и Зхарья? Урия сказал: «Сион распахан будет, как поле, и Иерусалим будет грудой развалин, а Храмовая гора — лесным холмом» (Ирмеяу, 26:18). А Зхарья сказал: «Так сказал Б-г Воинств: еще будут сидеть старики и старухи на улицах в Иерусалиме, каждый с посохом своим в руке его — от глубокой старости. И улицы города наполнятся мальчиками и девочками, играющими на его улицах» (Зхарья, 8:4-5). Рабби Акива сказал, что если сбылись слова Урии, то сбудутся и слова Зхарьи. И теперь, когда осуществилось пророчество Урии, он рад, что осуществится и пророчество Зхарьи. Хотя перед глазами рабби Акивы были развалины, он уже видел отстроенный Иерусалим, те иерусалимские улицы, которые стали такими привычными для многих из нас.

[1]. *Теилим, 60:12.*

ВЫ НЕ ЛЮБИТЕ БОГАТЫХ?

Àéàéíáí àð Òàéàéí

Àíá èðáí í úá ñáðáí áí í úá ñíðí òí èý í áæ è ò ù ñàí ùí ááí: áíðí ùí í óòáí.

*È. Èéúò, Á. Ý àð òí á
Çíéí òí é ò áéáí í é*

Согласно результатам опросов, в России 67% молодых людей хотят стать бизнесменами[1]. При этом более 70% из них уверены, что все успешные бизнесмены — воры и мошенники. Иными словами, когда молодой человек говорит: «Я выбираю бизнес», понимать его следует так: «Я хочу украсть как можно больше и быстрее и остаться безнаказанным».

В популярном интернет-сообществе[2] «Бизнес-форум» недавно обсуждался интересный вопрос. Участникам предложили назвать лучшие фильмы о бизнесе. Люди охотно вспоминали блокбастеры всех времен о мафии, о налетчиках, даже о квартирных и карманных ворах. Не большая часть, а все без исключения отождествили бизнес с криминалом. Кто-то подытожил с детской наивностью: «А сейчас практически каждый фильм — про бизнесменов, к примеру “Достучаться до небес”. Там и сутенерство, и рэкет».

Мне искренне жаль тех, кто считает, что успешный деловой человек — это непойманный преступник. Думающие так молодые люди бизнесменами не станут никогда. Утешает лишь, что и преступниками им тоже не бывать. Проведут они жизнь на диване, увлеченно рассказывая телевизору об уважительных и неодолимых причинах своих жизненных неудач.

Несмотря на пропасть, разделяющую настоящий бизнес и криминал, есть в них и нечто общее: чтобы преуспеть, нужно иметь золотую голову и стальные тестикулы. Бизнес и преступность — две дороги, расходящиеся от былинного камня: «Направо пойдешь... налево пойдешь...» И то и другое — путь к обогащению или краху. Путь морали и закона (закона общества и Закона Торы) называется бизнесом. Путь незаконный и аморальный — преступлением.

Иногда бизнес переплетается с криминалом, но в этом нет ничего удивительного: в современном мире все переплетается со всем: бизнес с искусством, власть с криминалом, наука с демагогией, философия с наркоманией.

Отношение общества к богачам важно не столько для них (они неплохо справляются и с большими проблемами), сколько для самого общества. Так как же, согласно мнению Торы, следует к ним относиться?

Талмуд часто повергает читателя в недоумение. Отчасти текст и ориентирован именно на этот эффект: так проще достучаться и до нашего сознания, и до нашего сердца.

И все же трудно не удивиться, встретив в одном из трактатов Вавилонского Талмуда лаконичное: «Наш Учитель^[3] уважает богатых»^[4]. Ничего странного не было бы в словах «уважает каждого», даже «уважает дровосеков», но — богатых?! Однако в тексте нет ошибки. Рабби Йеуда уважал богатых именно за то, что они богаты. Разумеется, он уважал каждого, но богатство вызывало в нем особое уважение. Точнее (и это знаменательно) не само богатство, а богатые люди. В этом стоит разобраться.

Любое слово в похвалу богатым для нашего уха звучит кощунственно. Это не значит, что мир пропитан презрением к деньгам. Отнюдь. Едва ли не каждый желает денег для себя и испытывает набор разнообразных жгучих эмоций к тем, кто эти деньги имеет. Банальная зависть (зачем усложнять?) прикрыта толстым слоем привычной демагогии — от верблюда, застрявшего в игольном ушке, до палат каменных, построенных, вестимо, на «народные средства».

За что же и почему рабби Йеуда а-Наси уважал богатых? И отчего в Талмуде сказано не «уважал» (как можно бы ожидать), а «уважает», намекая, что это — поведенческая рекомендация и для нас с вами.

Пятьдесят восемь лет назад, в праздничную ночь Симхат Тора, эти слова Талмуда напомнил своим ученикам Любавичский Ребе: «Богатые, воистину, по духовным причинам достойны особого уважения. Мы ведь видим, что сам Всевышний оказывает им уважение и милость»^[5].

Глубокие мысли посещают не только великих раввинов. Примерно о том же, хотя и несколько грубее, сказал сэр Уинстон Черчилль: «Каждый хочет считать себя избранныком Творца, но только у богатых есть на то веские основания».

Ребе вскользь заметил, говоря о богатстве, что в нем заключено не только благословение (вполне очевидное), но и испытание — причем большее, нежели испытание нищетой. Нищий мало что может: ему и согрешить-то с размахом не по силам. Богатый может многое, и, если он не грешит, его праведность выше праведности доброго бедняка.

Деньги — самый могущественный инструмент, известный человеческой цивилизации. Они сильнее пушек и быстрее ракет, они могут быть использованы на пользу или во вред, они не добро и не зло, не лекарство и не яд, но могут быть всем этим. Чем станут деньги — решает человек. И, если вы верите в Б-га (а вы верите в Него, даже если еще этого не осознали, даже давно и упорно с Ним воюя), вам придется признать, что коли этот инструмент, это абсолютное средство в большом количестве дано Всевышним человеку, то человек этот — особенный. Даже если вы увидели интервью с ним по ТВ и он показался вам глупым, даже если вы учились с ним в ПТУ и он был сереньким середнячком. В этом мире нет случайностей, все обусловлено и взаимосвязано.

Всевышний выбрал сравнительно немногих людей «распорядителями», им вручены огромные средства, на них лежит ответственность. Порой нам кажется, что они недостаточно делают для других. Но не мы дали им деньги, и не мы их назначили этими деньгами распоряжаться. Видимо, Главного Босса они устраивают. Или пока устраивают. Ведь у них бывают не только взлеты, но и падения. И падения столь же закономерны и зависят от их поведения, как и взлеты.

Я понимаю, что вотще буду призывать почтенную публику милосердно оценить трудности богатых, и все же попробую.

Сидит олигарх над стопкой прошений о благотворительной помощи. Что он видит перед собой? Университет, ешива, молодежный центр просят денег. Его денег! Им в поте лица заработанных (неважно, был ли пот виртуальным). Денег, на которые затрачены нервы, силы и здоровье. Эти деньги пойдут на то, чтобы незнакомые ему молодые люди (пахать на них можно!) провели годы в сытой праздности. Бизнесмен знает, что учеба даже не подготовит их к настоящей жизни. Деньги на ветер!

И все же бизнесмены дают миллиарды, содержат и учебные, и медицинские, и научные учреждения во всем мире. Мало дают? А вы бы дали больше? «Тогда мы идем к вам!» (с)

Чем тяжелее ноша, тем больше Всевышний дает несущему сил^[6]. Богатые люди — сильные люди. Мы начали с того, что богатых не любят. Но тут есть гендерная тонкость: богатых не любят мужчины.

Женщины их как раз любят. И не думайте о женщинах плохо, не в корысти тут дело. Женщины намного ближе к бескорыстному идеалу нас, грешных. Дело совсем в другом.

Довлатов тонок и точен: «Завистники считают, что женщин привлекают в богачах их деньги. Или то, что можно на эти деньги приобрести. Раньше и я так думал, но затем убедился, что это ложь. Не деньги привлекают женщин. Не автомобили и не драгоценности. Не рестораны и дорогая одежда. Не могущество, богатство и элегантность. А то, что сделало человека могущественным, богатым и элегантным. Сила, которой наделены одни и полностью лишены другие».

В частной переписке с Ицхаком Бен-Цви^[7] Ребе писал: «Многие удивляются тому, что рабби Йеуда а-Наси уважал богатых. Мне же ясно и очевидно, что это в точности соответствует одной из основных идей Бааль-Шем-Това^[8]: все в этом мире, вплоть до самых малых деталей и частных, происходит по воле Творца. Тем более это правило верно в отношении тех феноменов, которые касаются общества и задевают интересы многих. Богатые, которым Всевышний дал средства и влияние, позволяющие делать много добра в Его мире, разумеется, наделены и великими душевными силами, соответственно их средствам и ответственности. В той же мере, в которой их состояние превосходит состояние “одного из толпы”, силы их души превосходят силы человека со средним достатком».

Вы все еще не любите богатых? «Вы просто не умеете их готовить!» (с)

[1]. По данным Н. Покровского, доктора социологических наук, заведующего кафедрой общей социологии НИУ-ВШЭ.

[2]. <http://www.biznet.ru>

[3]. Имеется в виду рабби Йеуда а-Наси, составитель Мишны, глава еврейского народа (II–III вв.).

[4]. Эрувин, 86а.

[5]. Беседа Любавичского Ребе, Пурим 5730.

[6]. «По верблюду и поклажа». Сота, 13б.

[7]. Ицхак Бен-Цви (Шимшелевич; 1884–1963) — второй президент Государства Израиль.

[8]. Рабби Исраэль бен Элиэзер (1698–1760) — основатель хасидизма.

ВЕЛИКОЛЕПИЕ И ВОЛЯ К ПОБЕДЕ

Еצמח צעדק

Тора заповедала отсчитывать семь недель от окончания первого дня Песаха до праздника Шавуот. Каждая из них соответствует одной из семи сфирот — атрибутов Творца: первая — Хесед (Милость), вторая — Гвура (Мощь, или Суд). А третья — Тиферет (Краса, Великолепие). Семь дней каждой из этих недель — это шесть сочетаний сфиры данной недели с остальными шестью и сама эта сфера как таковая, так сказать, «в чистом виде». Таким образом, третий день третьей недели — это Тиферет ше-бе-Тиферет, «Краса крась», то есть сущность великолетия.

В этот день (который всегда совпадает со 2-м числом месяца ияр) в 5594 (1834) году родился четвертый Ребе Хабада, Ребе Шмуэль, Маараш (как принято сокращенно называть его у хасидов). Когда Йеуда-Лейб, второй сын Ребе Цемаха Цедека, спросил отца: «В честь кого дано имя Шмуэль? У нас в семье что-то нет этого имени... — и добавил шепотом: — Может быть, в честь пророка Шмуэля?» — отец ответил: «В честь водоноса в городе Полоцке, которого звали Шмуэль. “Мудрец предпочтительнее пророка”^[1]».

Обрезание — то есть введение в союз, который Всевышний заключил с Авраамом, — было сделано мальчику на следующей неделе, соответствующей сфере Нецах (Воля к победе). Оно пришлось на день, обозначающий новое сочетание с участием сфиры Тиферет: 9 ияра, Тиферет ше-бе-Нецах, «Красота в воле к победе». И эти две сферы — Тиферет и Нецах — в значительной мере определяют и образ самого Маараша и его деятельности.

На это указал его отец, Ребе Цемах Цедек. Первый раз — когда экзаменовал семилетнего сына в присутствии его учителя. Мальчик отвечал так, что тот восхитился и, не удержавшись, спросил Ребе: «А?! Что вы скажете?!» «Чего восхищаться, — ответил Цемах Цедек, — если “Тиферет ше-бе-Тиферет” хорошо делает свое дело». В 5603 (1843) году в Любавич приехало несколько видных раввинов и общественных деятелей, чтобы посоветоваться с Цемахом Цедеком. Среди них был раввин Давид Лурия из Быхова^[2], который завел с девятилетним Шмуэлем дискуссию по пониманию одного из сложных мест в Талмуде, и мальчик убедил его в своей правоте. Узнав об этом, Цемах Цедек сказал: «Неудивительно, ведь его обрезание пришлось на Тиферет ше-бе-Нецах!» Ребе Цемах Цедек знал, какой высокой душой обладает его младший сын. Кстати сказать, он называл своих сыновей по той черте, которая преобладала в каждом: «мой хасид», «мой ученый» и т. п. Про Маараша же он говорил: «Все это — в нем».

В семь лет Маараш уже хорошо знал Пятикнижие, большую часть книг Пророков и Писаний и уже учил Талмуд с комментариями. В это же время он начал слушать, как его отец произносил свои наставления по учению хасидизма, маамары. Ко дню своей бар мицвы (согласно обычаю дома Ребе, введенному Алтер Ребе) он уже знал наизусть Мишну. Цемах Цедек сам преподавал ему Танью, которую ребенок, подобно отцу, также заучил наизусть к бар мицве.

Ребе Цемах Цедек с самого раннего детства уделял пристальное внимание воспитанию своего младшего сына, в буквальном смысле не спуская с него глаз. Это было заметно даже в мелочах и вызывало всеобщее удивление. Старшие братья Шмуэля лучше других знали, что отец воспитывает их брата совершенно особым образом, но они — почти все сами ставшие в дальнейшем главами хасидских дворов — также лучше других понимали, что отец готовит младшего сына к исполнению особого предназначения: стать не только руководителем группы хасидов, но духовным главой народа Израиля.

Еще в детстве благодаря своему обаянию мальчику удавалось пробуждать симпатии старых хасидов, от которых он услышал множество рассказов о былых временах и стал их записывать, как только выучился писать. (В этом он также подражал отцу, который в его возрасте старался побольше времени проводить в обществе старых хасидов и слушать их беседы.)

Когда Ребе Шмуэлю шел восемнадцатый год, Цемах Цедек сказал сыну, что пора пройти экзамен для получения смихи — диплома на звание раввина. Маараш исполнил указание отца и — несколько раз в различные времена — получил смиху от виднейших раввинов того времени, в том числе от гениального рабби Ицхака-Айзика Эпштейна, раввина города Гомеля, и от знаменитого хасида и праведника рабби Гилеля из Парича. Однако свои знания он скрывал и вел себя чрезвычайно скромно. В этом плане показателен вот какой случай.

С двадцати одного года Маараш стал по указанию Цемаха Цедека заниматься общественными делами и исполнял иной раз весьма сложные поручения отца, связанные с поездками в самые различные места, — большей частью скрытно. Однажды, будучи проездом в местечке Белз, Маараш, одетый в скромную одежду купца, зашел в бейт мидраш знаменитого рабби Сара-Шалом — родоначальника династии адморов из Белза. Помещение было заполнено хасидами, и когда цадик вошел (а он был слеп), ему проложили прямой путь через толпу от двери до его стола. Однако, едва войдя, рабби Сар-Шалом остановился и сказал, что чувствует великолепный аромат, а затем решительно двинулся в сторону Маараша, стоявшего в дальнем углу. Ребе взял его за руку и сказал: «Молодой человек, от меня не спрячешься!» — а затем повел его к своему месту. Кто-то из хасидов попытался «исправить ошибку», сказав: «Ребе! Да ведь это простой купец!» «Верно! — ответил тот. — Он и вправду купец: “Ибо покупка ее [Торы] лучше любого товара”[3]».

«Никто не видит в нем ничего особенного и ничего о нем не знает, — вспоминал о Маараше один из старших хасидов, рабби Дан Томаркин, — а начнешь говорить с ним — нет ни одной области в Торе, которую он знает не в совершенстве. Он незаметно для всех учит Тору во имя ее самой, и, естественно, исполняется сказанное в Мишне[4]: “<...> Дают ему царство и власть <...> и открывают ему тайны Торы <...> и она возвеличивает его и возвышает над всеми делами”».

Поэтому неудивительно, что в начале 5626 года, последнего года своей жизни (то есть осенью 1865-го), Цемах Цедек приказал Маарашу публично произносить маамары (то есть вести себя как Ребе), а незадолго до своей кончины написал хасидам: «Его слушайте, как слушались меня». Самому же Маарашу Цемах Цедек оставил такое завещание: «...Будь сильным и смелым, чтобы писать и произносить, а я даю тебе великое дозволение[5]. Не бойся ни одного человека, и Всевышний, благословенно Его Имя, даст успех тебе в материальном и духовном: учиться и учить, блюсти и исполнять». И подписал: «Твой отец, заботящийся о благополучии и благе наших хасидов».

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

דַּעְוֵי רַע אֵל. יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Вся жизнь Ребе Маараша была полна испытаний; чтобы выстоять, ему постоянно требовалось пробуждать и обновлять в душе нецах — волю к победе.

В 13 лет Маараша сосватали с дочерью его старшего брата, третьего сына Цемаха Цедека рабби Хаима-Шнеура-Залмана. И подготовка к свадьбе, и она сама отличались особой праздничной атмосферой, однако уже в течение «семи дней пира» после свадьбы новобрачная тяжело заболела и через три месяца умерла. Чтобы утешить сына, Цемах Цедек поселил его в соседней со своим кабинетом комнате, дал разрешение заходить к себе в любое время, уделял больше времени для занятий с ним, знакомил с рукописями, которые не показывал никому больше. Через два года, летом 5609 (1849) года, Маараш вступил в брак с Ривкой, дочерью рабби Аарона Александрова из Шклова, внучкой (по матери) Мителер Ребе, рабби Дова-Бера[6].

Как уже упоминалось, еще при жизни Цемаха Цедека Маараш начал принимать активное участие в общественной деятельности. По указаниям отца он налаживал личные контакты как в России, в близких к правительственным сферам кругах, так и в Западной Европе, — в основном с влиятельными еврейскими финансистами и общественными деятелями. Первым большим успехом Маараша стало спасение, благодаря его личному присутствию в Киеве и переговорам с губернатором, сотен еврейских семей от изгнания из деревень на Волыни в 1863 году. В 1865 году Маараш отправился в Петербург и сумел добиться отмены проекта новых ограничений для евреев в Литве и Западной Украине. Затем, в 1869 году, Маараш организовал в Петербурге постоянно действующий совет, занимавшийся проблемами еврейской жизни. А в 1870 и 1879 годах, не считаясь с плохим состоянием своего здоровья, Маараш приложил огромные усилия, чтобы утихомирить поднимавшиеся было волны еврейских погромов.

Маараш, всегда защищавший принципы иудаизма не считаясь с мнением (и самолюбием) ассимилированных «столичных» евреев, навлек на себя их непримиримую ненависть. С особенной силой проявилась она в 1880 году, когда поднялась инспирированная сверху настоящая буря еврейских погромов и Ребе, срочно вернувшись из-за границы, приехал в Петербург. Ему удалось найти возможность заручиться поддержкой высокопоставленных чиновников, однако те посоветовали, чтобы для большей внушительности министра внутренних дел и главу Сената посетила целая еврейская делегация из самых известных финансистов, богачей и ученых, возглавляемая знаменитым меценатом, покровителем наук и искусств бароном Г. Гинцбургом.

Ребе созвал кандидатов в члены делегации на срочное совещание и предложил им подробную программу действий. Однако реакцией Гинцбурга было: «Мы что, чурбаны? Нами можно играть, как пешками?! Если мы действительно видные люди, вам надлежит постоянно считаться с нами, а если нет, так и сейчас все можно сделать без нас!»

Маараш ответил: «Написано в Мегиле^[7]: “Ибо если смолчишь ты в такую пору, то помощь и избавление придут к иудеям из иного места, а ты и твой род сгинете”. Для меня нет сомнения, что “помощь и избавление придут к иудеям”, а раз вы не хотите в этом участвовать, будет это “из иного места”. Но тогда “ты и твой род сгинете”!..»

И Ребе пошел к министру внутренних дел сам — в сопровождении только двух хасидов.

Тот сердечно принял Ребе, но Маараш прямо упрекнул министра, что он не исполнил данного ранее обещания остановить погромы, и отметил, что такой образ действий вызывает недовольство за границей. Сановник ответил, что знает о большой силе иностранных еврейских капиталистов, но также знает, что они не испытывают никакой симпатии к русским евреям, а ортодоксальных раввинов даже ненавидят.

— Вы не имеете никакого представления о психологии евреев и об их братской любви друг к другу, — ответил Ребе. — Ко мне поступают запросы от влиятельных капиталистов за границей, как относиться к печальным вестям о положении евреев в России и что можно сделать для охраны их жизни и имущества.

— Так что же вы ответили? — раздраженно спросил министр.

— Я воздержался от ответа до того, как услышу ответ русского правительства на мои ходатайства.

— Вы угрожаете русскому правительству вмешательством иностранных капиталистов?! — повысил голос министр.

— Министр не должен принимать мои слова за угрозу, — смело ответил Ребе, — но обязан считаться с ними как с очень серьезным фактом. Потому что поддержка будет оказана и нееврейскими капиталистами, так как на такие варварские действия должно резко реагировать все человечество!

— Что, вы собираетесь произвести в России революцию с помощью иностранного капитала?!

— К ней со временем приведут сами русские государственные деятели своими бюрократией и безответственностью, — бесстрашно ответил Маараш и ушел.

Когда он вернулся в гостиницу, где остановился, то потерял сознание. К нему немедленно привезли врача, профессора Йозефа Бертенсона, который симпатизировал Ребе и лечил его во время

предыдущих приездов в Петербург. Кстати, именно он устроил для Ребе прием у министра внутренних дел. Врач осмотрел Ребе, дал указания по уходу за ним, несколько раз навещал его. Почти двое суток Маараш оставался без сознания. Когда он пришел в себя, профессор Бертенсон попенял ему, что он совершенно не считается с состоянием своего здоровья.

— Все отцы мои, — ответил Маараш, — шли на самопожертвование ради народа Израиля, и я не могу иначе.

Через две недели был получен благоприятный ответ от министра, и погромы прекратились — по крайней мере, на некоторое время.

Однако Маараш жертвовал собой не только ради народа в целом, но и ради отдельных евреев. Известен рассказ Ребе Раяца[8] о том, как однажды Маараш неожиданно прервал лечение на курорте и поехал в Париж только для того, чтобы в игорном зале самого роскошного отеля подойти к одному игроку и тихо сказать ему по-еврейски: «Молодой человек, нееврейское вино омертвляет и мозг, и сердце. Будь евреем!»

Один из спутников Маараша потом рассказывал, что никогда в жизни не видел Ребе в таком волнении. А на того, к кому Ребе подошел во время игры, услышанные слова произвели столь сильное впечатление, что он нашел Маараша в отеле и просил разрешения поговорить с ним. Они долго разговаривали с Ребе наедине. Затем молодой человек ушел, а Ребе сразу же уехал из Парижа. Позже Ребе сказал, что уже несколько поколений на землю не спускалась такая чистая душа, однако она попала в плен к силам скверны. Короткое время спустя после возвращения Маараша в Любавич молодой человек приехал туда, полностью изменив свой образ жизни и поведение.

Таков облик истинного главы еврейского народа.

[1]. *Зоар, ч. II, 116б.*

[2]. *Радаль (1798–1856) — талмудист, каббалист и ученый, автор комментариев к Талмуду и к «Пиркей де-рабби Элиэзер», а также исследования «Аутентичность книги “Зоар”».*

[3]. *Слова о Торе из «Акафот» в праздник Симхат Тора.*

[4]. *Авот, 6:1.*

[5]. *«Сомех отха бисмиха раба» — можно также понять: «...Поддерживаю тебя великой поддержкой».*

[6]. *О ребецн Ривке см.: Лехаим. 2011. № 1. С. 13–15.*

[7]. *Эстер, 4:14.*

[8]. *Сефер асихот 5705, с. 30–31. На него как на образец любви ко всем евреям ссылается Ребе Менахем-Мендл Шнеерсон в своем первом маамаре «Бати ле-гани», 5711.*

1008-1013 אָאױ.

*נאִי װע אָאױעס ע אַזױדעזאָױ װע אַױסאָױעס אַױ ןאָױײַטע װע אַזױדעזאָױ װע ןאָױדעזאָױעס ןױעױע אַאָדעױע
אעאָעע.*

די ןױעױע אַױ ןאָױײַטע אַױ אעאָעױױאָע

О причинах создания кафедры, ее задачах и перспективах мы поговорили с ректором СПбГУ Н.М.Кропачевым и заведующим кафедрой И.Р.Тантлевским, о том, каково на ней учиться, нам рассказали студенты, а увидеть новую кафедру в контексте питерского высшего еврейского образования XIX–XXI веков читателю поможет очерк о развитии иудаики в Санкт-Петербурге/Ленинграде.

Санкт-Петербургу принадлежит особая роль в истории и развитии не только российской, но и мировой науки о еврействе — иудаики. Именно здесь, в столице Российской империи, на территории которой проживало к началу XX века около 6 млн евреев (т. е. приблизительно столько, сколько в современном Израиле), еще в XIX веке появляются первые в стране еврейские культурно-просветительские организации, зарождается и развивается российская иудаика. Исследования еврейского культурного наследия, осуществлявшиеся петербургскими учеными, в значительной степени повлияли на формирование современной еврейской национальной идентичности. В библиотеках и архивах Петербурга до настоящего времени хранятся крупнейшие в мире коллекции еврейских рукописей, во многих отношениях превосходящие знаменитые собрания Оксфорда, Иерусалима и Нью-Йорка: это и ценнейшие библейские масоретские манускрипты (в том числе знаменитый Ленинградский кодекс [1008–1013 годы] — древнейший и наиболее авторитетный из дошедших до нас полный датируемый масоретский список Еврейской Библии), крупнейшее собрание еврейско-арабских рукописей (около 9 тыс. единиц), грандиозные коллекции и архивы по истории и культуре восточноевропейского еврейства Нового времени. В Петербурге хранятся также и значительные собрания еврейских книг, включая инкунабулы и палеотипы.

В 1863 году под председательством барона Евзеля Гинцбурга в Петербурге возникает Общество для распространения просвещения между евреями в России. В 1892 году, откликнувшись на призыв историка С. Дубнова, группа молодых историков-любителей Петербурга создала при этом Обществе специальную Еврейскую историко-этнографическую комиссию, которая в течение нескольких лет сумела подготовить и выпустить в свет ряд интереснейших документальных изданий и библиографию «Литература о евреях на русском языке». В 1908 году эта Комиссия была преобразована в Еврейское историко-этнографическое общество, которое с 1909 года начало выпуск первого в России еврейского научного исторического журнала «Еврейская старина». В 1910–1913 годах в Петербурге под руководством С. Гинцбурга вышли в свет четыре тома сборника «Пережитое». На его страницах было опубликовано значительное количество источников по истории российского еврейства. В 1916 году при Еврейском историко-этнографическом обществе возникает Еврейский музей, аккумулировавший материалы, собранные в 1911–1914 годах этнографическими экспедициями под руководством С. Ан-ского.

Коллекции еврейских рукописей и книг начали складываться в Петербурге с середины XIX века. В первую очередь следует назвать коллекцию древних еврейских рукописей (т. н. «Коллекцию А. Фирковича») в Российской национальной библиотеке (бывшая Императорская публичная библиотека). Около полувека ее изучением и хранением занимался выдающийся востоковед, филолог и историк Авраам Гаркави. В XX веке описанием этого рукописного собрания занимались такие ученые, как П. Коковцов, И. Маркон, А. Борисов, И. Равребе, Л. Вильскер и др.

С 1860-х годов коллекционированием еврейских книг и рукописей начала заниматься семья Гинцбург. При Давиде Гинцбурге это собрание становится самой крупной частной еврейской библиотекой в Европе. Д. Гинцбург стал первым ректором частных Петербургских Курсов востоковедения (открыты в 1908 году) — именно так были вынуждены назвать тогда первое в России еврейское профессиональное национальное высшее светское учебное заведение. К преподаванию на этих Курсах были привлечены лучшие на тот момент специалисты, а их выпускниками стали такие видные ученые, как Й. Кауфман и С. Цейтлин, писатель Ц. Войцлавский, третий президент Израиля Ш.-З. Рубашов (Шазар).

№ АІ-іссє (пєаа) ааіаааò пєєòаєуї є іаї іа єç аааєіссєò і ааò-ає І іаіссє.

1912-1914 ааа

В 1892 году петербургский купец Л. Фридлянд подарил Азиатскому музею (ныне — Институт восточных рукописей РАН; далее: ИВР) свою уникальную коллекцию еврейских рукописей и книг. На протяжении многих лет их обработкой и изучением занимались такие ученые, как С. Винер и И. Гинцбург. Таким образом, в городе была создана уникальная база источников по истории еврейского народа.

На протяжении десятилетий в Петербурге творили пионеры еврейской национальной историографии: С. Дубнов, Ю. Гессен, С. Гинзбург, И. Цинберг, — люди, заложившие основы и определившие ход развития еврейской национальной историографии. Именно в Петербурге в 1909 году было задумано грандиозное по тем временам многотомное издание «История еврейского народа». Этот коллективный труд был призван обобщить накопленные за предыдущие годы знания об исторических судьбах еврейского народа. Его творческий коллектив составили практически все крупные еврейские историки, проживавшие на просторах Российской империи. Из-за начала первой мировой войны и последовавшей затем экономической и политической разрухи это издание осталось незавершенным, в свет вышло только два тома и в их числе том, посвященный истории евреев в России.

Таким образом, можно констатировать, что к 1917 году в Петербурге/Петрограде была создана и успешно развивалась подлинно научная национальная традиция по всестороннему изучению истории и истории культуры еврейского народа. В созданную систему входили архивные и книжные коллекции, научные объединения, высшее учебное заведение, периодические издания и книжные издательства, выпускавшие на русском языке все виды исторической литературы: от школьных учебников до многотомных исследований.

Годы революционных потрясений и Гражданской войны фактически приостановили дальнейшее развитие иудаики в Петрограде. Хотя следует отметить, что в феврале 1919 года был создан Петроградский еврейский народный университет, переименованный осенью 1920 года в Институт высших еврейских знаний (закрит в 1925 году). В этом учреждении на протяжении нескольких лет преподавали многие из оставшихся в городе ученых, занимавшихся иудаикой. В 1920-х годах активизировалась работа Общества просвещения среди евреев в России. Его членам удалось выпустить в свет несколько научных и научно-популярных сборников, таких, как «Еврейская летопись», «Еврейская мысль». Продолжило свою деятельность и Еврейское историко-этнографическое общество, которому в тех условиях удалось возобновить издание «Еврейской старины».

Однако к концу 1920-х годов как на всю отечественную историческую науку в целом, так и на иудаику началось давление, а затем грянули и репрессии. К этому времени один за другим страну покинули наиболее видные представители национальной историографии: С. Дубнов, С. Гинзбург, И. Маркон, И. Чериковер и др. На рубеже 1920–1930-х годов власти ликвидировали все «несоветские» еврейские научные организации. Запрещено было и издание «Еврейской старины». В 1932 году было ликвидировано и Еврейское отделение рабфака ЛГУ (основано в 1925 году).

Как замечает в своей книге «Евреи Ленинграда: 1917–1939» израильский историк М. Бейзер[1], в России официальная «академическая наука уходила корнями в христианскую библеистику, не признававшую существования единого еврейского народа после разрушения Второго храма. Поскольку марксизм унаследовал эту точку зрения, кафедры по новой еврейской истории не появилось в Ленинграде ни в одном вузе, она не изучалась и в академических институтах[2]. Что касается главного высшего учебного заведения города, Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета, то здесь в области еврейских дисциплин преподавание и исследования, как правило, не шли далее изучения отдельных аспектов гебраистики. Еще в 1855 году на факультете восточных языков университета появляется кафедра древнееврейской, сирийской и халдейской (арамейской) филологии во главе с Д. Хвольсоном (с 1854 по 1884 год — заведующий кафедрой древнееврейского языка и библейской археологии). Под его руководством в 1868–1872 годах был опубликован Синодальный перевод Библии с еврейского на русский язык. В 1933 году в Ленинграде была открыта кафедра семитских (с 1934 года — семито-хамитских) языков и литератур, где на древнееврейском цикле преподавали И. Франк-Каменецкий, М. Соколов, А. Борисов, И. Бендер, И. Винников. В 1937 году эта кафедра была переведена на восстановленный в ЛГУ филологический факультет.

Групповая фотография преподавателей и студентов Еврейского университета в Петрограде.

На фото: С. Дубнов, И. Цинберг, И. Равребе, И. Гинцбург и др.

1921 год

В 1938 году начались репрессии в отношении того небольшого круга еврейских ученых, которые еще пытались самостоятельно поддерживать национальную научную традицию. Были арестованы и погибли в заключении И. Цинберг, И. Равребе, И. Клейнман. К началу Великой Отечественной войны петербургская научная еврейская историческая традиция была по существу прервана.

В послевоенные годы антиеврейские, антиизраильские и антирелигиозные кампании советского режима крайне затрудняли изучение всего, хоть как-то связанного с еврейством. Эта тенденция господствовала даже в ходе и после хрущевской «оттепели». Дело подчас доходило до абсурда. Когда всенародный любимец Корней Чуковский предложил в 1960-х годах издать для детей пересказ Библии, ему после продолжительных хлопот и разъяснений это разрешили, но с условием, что там не будут упоминаться... Израиль/израильяне и т. п. Книгу под названием «Вавилонская башня и другие древние легенды» все же удалось издать в издательстве «Детская литература» в 1968 году, однако весь тираж был уничтожен властями (книга стала доступна читателю лишь в 1990 году). А ленинградская исследовательница К. Старкова долго убеждала редактора научного издательства, что слова Бог и Господь в ее переводах кумранских рукописей все-таки следует писать с прописной буквы, ибо эти термины интерпретируются переводчицей как имена собственные. Убедила, но ее книга «Тексты Кумрана», подготовленная к печати в начале 1970-х годов, тогда так и не увидела свет — не в последнюю очередь из-за позиции СССР в Войне Судного дня. (Книга издана в Петербурге лишь в 1996 году — воистину, *habent sua fata libelli*, «книги имеют свою судьбу»!) И все же кумранология стала, по сути, единственной гебраистической дисциплиной в СССР, которой власти позволили официально и полноценно развиваться на академическом уровне: в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук (ныне — ИВР) сложилась крупная, мирового значения, школа кумранистики (И. Амусин, К. Старкова, М. Елизарова, А. Газов-Гинзберг). Здесь же начинал свои исследования рукописей Мертвого моря автор этих строк.

В ЛО ИВАН СССР работали И. М. Дьяконов и И. Ш. Шифман, внесшие ценный вклад в развитие отечественной библеистики и гебраистики. Еврейские рукописи в фонде Института востоковедения изучали М. Зислин, К. Старкова и др. Сотрудник института С. Якерсон занимается средневековой еврейской книгой; он также принял активное участие в формировании еврейской экспозиции в Российском этнографическом музее, наряду с Л. Урицкой и др.

В ЛГУ/СПбГУ древнееврейский и арамейский языки и некоторые аспекты гебраистических штудий преподавались несколько лет на кафедре ассириологии и гебраистики (до ее закрытия), с 1950 года — на кафедре арабистики (Г. Глушкина, Г. Демидова, Л. Малыгина, Я. Сикстулис), а с 2009-го — на кафедре Древнего Востока и семитологии (А. Немировская и др.) восточного факультета. Здесь изучается и современный иврит. В 2005 году на филологическом факультете СПбГУ возникла кафедра библеистики (А. Алексеев, Е. Мещерская, Ю. Вартанов и др.).

В 1970–1980-х годах на подпольных исторических и культурологических семинарах, организованных национальными активистами, началось восстановление еврейской научной традиции. С 1982-го по 1988-й нелегально печатался и распространялся «Ленинградский еврейский альманах», где публиковались статьи по истории еврейского народа. У истоков возрождения еврейской историографии в Петербурге стояли ныне известные специалисты в этой области: М. Бейзер, В. Лукин, Б. Хаймович и ряд других ученых.

В 1989–1990 годах в Ленинграде группой активистов (И. Дворкин, В. Лукин, Б. Хаймович) был создан Еврейский университет, в котором при содействии историков и филологов из ряда высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов города было организовано преподавание иврита и идиша, а также многих аспектов еврейской истории и этнографии. (Ныне Еврейский университет преобразован в Петербургский институт иудаики; ректор — Д. Эльяшевич.) В 1999 году в Европейском университете в Санкт-Петербурге был создан Межфакультетский центр «Петербургская иудаика» (директор — В. Дымшиц; сотрудники: В. Кельнер, А. Львов, А. Соколова, А. Иванов и др.). Его целью стала подготовка аспирантов, специализирующихся по проблемам истории, истории культуры и антропологии восточноевропейского еврейства.

Важным событием в истории петербургской академической иудаики стал визит в Санкт-Петербургский государственный университет летом 2000 года делегации из Еврейского университета в Иерусалиме во главе с ректором Менахемом Бен-Сасоном. В ходе визита был подписан междууниверситетский договор, в рамках которого в старейшем университете России, СПбГУ, основанном еще в 1724 году по указу Петра Великого, был создан Центр библеистики и иудаики (директор — И. Тантлевский), то есть академическая структура, целиком ориентированная на подготовку специалистов в области еврейских исследований при участии как ведущих российских, так и иностранных преподавателей.

Поворотным моментом в развитии петербургского высшего еврейского образования и науки о еврействе стал опубликованный 5 марта 2011 года приказ ректора СПбГУ проф. Николая Михайловича Кропачева о создании полномасштабной кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, ставшей преемницей Центра библеистики и иудаики. Впервые в истории СПбГУ создана титульная еврейская кафедра, программы которой, разработанные при участии ведущих в мире специалистов в области еврейской цивилизации, предполагают комплексное изучение всей проблематики, связанной с историей и культурой евреев в различные периоды их жизнедеятельности в главных ареалах их проживания, включая восточноевропейское и российское еврейство. Функционирование кафедры еврейской культуры в крупнейшем вузе Санкт-Петербурга призвано стать ключевым звеном в системе подготовки специалистов по истории и истории культуры еврейского народа, воссозданию и развитию традиций петербургской школы иудаики, обеспечивать преемственность академического процесса в различных сферах еврейского образования в России и присутствие российской иудаики в мировом научном сообществе.

[1]. *Евреи Ленинграда: 1917–1939. Национальная жизнь и советизация. М., 1999.*

[2]. *Там же. С. 320.*

«НАША ЦЕЛЬ:

СДЕЛАТЬ УНИВЕРСИТЕТ УДОБНЫМ МЕСТОМ
ДЛЯ ВСЕХ»

Αἰγιῶ ἀγιῶ Ὑἱῶδᾶ Διδόσᾶεί («Ἰ ἰφ-Ἐἰδέ ὀᾶεί ἦ») ἔ ἰ ὀᾶἔ Ὑἱῶσᾶεί

Δᾶἔᾶᾶᾶᾶᾶ Ἰ. Ἰ. Ἐᾶἰ Ἰᾶ×Ἀᾶ Ἰ Ἐᾶᾶᾶᾶᾶ Ἀᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ
Ἐᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἔ Ἰᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ

*Ἀ. Διδόσᾶεί, Ὑ. Διδόσᾶεί ἡᾶᾶᾶᾶᾶ, Ἰ. Ὑἱῶσᾶεί, ἰᾶᾶᾶᾶ ἰ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ ἰ ἰ ἰᾶᾶᾶᾶ ἔ ὀᾶᾶᾶᾶ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶᾶ
Ἀ. Αἰδέἰᾶᾶᾶᾶ, ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ Ἰᾶᾶᾶᾶ Ἰ. Ἰ. Ἐᾶἰ Ἰᾶᾶᾶᾶ*

Ἰ ᾶᾶᾶᾶᾶᾶ 22 ἰ ᾶᾶᾶ 2011 ᾶᾶᾶ

Эдвард Ротштейн Господин ректор, какое значение для университета в целом будет иметь открытие кафедры еврейской культуры?

Николай Кропачев Я бы не стал сводить все только к открытию новой кафедры. Наша цель — сделать университет удобным местом для людей разных религий, разных национальностей, разных политических взглядов. И создание кафедры еврейской культуры — лишь один из шагов на этом пути.

Но это вовсе не значит, что весь еврейский «контент» должен изучаться непременно в рамках одной-единственной кафедры. Вот лишь два примера. Израильская правовая система, как мы знаем, очень оригинальная, и, безусловно, ее изучение должно быть составной частью всех курсов по истории права. Или курс истории России. Как можно читать его без учета значения еврейской общины, еврейской культуры в истории нашей страны? Этот ряд легко продолжить, подобных примеров очень много. Поэтому я был даже несколько разочарован непониманием со стороны коллег, которые сводили эту проблему исключительно к

открытию кафедры, игнорируя вопрос об открытости всех университетских программ новому знанию, связанному с огромным пластом человеческой культуры. Одна из проблем, которую нам предстоит решить, — создание и в студенческой, и в преподавательской среде такой атмосферы, когда национальная и религиозная принадлежность человека не мешали бы его пребыванию в Петербургском университете.

ЭР Это очень близко к американской модели университета.

НК Я бы сказал, что это не американская — это нормальная модель... Через неделю у меня состоится встреча с представителями всех конфессий, которые есть в нашем вузе. Я пригласил их к себе, чтобы обсудить вопрос: что им мешает чувствовать себя в университете комфортно? Возможно, кто-то хотел бы жить в общежитии в одной комнате с человеком, исповедующим ту же религию, — такие моменты надо учитывать. Или, например, можно ли принуждать еврея-преподавателя работать в те дни, когда это запрещено его религиозными законами? В российских университетах помнят про православные праздники и всегда просят, если в такой день люди уйдут пораньше, а на следующий — придут попозже. Но почему тогда мы требуем от преподавателя-еврея на следующий день после праздника, в который иудей обязан выпить так, чтобы путать двух библейских героев, выходить на работу с раннего утра? Надо уметь относиться к тому, с кем ты общаешься, исходя из простого принципа: сделай так, чтобы ему было хорошо.

Михаил Эдельштейн Какие еще новые гуманитарные направления были открыты за последнее время в Петербургском университете, какова стратегия гуманитарного развития вуза и как вписывается в эту стратегию кафедра еврейской культуры?

НК Совсем недавно, год с небольшим назад, был открыт факультет искусств. Его деканом согласился стать маэстро Гергиев. Как безусловное достижение в гуманитарной сфере я рассматриваю недавнее решение о создании факультета свободных искусств и наук, деканом его планируется избрать министра финансов Алексея Кудрина (этот проект осуществляется совместно с американским Барт-колледжем). Это решение было принято на том же заседании ученого совета, где было решено открыть кафедру еврейской культуры. Одновременно на восточном факультете была создана кафедра семитологии.

Есть и более широкий контекст. Семьдесят лет советское гуманитарное знание было замкнуто в границах Советского Союза. И теперь, когда железный занавес рухнул, традиционная гуманитаристика начинает меняться. Будучи еще деканом, даже заместителем декана юридического факультета, в 1990-х годах я призывал к тому, чтобы читалось не гражданское или уголовное право Российской Федерации, а гражданское или уголовное право вообще.

Основной барьер на пути распространения новых подходов — это барьер языковой. Поэтому для всех новых преподавателей, которые принимаются на гуманитарные направления, особенно такие «продвинутые», как юриспруденция или менеджмент, знание иностранных языков обязательно. На некоторых факультетах английский язык вообще отменяется как отдельный предмет, а вместо этого ряд курсов начинает читаться на английском. И так должно быть везде. Но на каких-то отделениях добиться этого крайне сложно.

ЭР В Америке многие химики, например, тоже неважно говорят по-английски.

НК Для того чтобы заниматься наукой, химику иностранный язык действительно не очень нужен. Но чтобы участвовать в конференциях, симпозиумах, вести занятия у студентов-иностранцев, читать лекции за границей и принимать здесь преподавателей из-за рубежа — для всего этого английский просто необходим.

МЭ А как воспринимаются эти преобразования в университетской среде?

НК Раньше я был избранным ректором. Но с тех пор как меня назначил президент, проводить изменения мне стало легче. Возможно, назначаемость ректора — это плохо, но не в нашей сегодняшней ситуации, когда в среде универсантов далеко не все заинтересованы в более широком преподавании предметов на иностранных языках, в совмещении образовательной и научной деятельности, в действительном конкурсе при избрании на должность, в дифференциации заработной платы, в оценке своей работы со стороны студентов, в наделении студентов правом самостоятельно выбирать образовательную директорию и т. д. Студенты заинтересованы в этих новациях, а какая-то часть преподавателей — нет. Ученый совет одного из факультетов только что принял обращение ко мне, где говорится, что им не нужен английский язык на том уровне, который заложен в новом образовательном стандарте нашего университета. В этой ситуации любого ректора, который попытается что-то изменить, неизбежно забаллотировать при переизбрании. Но, когда эти преобразования будут проведены, тогда ректора ни в коем случае нельзя назначать, он должен избираться.

МЭ Вы упомянули о кафедре семитологии, которая открывается на восточном факультете. Почему кафедра еврейской культуры открывается на философском факультете — стоит ли за этим какая-то «философия» или же просто так исторически сложилось?

НК Так исторически сложилось, центр библеистики и иудаики возник в свое время на философском факультете. Но это не остановило исследований еврейской культуры, еврейского языка на восточном факультете. Хочу закончить тем же, с чего мы начинали: интерес к еврейскому праву присутствует у преподавателей юридического факультета, хотя они, разумеется, не являются сотрудниками кафедры еврейской культуры; израильская проблематика затрагивается на факультете международных отношений, на факультете географии и так далее. Поэтому как ни важно для нас открытие кафедры еврейской культуры, не хотелось бы всех, кто интересуется еврейской историей, литературой, языком, концентрировать на какой-то одной кафедре или даже факультете. Университет многолик, но един.

окончательное формирование научной школы, в которой осуществляется полноценное обучение студентов и аспирантов. Для развития мировой иудаики важно иметь значительное число специалистов, способных работать с еврейскими манускриптами, архивами, документами разных эпох, хранящимися в Петербурге, и как раз на академической кафедре процесс подготовки таких специалистов может осуществляться наиболее оптимально.

ГЗА что меняется с преобразованием, что дает вашей структуре смена статуса?

ИТОткрытие кафедры означает возможность ежегодного набора студентов, причем набора с небольшим «запасом». Мы даем не только фундаментальное общегуманитарное образование, но и уникальное специальное, требуем от студента знания нескольких языков. Это не каждый «потянет», мы должны иметь возможность оставлять лучших, а кого-то отчислять. Кроме того, как я уже отметил, кафедра — это постоянный штат сотрудников, это формирование научной школы, институционализация аспирантуры, возможность организовать своего рода «малый факультет», вести культуртрегерскую деятельность, работать со старшеклассниками, отбирая при этом потенциальных абитуриентов. Замечу также, что со следующего учебного года мы переходим на систему бакалавриата и магистратуры.

ГЗОбилие приезжих лекторов вы рассматриваете как плюс или в перспективе планируете замещать их своими кадрами?

ИТЯ думаю, это огромный плюс во всех отношениях, и практика ведущих университетов мира показывает, что всегда находятся «неохваченные» дисциплины, новые направления, открытия, о которых лучше расскажет кто-то извне, есть ученые с другими точками зрения или даже стоящие на диаметрально противоположных позициях, чем кафедральные профессора.

Конечно, и сейчас у нас есть ряд талантливых аспирантов и молодых кандидатов наук, которые работают со студентами, а образование кафедры даст возможность готовить намного больше собственных кадров. Но с другой стороны, пока существует возможность приглашать иностранных специалистов, особенно носителей иврита, — мы будем это делать. Это может выражаться не только в семестровых курсах, как сейчас, но и в блиц-визитах, в серии семинаров или открытых лекций. Но сама по себе иностранная составляющая, я считаю, чрезвычайно важна для развития кафедры — все научные направления собственным штатом охватить невозможно.

ГЗПонятно, что иностранные преподаватели, кроме всего прочего, ценны тем, что имеют доступ к источникам и научной литературе. Как решается проблема «отрыва» студентов от монографий и специальных журналов, выходящих и выходящих в других странах?

ИТТакая проблема действительно существует, библиотеки недостаточно регулярно пополняются новой литературой. Решается она несколькими способами. Во-первых, сейчас многие публикации, особенно журнальные, почти одновременно появляются и на бумаге, и в Интернете. Мы целенаправленно знакомим наших студентов с теми интернет-ресурсами, где они могут почерпнуть информацию по иудаике. Во-вторых, у нас предусмотрены специальные стажировки, во время которых студенты работают в библиотеке Еврейского университета в Иерусалиме. В-третьих, как раз иностранные преподаватели присылают студентам те книги или статьи, которые нужны им для написания курсовых либо дипломов. Наконец, мы собираемся создать при кафедре постоянно пополняемую справочную библиотеку, где студент сможет ознакомиться с нужным ему сюжетом в прелиминарном порядке, составить список необходимой литературы, отследить основные вехи современного научного процесса в области иудаики.

ГЗВы несколько раз упомянули вашего основного партнера — Еврейский университет в Иерусалиме. Но ведь современная иудаика достаточно полифонична. Есть, скажем, «ревизионистский» Тель-Авивский университет, противостоящий «традиционалистам» из Иерусалима, не говоря уже об американских научных центрах. Доходят ли до студентов альтернативные точки зрения?

ИТУ нас бывают специалисты из Тель-Авива, Сорбонны, Гарварда, хотя и не очень часто. Иногда мы специально просим иерусалимских коллег информировать студентов об альтернативных точках зрения. Другое дело, что ревизия библейской археологии, которой славен Тель-Авивский университет, с моей точки зрения, не всегда достаточно глубоко обоснована и подчас рассчитана скорее на сенсацию, как и разного рода «коды и нумерологии» Библии или гипотезы нашего Фоменко. Это все же маргинальное явление. В кумранистике, например, тоже есть курьезные гипотезы, например, что в пещерах Кумрана были обнаружены не рукописи из собрания общинников (есеев), а манускрипты из библиотеки Храма, тексты разных сект и

направлений, что это — просто гениза и так далее; безусловно, я об этом рассказываю студентам. Другое дело, что они по выражению моего лица понимают, как я к этому отношусь.

ГЗКакие основные научные направления будут развиваться на кафедре?

ИТПервое — это, конечно, изучение тех уникальных коллекций, которые находятся в Российской национальной библиотеке, других петербургских хранилищах. Петербург — еврейская рукописная и архивная столица, так что обработка и публикация рукописей, аналитическое их исследование — это важнейшее наше направление. Особо отмечу, что в столице империи сохранилось огромное количество документов и артефактов, связанных с историей российского и восточноевропейского еврейства. Любопытно, что в Ленинграде с конца 1950-х годов советский режим официально разрешал полноценно развиваться только одной ветви иудаики — кумранистике. Трудно сказать, почему предпочтение было отдано именно рукописям Мертвого моря, но в Институте востоковедения АН СССР (РАН), где я работал и защищался, сформировалась одна из крупнейших в мире кумранологических школ. И я стараюсь всячески заинтересовывать студентов и аспирантов различными сюжетами, связанными с рукописями Мертвого моря. Есть еще некоторые направления, которые мне хотелось бы развивать у нас, например, интенсифицировать изучение культуры современного Израиля, израилеведение. Если обобщить, то мы изучаем и будем изучать различные феномены культуры евреев на протяжении всей их истории в основных ареалах их проживания. Особое внимание будем уделять российскому еврейству, идишской культуре.

ГЗКроме вашей кафедры в Петербурге существуют и другие еврейские образовательные структуры: центр «Петербургская иудаика» в Европейском университете, Петербургский институт иудаики. Вы сотрудничаете с ними?

ИТ«Петербургская иудаика» работает с аспирантами и занимается Новым временем, проблемами истории и антропологии российского еврейства. Мы с ними не просто сотрудничаем — почти все их основные преподаватели и даже иногда только что защитившиеся кандидаты наук преподают у нас спецкурсы. Что до Петербургского института иудаики, то он некоторое время базировался у нас, их студенты слушали многие наши лекции. Потом они от нас уехали, и сейчас контакта с ними у нас нет.

ГЗПараллельно с вашей кафедрой на востфаке открывается кафедра семитологии. Вы как-то договариваетесь о «разграничении сфер деятельности»?

ИТРазграничение здесь естественное. Семитология ведь происходит не от слова «антисемит» и к евреям имеет отношение не более чем, например, к арабам. Она занимается по преимуществу сравнительным изучением семитских языков: аккадского с его диалектами, вавилонским и ассирийским, эблаитского, угаритского, финикийского и его пунического диалекта, моавитского, аммонитского, иврита, арамейского, арабского и других. Семитология — это, главным образом, лингвистическо-филологическая дисциплина, включающая гебраистику лишь как один из многих других элементов. Мы же — титульная еврейская кафедра, то есть структура, целиком посвященная изучению иудаики во всем ее многообразии, включая, естественно, библеистику и гебраистику.

ГЗА чем ваша кафедра будет отличаться от кафедры иудаики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета?

ИТЕсли позволите, я бы хотел абстрагироваться от конкретики вопроса и просто обозначить нашу специфику. Мы набираем студентов на три разные специализации: евреи в Древности, в Средние века и в Новое время; и уже при наборе студент знает, на какую специализацию он поступает. Это как раз связано с петербургской спецификой, нашими крупнейшими в мире коллекциями еврейских рукописей: здесь есть богатейшие архивы по истории еврейства нового времени, есть коллекции по медиевистике, в основном хранящиеся в РНБ, ценнейшие библейские манускрипты. То есть у нас аккумулировано множество еврейских материалов, позволяющих с самого начала вводить более узкие специализации, нежели «Иудаика» в целом, на это ориентированы и соответствующие наши программы.

Второй момент — это наше научно-образовательное направление: «Культурология», Cultural Studies. Мне кажется, что наша профилизация — «Еврейская культура» — позволяет не просто представить иудаику как позитивистский набор знаний, но и концептуализировать изученное, обобщить разнообразные феномены культуры евреев, ввести цивилизационный подход, привнести аксиологический компонент.

ГЗНабор студентов у вас ежегодный по всем трем специализациям?

ИТПока существовал центр, мы один год набирали древников, на следующий — медиевистов, потом — на Новое время и дальше делали двухгодичный перерыв, когда наборов не было. Теперь мы будем проводить набор ежегодно, но тоже только на одну специализацию одновременно. С другой стороны, с открытием кафедры, как я уже отмечал, у нас появляется деление на бакалавриат и магистратуру, и в магистратуре мы введем несколько параллельных специализаций, чтобы бакалавры могли выбирать для дальнейших занятий то, что им по душе.

ГЗСколько студентов вы принимаете в год?

ИТОбычно мы набирали приблизительно по 15 студентов, сейчас, наверное, сможем принимать даже чуть больше.

ГЗА конкурс?

ИТВ среднем три-пять человек на место. Причем любопытно, что популярность различных специализаций меняется с течением времени. Скажем, раньше особой популярностью пользовалась библеистика, сейчас возрос интерес к Новому времени. Я думаю, если мы введем со временем израилеведение, там тоже конкурс будет высок.

ГЗВы говорили о востребованности ваших выпускников — куда они трудоустраиваются?

ИТПервое — это аспирантура и научная деятельность в России. Второе — некоторые выпускники, в том числе по моей рекомендации, продолжают заниматься наукой за рубежом. Третье — еврейские организации города: общинные, благотворительные, еврейские школы. Четвертое — коммерческие структуры: человек, знающий пару языков и имеющий широкое общегуманитарное образование, всегда будет востребован в бизнесе. Кто-то работает в госструктурах. Ни одного безработного выпускника я не зафиксировал.

ГЗА почему Центр библеистики и иудаики возник в свое время именно при философском факультете, а не на востфаке или истфаке, где, казалось бы, он смотрелся органичнее?

ИТМне кажется, в первоначальной философской «приписке» есть свой веский резон, раз мы делаем акцент на культурологической направленности. А востоковедение, скажем, нас резко сужало бы: евреи ведь жили и живут не только на «Востоке» и говорят не только на иврите. Так что примкнув мы к востоковедению, мы «обрубили» бы для себя гигантский пласт еврейской культуры. Замечу *ad hoc*, что и само понятие «востоковедение» пахнет имперским прошлым. Кроме того, я хочу обратить внимание, что официальное название нашей кафедры — Кафедра еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, студенты поступают в СПбГУ на профиль «Еврейская культура». Понятие же «факультет» у нас сейчас кардинально переосмыслено.

ГЗТрансформация названия — из Центра библеистики и иудаики в Кафедру еврейской культуры — работает на акцентирование все той же культурологической составляющей?

ИТКонечно. Разумеется, библеистика и гебраистика у нас остаются, как остаются и все прочие направления, которые изучались раньше. Будут читаться и новые курсы в связи с переходом на бакалавриат и магистратуру, а также появлением на кафедре новых специалистов. Просто мы хотим подчеркнуть важность целостного культурологического, если не сказать цивилизационного, осмысления феноменов еврейской истории, жизнедеятельности.

ГЗРомано-германисты всегда смеялись над названием дисциплины «история зарубежной литературы», уверяя, что правильнее говорить об истории зарубежных литератур — во множественном числе. Вы выносите в название кафедры понятие «еврейская культура». Разве существует единая еврейская культура, насколько это корректно с академической точки зрения? Не вернее ли говорить о еврейских культурах?

ИТЭто очень серьезный вопрос. Но все же я разделяю концепцию, которую весьма убедительно, на мой взгляд, обосновывали, когда в Москве создавался Центр иудаики и еврейской цивилизации: есть единая еврейская цивилизация, которая базируется на фундаментальных еврейских ценностях, имеющих истоки в Танахе и Талмуде. Так что, наверное, в рамках цивилизационного подхода можно говорить о единой еврейской культуре. Да, существуют отдельные островки — еврейские культуры, еврейские литературы, — но нам важно подчеркнуть, что евреи во все эпохи, во всех странах имеют некую преемственность, некую национальную

идентичность. Иначе мы будем лить воду на мельницу тех, кто утверждал, что евреи не могут называться нацией, тех, кто не признает существования единого еврейского народа после разрушения Второго храма. Но если евреи сохранили свое единство, свою идентичность, возродили свое государство — что является важнейшим историческим свидетельством, — то, значит, был и есть некий еврейский стержень. Мы можем назвать его цивилизацией, культурой, говорить об общности еврейского этоса, несмотря на те или иные девиации в отдельные периоды в отдельных регионах.

Ἰδιόαιμα ἔ. Ἡ. ὀαί ὀεαίττεε ἀπὸ καὶ ἢ ἢ ὀαί ὀαί ἔ 2. ἢ εὐδία

ГЗКафедра еврейской культуры — это еврейская кафедра?

ИТБезусловно, значительная часть наших студентов — еврейского происхождения. Так дело обстоит и в аналогичных образовательных структурах зарубежных университетов — на «еврейских» кафедрах и в центрах процент евреев, конечно, выше, чем в среднем по гуманитарным специальностям. Но это естественно: откройся в университете кафедра культуры какого-то другого народа, живущего в России, там, вероятно, было бы много представителей именно этого народа. С другой стороны, еврейская культура, бесспорно, имеет универсальную составляющую, начиная с библейских времен и самой Библии.

ГЗВ созданию кафедры важную роль сыграл фонд Ави Хай, программная цель которого — способствовать развитию еврейского самосознания среди евреев бывшего Советского Союза. Вы планируете как-то работать на развитие еврейской идентичности либо же кафедра будет чисто академической структурой?

ИТКафедра как подразделение университета — это безусловно академическая научно-образовательная структура. Но изучение тех дисциплин, которые преподаются на кафедре, — и это я знаю на практике — оказывает мощнейшее влияние на формирование еврейской идентичности. Интересно отметить, что даже нееврейские студенты, обучающиеся по программам нашего профиля, принимают активное участие в еврейской общественной и образовательной деятельности. В некоторых аспектах русские по происхождению студенты оказываются в этом отношении подчас даже активнее еврейских.

Что касается поддержки со стороны фонда Ави Хай во главе с Давидом Розенсоном — а мы сотрудничаем с 2004 года, — то она играла решающую роль в развитии Центра библеистики и иудаики и, я очень надеюсь, будет играть в дальнейшем развитии кафедры. Очень большое значение для нас имела позиция ректора университета, профессора Николая Михайловича Кропачева, который поддержал идею образования нашей кафедры и приказом которого кафедра еврейской культуры была создана в СПбГУ.

«ФИЛОСОФИЮ, ГЕОГРАФИЮ... И ЕЩЕ АРАБСКИЙ»

נְוֹאָאִי אוֹי עֵאֶוֹאָדָא

Михаил Майков

За несколько часов, проведенных на только что образованной кафедре еврейской культуры Петербургского университета, нам удалось поговорить со студентами сразу трех курсов — спасибо гостеприимному хозяину профессору И. Р. Тантлевскому. Студенты, к чести их надо сказать, были вполне вежливы и даже дружелюбны, хотя мы терзали их под конец учебного дня.

נְוֹאָאִי אוֹי אֵי עֵוֹדָא עֵאֶוֹאָדָא אֵאֶרֶבֶתֶע עֵוֵיִוֹוֹדָא

Вырисовывающийся из этих бесед портрет «среднего студента» кафедры еврейской культуры (прошу прощения у своих очень разных собеседников за попытку привести их к единому знаменателю) приблизительно таков. «Средний студент» считает, что ученый XXI века должен в той или иной форме заниматься общественной деятельностью, и сам участвует в общественной жизни: например, преподает школьникам иврит и основы еврейской традиции. Как ни странно, не собирается менять Петербург на Иерусалим или Кембридж, чтобы делать научную карьеру за границей. Да и вообще к перспективе эмиграции относится без энтузиазма, хотя признает, что все может измениться. Не раскаивается в выборе специальности — даже те, кто не собирается в аспирантуру, планируют и дальше заниматься еврейскими студиями «для себя». Есть и более частные моменты: так, многие из тех, с кем мы говорили, с энтузиазмом разрабатывают туристические маршруты по еврейскому Петербургу (в Питере, оказывается, существует даже еврейская школа гидов, координатор которой — студентка 5-го курса кафедры еврейской культуры Дина Подольная).

Ալեքսանդր Իսահանյան և Ելիսաբեթ Նազարյան (4-րդ կուրս), Աննա Իսահանյան (5-րդ կուրս), Լիա Առն (5-րդ կուրս), Բեյբի Բաբյան և Դևիդ Իսահանյան (5-րդ կուրս)

Но что самое удивительное — едва ли не все студенты думают об усовершенствовании учебных программ и готовы к внесению рацпредложений. Так, пятикурсница Виктория Мигولاتий полагает, что в существующей сетке слишком мало часов арабского языка — а «это предмет, необходимый для специалиста по средневековой еврейской культуре». Студенту 4-го курса Роману Ляпунову не хватает лекций по современной истории Израиля и спецкурсов по выбору (впрочем, по словам профессора Тантлевского, преобразование центра в кафедру сопровождается переходом на систему бакалавриат–магистратура, а в магистратуре селективных курсов будет хоть отбавляй; ну а израилеведение и вовсе относится к приоритетным направлениям развития кафедры). А однокурсник Романа Илья Савенков считает, что не мешало бы дополнить все читаемые курсы еще одним, который «объяснял бы, для чего нужны все остальные, какое место занимают они в общей картине, — такой структурный стержень». Он же жалуется, что в учебном плане нет истории философии и вообще «все, что касается философии, пролетело за семестр». Да и география не помешала бы: «без географии историю изучать довольно трудно».

Дина Подольная и ее сокурсница Яна Брук до того, как поступить в СПбГУ, год отучились в Израиле: Яна — в Иерусалимском университете, Дина — в Хайфском. Обе констатируют, что подходы к преподаванию там и в Петербурге до того разные — даже трудно сравнивать: «Израильского преподавателя занимает вопрос, как его лекция, его академические труды влияют не только на интеллект, но и на личность студента. Когда ты читаешь средневековые философские трактаты, это затрагивает тебя как человека, как еврея, а не только как специалиста. Ты не просто занимаешься анализом текста, языка, концепции — ты пытаешься соотнести прочитанное со своим мировосприятием. И израильские профессора уделяют этому аспекту большое внимание. А российский университет предлагает, может быть, более глубокое изучение текста с академической точки зрения, но вот этого “личного” момента практически совсем нет». Впрочем, в ответ на эту реплику еще одна пятикурсница, Юлия Репина, примирительно замечает, что на кафедре очень много приезжих преподавателей, которые привносят в традиционный российский подход именно такую модель.

В общем, эта беседа больше всех официальных показателей убедила меня в том, что трансформация центра в кафедру вполне назрела. Какие тут могут быть сомнения, если студенты озабочены только тем, как бы набрать побольше аудиторных часов?

И лишь один вопрос беспокоил меня: а что собираются делать они со своей экзотической профессией по выходе из стен университета? Но на вопрос: «Собираетесь ли вы работать по специальности?» — мои собеседники отвечали как настоящие студенты кафедры еврейской культуры: «А что значит работать по специальности?»

«СОВРЕМЕННЫЕ МАРАНЫ»

Ī ĒDĀŪĀĪ ĒĒ ĀĀDĀĀĀ Ā Ī ĀŌĀDĀŌDĀĀ

Осип Дымов

В Еврейском университете в Иерусалиме в ближайшее время увидит свет двухтомник «Осип Дымов. Из мемуарного и эпистолярного наследия», представляющий собой собрание воспоминаний и писем известного русско-еврейского писателя, драматурга, журналиста, сценариста, мемуариста и художника Осипа Исидоровича Дымова (1878–1959). Родившийся в Белостоке и известный там как Осип Перельман, в самом конце XIX века он переехал в Петербург и, мечтая о карьере русского писателя, взял псевдоним в честь героя своего любимого А. П. Чехова. Однако жизненные обстоятельства сложились таким образом, что в 1913 году Дымов отправился в США, как казалось, на короткий срок, но в Россию никогда уже не вернулся. Там, за океаном, началась вторая половина его литературной жизни — жизни американо-идишского писателя.

Написанные им воспоминания содержат уникальные свидетельства очевидца многих событий из истории российского и мирового еврейства, творческих инвестиций еврейского гения в русскую культуру и общечеловеческую цивилизацию в целом. Во время второй мировой войны, живя в США, Дымов издал на идише мемуарную книгу «Вос их геденк» («То, что я помню»), в которой рассказал о российском периоде своей жизни. Эта книга, которая включает в себя массу любопытнейшего материала, до нынешнего дня не введена в широкий научный и читательский оборот. Впервые в полном виде переведенная на русский язык (пер. М. Лемстера), она составляет первый том готовящегося к выходу издания. Второй том, названный «В дружеском и творческом кругу Осипа Дымова», рассказывает о тех, с кем Дымов сводила судьба, кто состоял с ним в дружеской или деловой переписке (Всеволод Мейерхольд и Леонид Собинов, Аким Волинский и Шолом-Алейхем, Елена Гуро и Александр Измайлов и др.) и о ком он впоследствии оставил воспоминания: Айседора Дункан и Макс Рейнгардт, Альберт Эйнштейн и Герман Гессе, Леонид Андреев и Алексей Толстой, Стефан Цвейг и Франц Ведекин, Корней Чуковский и Михаил Чехов и многие другие. Двухтомник выходит под общей редакцией В. Хазана, ему же принадлежит вступительная статья и комментарии.

Здесь мы печатаем небольшой фрагмент из мемуарной книги Дымова «То, что я помню», посвященный проблеме крещеных евреев в Петербурге — как он их называет, «современных маранов».

Когда испанская инквизиция произвела маранов — евреев, которых принудили принять христианскую веру, а они тайно оставались евреями, возникала своего рода новая форма психологического извращения — моральная конвульсия, изнуравшая душу и отравлявшая мозг. Испанская церковь очень быстро разобралась в этом обмане и, почувствовав себя оскорбленной и обиженной, обрушила свой страшный и беспощадный гнев на тех, кто пытался ее обмануть. Как так? — сначала они приняли католическую веру, а затем отказались от нее? Вы будете истреблены, испанские мараны!

История маранов повторилась в другой стране, на берегах других рек, на улицах других городов, даже более красивых, чем Мадрид, — в Петербурге, Москве, Киеве, в тех местах, где евреям проживать было запрещено. <...>

* * *

После убийства Александра II русские власти стали еще сильнее преследовать евреев. Их гнали из Петербурга, Москвы, Киева, с Волги, из русских деревень. Но не только в физическое гетто загоняли евреев, образовалось еще более мучительное и более угнетающее гетто: экономическое, политическое, духовное, научное... Чтобы проломить эти решетки, отделявшие еврейский мир от нееврейского, недостаточно было иметь талант, деньги, хорошие связи. Однако достаточно было показать приставу документ о крещении... В связи с этим обстоятельством евреи пережили бесчисленное количество жутких драм. Но принять христианскую веру не означало еще стать христианином. Гораздо чаще это означало как раз нечто обратное: стать евреем. И именно в этих случаях начиналась трагедия — трагическая жизнь и трагическая смерть.

В памяти остался случай с фотографом Шапиро, евреем, знатоком древнееврейского языка, поэтом[1]. Широко были известны его стихи на древнееврейском языке. Когда преследование евреев ужесточилось, Шапиро был вынужден креститься. С мукой в сердце, стиснув зубы, чтобы не кричать от боли, он вошел в церковь евреем и вышел оттуда... несчастным евреем. Но надпись, выведенная в его паспорте свежими чернилами, гласила: «православный».

יָאָדוּרַי אֶפְרַיִם אֶלֶּיךָ וְאֶת־עַמִּי אֶת־יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ אֶת־יְהוָה אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ.

יָאָדוּרַי

יָאָדוּ 1883 אֵלֵינוּ

Фотостудия Шапиро располагалась на Невском проспекте как раз напротив великолепного Казанского собора. Фотоработы Шапиро были известны во всей России, не только из-за их художественной ценности, но главным образом из-за того, что он, бывший иудей, а ныне православный, имел право фотографировать царя и его семью. Чтобы иметь возможность заниматься этой деятельностью, он вынужден был креститься.

Шапиро продолжал писать стихи на древнееврейском языке, ходил в синагогу, состоял в еврейских организациях. Он преклонялся перед русской литературой, которую хорошо знал и высоко ценил и гордился тем, что лучшие, талантливейшие представители русской литературы фотографировались именно у него.

Ночью начинались его мучения. В определенный час, когда на улице было еще темно — а петербургская ночь продолжительна — начинали звонить стопудовые колокола Казанского собора, который, как уже говорилось, находился как раз против его жилища. Многие годы Шапиро жил в этом доме и не слышал колоколов, но после крещения он вдруг открыл, что они существуют. Их тяжелый металлический звон будил его каждую ночь, каждую темную ночь в одно и то же время. Как бы глубоко он ни спал, первый металлический «бум» был как удар по голове, как острый укол в сердце, и он просыпался, испуганный, растерянный и растоптанный железными ударами, звуки которых обрушивались на него.

«Помнишь, — напоминали колокола, — помнишь то утро, когда мы звонили для тебя в церкви и священник обратился к тебе и повелел, чтобы ты осенил себя крестом, а ты с помертвевшими губами, с ненавистью, стыдом и дрожью в сердце повторял слова священника? Слова были на старославянском языке, но ты, зная этот язык, тем не менее не понимал, о чем идет речь».

«Бум-бим... бум-бим!» — продолжали звенеть колокола, и опять всплывала в памяти сцена, которую пережил он, поэт, писавший на древнееврейском языке, он, еврейский националист. Она еще продолжается, она не закончилась там, в церкви, где священник произносил над ним молитвы и осенил его лицо

крестом. При этом он использовал жидкость, вязкую, как подсолнечное масло, которое называется миро, тяжелые капли падали на бледное лицо новообращаемого. Инстинктивно он пытался их вытереть, но священник не позволил.

«Бум-бим... бим-бум!» — мучили его колокола. Их металлический звук проникал через окна и стены, наполнял комнату, весь дом, его мозг и рвал на части его еврейское, теперь уж точно еврейское сердце.

И так повторялось каждую ночь. Каждую ночь он снова и снова проходил тот же мученический путь, каждую ночь, пока город спал, а колокола звенели, он, поэт, писавший на древнееврейском языке, и фотограф царя, принимал крещение. Не единожды, а десятки и десятки раз он отказывался от «фальшивой веры раввинов и мудрецов», как заставлял его повторять священник. Не единожды, но десятки раз он отказывался от отца и матери... Но чем чаще по ночам он принимал крещение, тем больше он становился евреем. И чем чаще колокола «бимбомкали» над его несчастной головой и звали его в церковь, тем дальше он хотел от нее убежать. Куда бежать? Где можно спрятаться?

Конечно, он мог переселиться в другое жилище, где колокола были бы не слышны. Но как утащить с собой фотографическую студию, стеклянную крышу, инструменты и адрес, этот всем знакомый на протяжении многих лет адрес на Невском проспекте? И он был вынужден оставаться здесь, в центре города.

Но Шапиро не выдержал и в конце концов все-таки сбежал. Он продал свое жилье, свое дело, отказался от чести быть «фотографом его величества» и перебрался в тихий уголок, далеко от центра, где никто его не знал и он не знал никого. Здесь он умер в одиночестве, окруженный своими книгами и рукописями на древнееврейском языке.

Хоронили его, естественно, на христианском кладбище, и печальный звон колоколов провожал его в последний путь, но он уже их не слышал. Или — кто знает? — может быть, слышал?..

Выбор места захоронения выкреста зачастую являлся довольно сложной проблемой. Я помню такой случай. Как-то зимним утром зазвонил мой телефон.

— Вы можете прийти к нам? — услышал я голос знакомой девушки Ольги Ф. — Это очень важно. Приходите сейчас же.

Я часто бывал в доме у родителей Ольги. Ее отец был тихим, немногословным евреем, комиссионером по продаже домов, мать — интеллигентная женщина. Ольга училась в консерватории игре на скрипке. Она была ученицей известного в те времена скрипача Галкина[2]. У нее была младшая сестра, которой предрекали карьеру первоклассной певицы.

Заплаканная служанка открыла мне дверь и сказала:

— Наш барин сегодня ночью умер.

В комнату вошла мать Ольги. Она была бледна, подавлена, но держалась мужественно.

— Это я просила вас быть настолько любезным и прийти к нам. Нам нужна ваша помощь: сходите, пожалуйста, в синагогу и сообщите там о случившемся. Они сделают все необходимое для похорон. Вот документы моего покойного мужа.

В этот момент к ним пришел юный белокурый студент университета с настоящей русской фамилией Руманов[3]. Однако Руманов был еврей, родился в Гатчине, неподалеку от Петербурга, где летом жил царь, где селилось отборное гвардейское офицерство и где простые смертные, а в особенности евреи, представляли большую редкость. Покойный отец Руманова когда-то работал в аристократической Гатчине фотографом, имел дело с крупными армейскими чинами, которые хорошо к нему относились[4]. Аркадий Руманов, его старший сын, — золотоволосый, кругло- и розовощекий, с почти кацапским носом картошкой и твердым русским произношением — совсем не походил на еврея. Это был умный и одаренный молодой человек, с превосходными манерами, тактичный и тонко понимающий людей, в особенности их слабые стороны. Он пережил интерес к сионизму, но вскоре забыл о нем и был поглощен лишь одним — сделать личную карьеру.

— Я еду с тобой, — предложил мне Руманов. — Внизу меня дожидается мой извозчик. Пошли.

Несмотря на весь драматизм ситуации, я не мог удержаться от смеха, хорошо зная, что означает румановский «мой извозчик». Он не опускался до того, чтобы ездить трамваем и тем более ходить пешком, а нанимал извозчика. Однако денег расплатиться с извозчиком у него не было, и он надеялся добыть их там, куда направлялся. Если не получалось в одном месте, отправлялся в другое, третье и так колесил по городу зачастую по нескольку часов. Сумма за проезд возрастала, но отвязаться от извозчика, своего кредитора, он уже не мог. В конце концов за эти путешествия набегали порядочные деньги — до нескольких рублей, и оба были довольны: и мой Руманов, и его извозчик. Был ли, однако, доволен тот, кому приходилось эти денежки выкладывать, уже другой вопрос.

Мы пришли в контору синагоги на Малой Мастерской улице. Миниатюрный человек с небольшой бородкой и в пенсне на длинном, но симпатичном носу, дабы выглядеть более интеллигентным, сказал нам:

— Ну, хорошо. Мы все сделаем, но вы принесли необходимые документы?

— Вот они, — ответил я и передал ему бумаги.

Владелец симпатичного носа принялся перелистывать документы, мы с Румановым тихо переговаривались. Вдруг он с невероятной силой стукнул кулаком по столу, как это может сделать только очень разгневанный человек. Он стучал, не переставая, его симпатичный нос покраснел, а сам он орал, не помня себя от злости:

— Вы что, пришли сюда издеваться над нами? Как вы посмели явиться с таким делом?

— Что случилось? Чего вы кричите?

— А вы не понимаете? Посмотрите! — И служащий синагоги в ярости бросил нам документы. — Он же христианин, крещеный! Идите в церковь, в костел, куда хотите, здесь вам делать нечего.

С большим трудом нам удалось его успокоить и объяснить, что мы этого не знали.

— Ну, ладно, ну... — недовольно бурчал он. — Человек, чьи документы вы принесли, принял христианскую веру в Финляндии. Обратитесь к евангельскому пастору и идите, прошу вас...

Тот же еще не оплаченный извозчик привез нас к дому Ольги. Мы рассказали ей о том, что произошло. Вдова горько разрыдалась:

— Я ничего не знала, он хранил тайну в себе, и это истощило его сердце...

— Тише, мама, тише, — пробовала Ольга успокоить мать, но и сама была не меньше изумлена и расстроена.

— Он сделал это ради нас, ради тебя, дочь моя, — рыдала мать, — чтобы ты имела возможность остаться в Петербурге и продолжить учебу в консерватории. Я теперь могу даже сказать, когда это было: два года назад, когда пристав пришел к нам и предупредил, что мы должны покинуть Петербург.

— Отец поехал затем в Псков, — начала вспоминать Ольга, — по каким-то торговым делам.

— Нет, это был не Псков, а Финляндия. Когда он оттуда вернулся, то сказал, что всё в порядке... О Б-же, о мой Б-г!

Вдова просила найти пастора и привести его к ним: она сама хочет с ним переговорить. И вот на том же извозчике мы направляемся к костелу. Что думал о нас Ванька, который вез нас сначала в синагогу, а затем к костелу, я не знаю. Скорей всего, о замысловатом маршруте он ничего не думал, а думал о том, сколько ему заплатят, если вообще заплатят.

Ἰνὴρ Ἄνι τᾶ (Ἰνὴρ Ἐνεᾶνδραῖ- Ἰ ἀδελφῶν αἱ).

1920-ᾶ ἄ ἄ ἄ

Пастор, высокий, серьезный человек, с гладко выбритым лицом, голубыми глазами и насквозь пронизывающим взглядом, выслушал мой рассказ о крещеном еврее, которому сейчас понадобился кусочек места в свободной Б-жьей земле, и, не задавая лишних вопросов, пообещал увидеться с вдовой.

Когда он позднее пришел и попросил прочитать молитву у тела покойного, вдова сказала ему:

— Вы можете это сделать, но я вас прошу об одной вещи: не осеняйте крестом усопшего. И вообще не делайте этот знак, я прошу вас.

Священник задумался:

— Хорошо, я сделаю, как вы просите.

— Может ли вы не произносить имя Иисуса в своих молитвах? — вновь обратилась к нему вдова.

— Нет, этого я не могу, — твердо ответил он.

Мы все, небольшая группка людей, собрались в спальне, где лежало тело покойного, накрытого простыней. Подошла служанка-христианка и старший дворник, пришедший проститься с добрым барином. С удивлением взирал тот на странного служителя Господа: вроде бы священник, упомянул Иисуса раз, потом еще раз, однако при этом не крестится, да и никто не крестится, а только плачут, так горько плачут... Даже два студента, которых он изредка видел, когда они приходили, плачут как дети.

Пастор был настроен весьма дружелюбно, обещал все устроить, и главное, чтобы мы не вмешивались. Уходя, он спросил:

— Вы хотите, чтобы я присутствовал во время погребения?

— Нет, лучше не надо, — попросила вдова.

Он ушел. Позже в квартиру доставили черный гроб, посланный, очевидно, пастором. Гроб был обит черным сукном с пришитым к крышке во всю ее длину черным крестом. Вдова, ничего не объясняя, попросила содрать крест.

— Нам все равно, — сказали молодые люди, принесшие гроб. — Одному нравится с крестом, другому без креста. У каждого свой вкус.

Назавтра были похороны, очень странные похороны, должен я сказать. Обычно хоронят утром — мы это сделали вечером, чтобы люди на улице не удивлялись, глядя на странную процессию. Тем не менее все были удивлены: ни креста, ни священника, но и на еврейские похороны не похоже, — что же тогда это такое? Две унылые, понурые клячи тянули катафалк, а за ним скорым шагом почти бежали сопровождавшие. Не плакали — стыдились плакать, хотели спрятаться от посторонних глаз.

Среди тех, кто провожал усопшего к вечному покою, были и выкресты, и евреи, но отличить с точностью одних от других было невозможно. Вообще, говорить об этом в Петербурге было не очень принято: вопрос о крещении относился к сугубо частной сфере каждого, превращаясь в его личное дело, личную боль, личную драму, которая в то же время отражала всеобщую национальную трагедию нашего народа.

Мы прибыли на станцию Преображенская, не очень-то уверенные в том, что могила будет вырыта, как это обещал пастор, однако могила действительно была приготовлена на другом конце от входа и вплотную к другому кладбищу, начинавшемуся сразу же за оградой. То кладбище было еврейским. Вышло ли так случайно или умный пастор сделал это намеренно, распорядившись вырыть могилу как можно ближе к тому месту, где умершему хотелось бы лежать?

Уже было совсем темно, когда гроб опустили в могилу. Никто не проронил ни слова, никто не просил Б-га простить покойного. Светившая с неба лунная половина смотрела в еще не засыпанную могилу и видела черную гробовую крышку без креста. Холодный ветер дул над пустынным погостом. Была какая-то странная неуютность в этом позднем часу, когда все покойники уже спят, а новые еще не приходят — разве только выкресты. Тайком он прокрался сюда и пустыми, вечно закрытыми глазами с жадностью глядит на то место, что расположено по другую сторону забора, где его ждет отец, который долго еще будет там ждать...

<...> Сотни, тысячи историй можно рассказывать о том времени, которое я здесь назвал эпохой «современных маранов». Эпоха эта уже исчезла, но то тут, то там еще слышны ее далекие отзвуки. Люди, втянутые в ту эпидемию крещений, уже мертвы, ну а те, что живы, молчат.

У некоторых из них хватило рассудка и мужества вернуться если не к своей религии, то, по крайней мере, к своему народу. Сделать это полностью им не всегда удавалось, но в самой такой попытке они находили для себя внутреннее удовлетворение.

Мне рассказывали о совсем удивительном случае, где перемешались и слезы, и смех, а сама эта душераздирающая драма стала похожей на фарс. Утверждать со всей определенностью достоверность произошедшего я не могу, но оно, во всяком случае, было весьма характерно для того неестественного времени.

В Москве жил еврей по фамилии Медвецкий. Жил себе тихо, имел двух дочерей, хорошо успевавших в гимназии. Он был портным, то есть ремесленником. Ремесленники, приписанные к определенному цеху, имели право жить в «блокаменной», как с любовью называли Москву. Медвецкий был не Б-г вещь каким портным, зрение у него было слабое, да и заказов, по-видимому, имел не много. На какие же в таком случае деньги он содержал дом из шести комнат, в котором стоял дорогой рояль, лежали богатые ковры и который украшали картины и мягкая мебель?

Портняжничество для Медвецкого было стороннее занятие, не более чем скучная обязанность. Настоящий его заработок, которым оплачивались картины, мебель, рояль, заключался том, что он постоянно проходил обряд крещения. Что сие значит?

Когда, например, какому-нибудь Рабиновичу из Минска очень нужно было приехать и остаться жить в Москве, он связывался с Медвецким. Так, мол, и так, пан Медвецкий, я хотел бы стать христианином, то есть хотеть-то я не хочу, но должен... На это Медвецкий спрашивал его в письме: каким именно христианином хотите вы стать, господин Рабинович? Если православным, вам это будет стоить 600 рублей, католиком — 400, лютеранином — сотенная. После того как, в зависимости от желания клиента и необходимой суммы, утрясалась форма христианства, Рабинович высылал свои документы Медвецкому в Москву. С момента их получения Медвецкий переставал быть Медвецким и становился Рабиновичем. Новый Рабинович отправлялся к русскому попу (если 600 рублей) или к католическому ксендзу (если только 400), и поп или ксендз учили с ним катехизис. Медвецкий-Рабинович делал вид, что все, чему его учат, он слышит в первый раз, — ну а как же иначе?

После того как катехизис был усвоен, Медвецкий держал путь в церковь или костел и проходил обряд крещения. Затем он отсылал документы назад в Минск с новоприобретенным добавлением касательно религии. Несколькими днями позже в Москву являлся подлинный господин Рабинович, полноправный христианин... Там его уже никто не трогал.

Так было с Рабиновичем из Минска, с Левиным из Одессы, с Розенблюмом из Пинска... У Медвецкого была довольно обширная клиентура: один рекомендовал его другому... Испытывал ли Медвецкий раскаяние? Мучила ли его совесть? Но разве он сам проходил обряд крещения? Это же были Рабинович, Левин или Розенблюм, а не он! Он, Медвецкий, остался евреем, а христианами стали они, эти паскудные выкресты, чтобы им тошно было! Ну а как чувствовали себя Рабинович или Левин? А что, собственно, должны были они чувствовать? Разве они ходили к попу? Они не учили катехизис и никогда в жизни не бывали в церкви. Все делал этот паскудник из Москвы — Медвецкий, чтоб ему тошно было, этот еврей, продавший свою душу!..

Рассказывают, что сорок два раза принимал Медвецкий христианство в его различных формах в зависимости от пожеланий клиентов. Две его еврейские дочери уже окончили гимназию и стали невестами. Жена ездила в Карлсбад «на воды». В его доме вместо одной служанки были уже две. А Медвецкий продолжал креститься и, само собой разумеется, оставался при этом евреем.

И так как он продолжал оставаться евреем, то в нем постепенно росло чувство, что в его швейном цеху начались трудности. Генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, дядя царя, проводил в цехах «чистку», чтобы избавиться от евреев^[5].

В одно прекрасное утро (хотя для Берко Медвецкого прекрасным его никак не назовешь) пристав сказал, что он должен покинуть Москву, город «сорока сороков», как его величали в народе.

— Мне конец, — пробормотал прибитый горем Медвецкий. — Куда я денусь? Зачем мне уходить?

— Послушай меня, Берко, — приставу захотелось ему помочь, — на моем участке проживает некто Рабинович из Минска. Он христианин, православный, и я его не трогаю. Почему бы тебе не сделать то же самое?

— Рабинович? Я его хорошо знаю! — не сдержался Медвецкий. — Продажная душа, он никогда не уважал свой народ, свою религию! Он может креститься, если хочет, а я никогда! Нет, господин пристав, только не я, Берко Медвецкий!

И сколько бы пристав ни убеждал его, Медвецкий стоял на своем: он еврей и евреем останется и нет такой силы в мире, которая могла бы его заставить отступить.

Кончилось тем, что Медвецкому пришлось оставить Москву, «город сорока сороков», оставить свой уютный дом с шестью комнатами и роялем — всё, что он мог иметь только здесь и ни в каком другом месте.

[1]. Речь идет о *Константине Александровиче Шапиро (1840–1900), еврейском поэте и фотографе Императорской академии художеств и личном фотографе их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны. Фотомастерская Шапиро располагалась на углу Невского и Б. Морской, 12. Как поэт он в особенности был известен своей поэмой «Содом», в которой в аллегорической форме отразилось дело Дрейфуса. Издал фотографический альбом русских писателей и фотографий-иллюстраций к «Запискам сумасшедшего» Н. В. Гоголя.*

[2]. *Николай Владимирович Галкин (1850–1906) – скрипач, дирижер, капельмейстер Александринского театра (с 1877 года). Окончил курс в Петербургской консерватории по классу скрипки профессора Л. Ауэра, совершенствовался в Берлине под руководством Й. Иоахима.*

[3]. *Аркадий Вениаминович Руманов (1878–1960) – журналист, заведовал петербургским отделом крупнейшей российской газеты «Русское слово» (1906–1918 гг.); был женат на кузине Дымова пианистке Евгении (Женни) Львовне Штембер.*

[4]. В «Весь Петербург на 1901 год» указано, что Беньямин Абрамович Руманов (Гатчина, Соборная, 1) держал часовую мастерскую (с. 499).

[5]. Речь идет о знаменитом выселении евреев из Москвы в 1891 году, после того как 26 февраля в должность генерал-губернатора вступил великий князь Сергей Александрович (1857–1905), дядя Николая II.

сентября 1942 года), в Тучине (23 сентября 1942 года), в Клецке (21 июля 1943 года); вооруженное сопротивление было оказано евреями в Глубоком, Кобрине, Новогрудке, Ляховичах и других местах.

Партизаны часто спасали евреев, но до весны 1942 года положение лесных отрядов было тяжелым: они были оторваны от поддержки населения, им не хватало средств связи и оружия. Не приспособленные к жизни в лесу старики, женщины, дети, больные и истощенные люди сковывали действия партизан. Кроме того, евреев иногда принимали за немецких шпионов, поскольку не верили в возможность их спасения из оккупированных нацистами городов и местечек. Нередки были и проявления антисемитизма в партизанской среде.

Большие еврейские семьи организовывались в семейные отряды и становились центрами еврейского сопротивления. Пример тому — знаменитые братья Бельские во главе с Тувьей Бельским. В 30 километрах от Минска, в Налибокской пуще, был создан еще один легендарный отряд под командованием Шолома Зорина. Задачей еврейских партизан было не только сопротивление нацистам, но и спасение евреев, организация побегов из гетто.

Партизаны часто использовали детей в качестве проводников, разведчиков, связных, проникавших в гетто и выводивших людей в лес. Слабые и беззащитные, дети в то же время обладали преимуществами перед взрослыми. Воля к жизни у них нередко была выше, а навыки выживания — более эффективными. Это неудивительно: известно, что в критических ситуациях зачастую выживают именно дети и женщины. Связано это, наверное, с невозможностью оценить реальное положение дел, но в данном случае причина не умаляет важности следствия.

Операция «Багратион» — одна из крупнейших военных операций в истории человечества. На территории Белоруссии фашисты выстроили глубоко эшелонированную оборону. К концу 1943 года назрела необходимость атаковать клин немецких сил, вдававшийся на 900 километров в глубь советской территории и угрожавший фланговыми ударами. Но только к лету 1944 года было скоплено достаточно сил, чтобы нанести сокрушительный удар по превосходно укрепленному противнику.

В ходе подготовки операции «Багратион» 170-я стрелковая дивизия (уже второго формирования, первый ее состав погиб на полях сражений в самом начале войны) отличилась при взятии Речицы и вклинилась в оборону противника в направлении Бобруйска. Ночью 1 января 1944 года мой дед, командир пулеметной роты 717-го стрелкового полка 29-летний старший лейтенант Семен Кузнецов получил приказ: действуя совместно с разведротой, выбить противника из Печищ. Командование надеялось так — атакой — поздравить немцев с Новым годом. Дед к тому времени имел два ранения, обладал солидным военным опытом и был представлен к ордену Красной Звезды за то, что в бою за местечко Подоровное поднял роту во весь рост и, отразив контратаку немцев, захватил четыре грузовика, пушку и подбитый «фердинанд» (тяжелая самоходно-артиллерийская установка, истребитель танков).

Незадолго до боя за Печищи развед-роте под командованием 22-летнего Петра Афанасьевича Мирошниченко было приказано провести разведку местности. Разведчики у линии обороны на подступах к Печищам обнаружили три дзота. Четвертый не заметили.

В новогоднюю ночь рота разведчиков и рота автоматчиков, которой командовал дед, отправились навестить фрицев. В их планах было зайти с тыла, но, отклонившись от трех дзотов, они нарвались на четвертый. Заработал пулемет. Бойцы — кто выжил — залегли, зарылись в снег. Приближался рассвет. На свету, с 15–20 метров, их перестреляют, как куропаток. Командир разведчиков Мирошниченко, видимо, осознав свою личную вину, рванулся к огневой точке. Пулемет был на мгновение закрыт, и этого хватило, чтобы забросать дзот гранатами.

Имя П. А. Мирошниченко потом внесли в пропагандистские списки бойцов, повторивших подвиг Матросова. Летом 1944 года он был посмертно представлен к званию Героя Советского Союза.

Когда именно погиб дед, неясно. В самом ли начале, или он лежал несколько часов в заснеженных потемках, ожидая своей участи...

В 1946 году, когда мой отец пошел в школу, на самом первом уроке учительница попросила:

— Дети, поднимите руки, у кого есть отцы.

Подняли только трое из сорока.

До восьмого класса он страстно им завидовал.

Горечь с возрастом сошла на нет.

Но сейчас это чувство почему-то вернулось снова.

Он хорошо помнит этих детей. Двух мальчиков и девочку.

Еще он помнит кобуру деда, которую тербил, пока тот держал его на коленях перед фотографом...

Три года назад я впервые побывал в Белоруссии, в деревне Печищи, недалеко от Паричей и Бобруйска, в поисках могилы деда. Скоро я снова отправлюсь в те места, чтобы убедиться в том, что имя деда указано на памятнике братской могилы, где захоронены более тысячи советских солдат. И снова приду на местное кладбище, где находится ухоженная могила: металлическая стела с пятиконечной звездой и табличкой: «120 советским гражданам, зверски замученным гитлеровцами в 1941–1942 гг.». Очевидно, на этой могиле должна быть другая надпись и другая звезда. В центре таблички — вмятина от срикошетившей пули вандала.

Печище находится посреди лесной глухомани, с болотами и черничниками. В селе теперь конезавод, на поле растет пшеница, и пейзаж такой, что глаз не оторвать.

Список расстрелянных в Печищах евреев находится в «Яд ва-Шем». В Белоруссии таких могил более пятисот, в них лежат около 900 тыс. евреев.

Я молюсь о том, чтобы все могилы второй мировой обрели имена.

САГА О «КУЛЬТУР-МУЛЬТУР»

Ááááä I ääää

Испокон веков племена были ревностно привязаны к своей материальной и духовной культуре; племенные патриоты считали, что их оригинальная культура куда лучше и совершенней соседской. Точно так считали и умеренные либералы, но только не напоказ, а в глубине души. Такое положение вещей, с незначительными поправками, сохранилось и по сейчас.

Действительно, что лучше: вегетарианство или каннибализм? Побиение камнями или общественное порицание? Жан Лафонтен или дедушка Крылов? Да ведь нелегко дать на эти вопросы однозначный ответ: свое почти всегда ближе и родней. Спор разноплеменных оппонентов на тему «чья культура красивей, благородней и мудрей» может привести оппонентов к непредсказуемым последствиям, вплоть до кровопролития.

Попытки сблизить, объединить в организованном порядке различные культуры предпринимались многократно, все больше по причинам политическим, чем эстетическим. Носителям этих культур, зачастую весьма специфических для постороннего взгляда, такая «забота» представлялась грубым нажимом и принуждением; и под этим нажимом приверженность к собственным культурным корням лишь укреплялась. Бурная колонизаторская активность европейских народов влекла за собою навязываемое, а то и насильственное обращение в христианство африканских, южноамериканских и прочих «дикарей» — во имя, разумеется, «спасения души», а не ради укрепления политических позиций на чужих, дальних территориях. Смена религии — это болезненная, иногда ведущая к патологическим последствиям ломка культурного ствола; шрамы саднят и поколения спустя. Более свежий пример — запрет для мусульманских женщин носить на территории Франции закрывающие лицо паранджи и чадры. Сотни тысяч этих женщин вместе со своими мужчинами, чадрами и головными платками-хиджабами перебрались в хлебную Францию на постоянное жительство из бывших французских колоний, где жизнь далеко не праздник. Таким странным образом — не ограниченным, по существу, правом на иммиграцию в метрополию — расплатились французы с коренными жителями своих заокеанских владений, страдавших от колониального угнетения. Впуская в свою страну массу чужаков, французы наивно надеялись, что приезжие проникнутся идеями великой французской культуры и понемногу сольются с коренным населением, ассимилируются. Этого не случилось. Мусульманская публика цепко держится своих культурных традиций, включая ношение хиджаба и чадры. Французам это не нравится, их тоже можно понять: в конце концов, к собору Парижской Богородицы еще не пришпандорили мусульманский минарет. Мусульманки-парижанки, выходя на парижские улицы, хотя бы из чувства уважения к культуре принявшей их страны, могли бы размотать свои головы и лица. Но мусульманки-парижанки не собираются ничего разматывать и считают пожелания французов посягательством на права человека. Ну а раз не собираются — вполне веротерпимые французы угрюмо подумывают о том, как было бы славно, если б эти упертые лица арабской национальности ехали бы на свою пустынную родину и разгуливали там по пескам хоть в парандже, хоть в наморднике.

Кстати, и в Москве можно наблюдать нечто подобное: изысканная столичная публика не приходит в восторг, когда на праздник Курбан-байрам мусульмане режут баранов на московских улицах, а «лица кавказской национальности» пляшут лезгинку на площадях.

Попытки слияния далеких друг от друга культур в некий конгломерат предпринимались и в Израиле; надо признать, что успех этим попыткам не сопутствовал. Теория Давида Бен-Гуриона о «плавильном котелке», в котором различные культуры, доставляемые в Израиль на гребне волн репатриации из разных стран, сварятся в ароматную похлебку и она-то и станет нашей национальной культурой, — эта теория так и не превратилась в полноценную практику. «Русские» придерживаются своих традиций, «марокканцы» — своих, «американцы» — своих, и это не говоря уже об израильских арабах, друзах, черкесах, бедуинах с их неизменными верблюдами и козлами. Впрочем, может, это и к лучшему? И пусть беспристрастное Время все расставит по местам.

Вон ведь как это самое Время распорядилось с «советской монокультурой», которую десятилетиями пытались скототить из русской культуры, приправленной специями из украинских, колониальных «культур-мультикультур»! Ничего из этого не вышло, кроме конфуза.

Возможно, публично признавая полную неудачу с созданием монокультур на территории своих стран, Саркози, Меркель и Браун оглядывались на провалившийся советский опыт.

РАЗВЕДЧИК БЕЗ ПСЕВДОНИМА

Владимир Шляхтерман

Разве есть такие разведчики, чтобы действовали под своей настоящей фамилией, без кличек и псевдонимов? В книгах и с экранов нас уверяли, что разведчик имеет не одно, а даже несколько имен. А тут — никаких легенд и невероятных историй, обычная жизнь без придуманных коллизий.

Éáííeä Áááá: óíóíííðòðáò ðáçáá:ééä áíííðè.

Ì ííéää

Í á:áéí 1950-ó áááá

Спешу предупредить кадровиков и архивариусов спецслужб: не ищите его фамилию в своих картотеках — он не имеет и не имел никакого отношения ни к внешней разведке, ни к контрразведке. Просто воевал в составе взвода разведки стрелковой части.

Леонид Вегер — гвардии рядовой взвода разведки 1-го батальона 7-й бригады 10-го гвардейского авиадесантного корпуса времен Великой Отечественной войны. Пусть вас не смущает словосочетание «авиадесантный»: разведчик Вегер ни разу никуда не десантировался с самолета, впрочем, так же, как и все его сослуживцы. Просто рядовой боец рядового взвода разведки. Того самого, в котором начальник штаба, получивший нагоняй от полковника, вызывает взводного и веско приказывает: «Чтоб к утру был “язык”. Желательно офицер», — хотя отлично знает, что в кромешной тьме никаких знаков отличия не разглядишь. «Задача ясна?» — и комвзвода отправляется готовить группу захвата.

Позволю себе небольшое отступление. В июле 1943 года на Курской дуге командир роты автоматчиков Яков Махмуров приказал мне и еще двум бойцам явиться в распоряжение командира взвода разведки. Явились, представились. Лейтенант критически оглядел наши щупленькие фигурки и сказал:

— Ночью пойдете в боевое охранение. Займете окопчики впереди позиций, на нейтралке. Группа захвата пройдет в тыл. Ваша задача: поддержать огнем эту группу, если немцы ее обнаружат. Особенно внимательными быть к рассвету, когда группа будет возвращаться. Получите дополнительно диски к автоматам, гранаты... И не спать! Проверять лично буду и ежели обнаружу кемарящего...

С темнотой выдвинулись в те окопчики. С нами был старший, из этого взвода, тоже рядовой. Привели в порядок ячейки, вглядывались в темноту. Помогали сами немцы: их осветительные ракеты освещали большую площадь.

Ночь прошла спокойно, стрелять не пришлось. Группа захвата возвратилась другим коридором, правда, без «языка». Когда совсем рассвело и старший дал команду на возвращение, окопы уже занимал стрелковый батальон. Мы позавтракали, сдали гранаты, а автоматные диски нам оставили. С «трофеями» вернулись в свою роту.

Уже много лет спустя, в Москве, я спросил командира роты Якова Николаевича Махмурова о том эпизоде. Он рассказал, что взвод разведки понес большие потери, ему приказали выделить трех дисциплинированных бойцов и предупредили: если они подойдут, то их оставят. Не подошли.

А как Леонид Вегер стал разведчиком? Очень просто: их, вчерашних курсантов пехотного училища, без званий, рядовых, выстроили на площади, чтобы распределить по частям. Неожиданно подошел какой-то лейтенант, скомандовал:

— Смелые, два шага вперед!

Леня никогда не задумывался — смелый он или нет. А тут сразу вышел из строя. Еще один парень шагнул. Лейтенант подождал немного, скептически оглядел смельчаков и повел с собой. Так Вегер стал бойцом разведвзвода.

После смерти родителей мальчик воспитывался теткой в Ессентуках. Школьником просился на фронт. Не взяли, сказали: окончи школу. Окончил, опять явился в военкомат, и его сразу направили в город Орджоникидзе (Владикавказ), в военно-пехотное училище. Честный комсомолец, он написал в анкете: родители репрессированы. На это не посмотрели. А когда немцы прорвались на Кавказ, училище подняли по тревоге. Вот тогда-то, полагает Леонид, наверное, и вспомнили про анкету. И направили в курсантскую бригаду, в которой почему-то оказалось много бывших эков и прочих «нечистых». Их построили на площади, чтобы распределить...

Я был точно в таком же положении: курсант Куйбышевского пехотного училища, не дождавшийся выпускных экзаменов, отправленный в конце 1942 года под Сталинград.

Знаю, что и другие училища так же оказались на передовой. Чья это была инициатива и чем вызвана? Огромными потерями первых месяцев войны? Отчаянным положением, сложившимся на юге? Но когда Ставка принимала такое решение, прекрасно понимала: тысячи курсантов уже никогда не станут лейтенантами. А нужда в таких командирах была острейшая: потери среди младшего офицерского состава были большие.

Ἐτέρι ἰὰ ἀνά τῆ ἐαί τῶ

*Νὸ ἀέε ἰ ἀά
1942 ἄ ἄ*

Ὀτὸ τὰ ἀόεῦ Ἄι εὐὸ δεῦ Ἀάεῦ ἀδὶ ἀί ὀα

Он родился за восемнадцать лет до событий, происходивших в конце 1942 года, в месте экзотическом — на Соловках.

В Соловецком лагере отбывали свой срок родители Леонида. Оба были анархистами. Боролись с царем, а потом с таким же неистовством и с большевиками. Любопытно: первый муж матери Леонида был приближенным Нестора Махно.

Не знаю, сколько заключенных содержалось здесь при царях, сколько — когда Соловки стали подразделением ГУЛАГа. Лет десять назад я был в урочище Сандармох, что недалеко от карельского Медвежьегорска. Здесь обнаружили многочисленные рвы с расстрелянными в конце 30-х годов прошлого века. В одном месте увидел большой закладной камень. Надпись гласила: «Здесь похоронен 5001 человек — этап из Соловков». Поразила эта цифра: не около пяти тысяч, не больше пяти тысяч, а пять тысяч и один человек. Какая точность! Почему везли сюда расстреливать? Что, Соловецкая земля уже не принимала?

Леонид знал, что разведчики действуют главным образом ночью, скрытно, в открытый бой без нужды не ввязываются. А тут приказ: поступаете в распоряжение капитана-артиллериста. Знакомый штабист успел шепнуть:

— Пойдете в разведку боем.

Капитан повел взвод к реке. Ложбинами вышли к ней, артиллерист объяснил: «По моей команде форсируете речку (был декабрь 1942 года), немцы открывают огонь, я засекаю их огневые точки». Как возвращаться, не было сказано. Капитан достал карту из планшета и скомандовал: «Вперед!»

Леня вскочил и что было сил помчался к реке, влетел в воду и довольно быстро достиг противоположного берега, увидел вздымавшиеся корни двух деревьев, плюхнулся между ними и только тогда услышал немецкий пулемет. Он бил по реке, которую форсировала реденькая цепь разведчиков.

Из той разведки не все вернулись. Зато оставшимся в живых и промерзшим бойцам досталось больше спиртного. Вечером командир взвода заполнял наградные листы и сказал Леониду, что капитан велел особо его отметить: Вегер первым бросился в атаку. Леонида представили к медали «За отвагу». Впрочем, ее рядовой Вегер так и не получил: в Президиум Верховного Совета СССР не отослали бумаги, командир части не решился. Почему, из-за национальности?..

Знал Вегер и горькие моменты отступления, а то и просто бегства. Появлялись немецкие танки и, не доходя с километр до наших позиций, открывали огонь. А отвечать им было нечем: винтовки и автоматы что слону дробинки. И пехотинцы в спешке покидали окопы, а за ними станицы и города.

Однажды, как обычно, раздался мощный гул показавшихся немецких танков. И кто-то из бойцов уже выскочил из окопа и побежал.

— Мы, разведчики, уходили последними, — рассказывал Леонид. — Тоже готовы были драпать. Но неожиданно ударили наши пушки: очередями сорокапятки, частыми выстрелами 76-миллиметровые, а откуда-то издалека — мощные орудия. Все вокруг заволкло дымом. А когда земля осела, увидели подбитые и горящие немецкие танки. Мы выскочили из траншеи и побежали... вперед! И я понял, что кончаем отступать. Кончаем!..

После нескольких дней затишья пришел приказ о наступлении. Прибыло пополнение — сибиряки, с ними и танки. Их, правда, было немного. Но уже были! Первый день оказался неудачным: немцы атаку отбили. Однако потом стали отступать: когда организованно, а когда просто бежали, оставляя технику и своих мертвых, что в ту пору на немцев было непохоже.

Прибавилось дел и взводу разведки. Несколько ночей Леонид, будучи в группе захвата, пытался выйти на какого-нибудь одинокого зазевавшегося немца. Но чаще группа наталкивалась на боевые охранения и вступала в перестрелки, и тогда уже было не до «языка». Правда, с нашей стороны обходилось без потерь.

— Однажды, — вспоминал Леонид, — шли в немецкий тыл по нейтральной полосе. Было известно, что она заминирована. Решили идти след в след. Я в середине группы. Ночь на исходе, торопимся. Идти по минному полю — брр... Впереди меня шагает солдат из новичков. Идем бодро. И вдруг из земли вырывается черно-красное пламя. Одновременно — взрыв. Инстинктивно зажмурился. Когда открыл глаза, то не увидел шедшего впереди солдата. Вот только что, минуту назад, был человек — и нет его. Стало тихо, оглянулся, стоят разведчики, не шелохнутся. Стона не слышно. Немцы открыли огонь наугад. Поворачиваемся на месте — и споро назад.

Будни разведвзвода складывались не только из ночных поисков и редких захватов «языков». Батальон — на пешем марше. Разумеется, не в парадном строю, но все-таки движется компактно. А чтобы не наткнуться на засады, впереди — и слева, и справа — идут разведчики. Это боевое охранение, в случае чего они первыми принимают бой, и начавшаяся стрельба — сигнал к немедленному развертыванию части в боевые порядки.

Обычно в охранение шли по два-три человека. А в этот раз — было уже время нашего наступления — Леонид шел в полукилометре впереди основной колонны. Почему-то был один, он считался уже опытным разведчиком.

Было сравнительно тихо, и неожиданно впереди и параллельно дороге раздался звук низко летящего самолета. Видимо, в батальоне раздалась команда «Воздух!», и бойцы бросились враспынную.

— Но еще раньше, — рассказывал Леонид, — я скатился с дороги. И вдруг увидел, что истребитель несется на меня. «Мессершмитт» дал по мне пулеметную очередь. Мимо, но близко. У меня была автоматическая винтовка Токарева. Если за ней хорошо ухаживать, то служит безотказно. Выпустил по самолету всю обойму. И увидел, как из сопла появилась струйка черного дыма. Я даже привстал. «Мессер» удалялся, а дымок продолжал густеть.

Я недоверчиво хмыкнул: случаев, когда немецкие летчики гонялись за одинокими солдатами, было немало. На фронте ходили байки и о том, как из винтовки или автомата сбили вражеский самолет. Сам я этого не видел. Но, может, и правда красноармеец Вегер сбил «Мессершмитт»?

Леонид ничуть не обиделся на мою недоверчивость, добавил только:

— Вот и вы не поверили. Я тогда никому об этом не рассказал, боялся прослыть хвастуном.

Будни взвода разведки состояли и в том, что он шел в атакующих цепях. Не от хорошей жизни, понятно, решалось командование на такой шаг. Приходил приказ о наступлении, а людей не хватало. Что делать? Подчищали тылы, в окопы шли ординарцы, связисты, нередко штабные работники и, конечно, взвод

разведки. И гвардии рядовой Вегер шел в атаку, стреляя на ходу, падал, укрываясь за холмиком или валуном, когда надо — бежал вперед, случалось, резво отходил назад.

В одну из своих книг с бесхитростным названием «Записки бойца-разведчика» Леонид Леонидович включил маленькую главку «Немного о политике». Не о большой, вершившейся в высоких кабинетах, а о политических проблемах, так сказать, на житейском, семейном уровне. Но когда таких семей много, то это уже Политика с большой буквы.

В только что освобожденной станице группа бойцов зашла в дом. В разговоре с хозяйкой Леонид спросил, как, мол, жилось под немцем? И услышал в ответ: при немцах было лучше. Он опешил. Женщина разъяснила: не было раскулачивания, землю и скот для колхоза не отбирали, да и вообще в колхоз не загоняли, в Сибирь не высылали.

В другом месте партизанскую группу после освобождения района влили в их взвод разведки. С одним из партизан Леонид оказался в окопе боевого охранения. Разговорились. Парень поведал, что они боевых действий, по сути, не вели, пуще всего опасались... своих станичников. Он, например, в свое время принимал участие в раскулачивании, и его люто ненавидели многие односельчане.

Эти наблюдения, а также известные факты участия РОА (Русская освободительная армия) Власова на стороне вермахта, национальных частей, также созданных и оснащенных немцами для борьбы против советской власти, подвигли Вегера на такое утверждение: «Мне кажется, что в 1941–1945 годах в СССР наряду с войной против Германии шла также гражданская война». Смело, но спорно.

В некоторых изданиях мелькнула такая цифра: около миллиона человек служили в этих предательских воинских формированиях. Факты — упрямая штука. А они документально зафиксированы: вместе с германской армией и ее союзниками действовали не только власовцы, но и украинские дивизии, казачьи сотни, татарские батальоны, туркестанские, грузинские, прибалтийские части, армянский полк СС, отряды кавказских горцев...

В связи с этим полезно вспомнить и о том, что в списке воинских формирований, воевавших на стороне Германии, не было не только полка или батальона, но даже еврейского взвода или еврейского отделения.

Уже после войны стали известны факты зверств тех, кто помогал вермахту. Бабий Яр в Киеве — дело не только немцев, но и украинских националистов.

Èàí èä Áàíà

Õàéóà

Î èí èí 2008 ä ää

Бригада Леонида Вегера оказалась недалеко от Эссентуков, освобожденных от оккупантов. Ему — без увольнительной — разрешили побывать там, чтобы проведать сестру матери, у которой он воспитывался в течение трех лет накануне войны. В городе Леонид узнал, что его тетку немцы расстреляли...

Мария Моисеевна до войны не была активисткой, не была она ни подпольщицей, ни партизанкой. Ее расстреляли лишь потому, что она еврейка. У Леонида, увы, не было времени установить — это дело одних немцев или их сообщников тоже. Кстати, в Ставропольском крае специальная комиссия так и называлась: «по расследованию злодеяний захватчиков и их сообщников».

Так, может, прав Леонид Вегер: это была не только Отечественная, но также и гражданская война? Совсем не исключено, что когда одна часть села уходила в партизаны, то другая поставляла немцам старост, полицаев, карателей; или два родных брата стреляли друг в друга в бою, матерясь на одном языке. Право, вполне реальные картины.

И все-таки позволю себе не согласиться с моим другом. Ставить знак равенства между этой войной и другими гражданскими нельзя, хотя бы исходя из масштабов войн 1918–1920 и 1941–1945 годов. Нельзя сравнивать белое движение 1920-х годов и действия отщепенцев в Отечественную. Но, наверное, предположение Вегера вызовет если не полемику, то размышления.

Год ходил Леонид в группах захвата, в боевых охранениях, отступал и наступал. Получал ранения, но не очень существенные, и возвращался в свой батальон. Однако 23 февраля 1943 года столкнулся с патрулем. Немец первым бросил гранату. Взрыв. Леонид почувствовал, что его ранило в правую руку и выбило глаз...

Очнулся на операционном столе медсанбата, куда его доставили бойцы взвода. Врачи вынули десятки осколков, но не все, несколько мельчайших железяк осталось в правом легком.

Год по госпиталям. Выписали инвалидом. Куда податься? Родителей нет, тетки, у которой жил три довоенных года в Эссентуках, нет. Поехал в Москву. Поступил на экономический факультет авиационного института — там было общежитие. Учился хорошо. Но после окончания института многие месяцы болтался без работы: шла борьба с космополитами.

Долгие годы Вегер трудился в Институте экономики Академии наук, в Институте управления, разработал новый курс «Экономика науки», читал лекции, проводил семинары. В 1969 году защитил

кандидатскую, а через 15 лет стал доктором экономических наук. Тема его исследований — экономическая эффективность научных разработок. И хотя прошло с тех пор добрых четверть века, нет-нет да с удовлетворением встретит знакомые формулировки (разумеется, без ссылки на автора, но Б-г с ними).

В 1992 году переехал в Израиль. Между прочим, одна из причин — последствия ранения. В холода сосуды сжимаются, и мельчайшие осколки, сидящие в них, причиняют боль. Кстати, все научился делать левой рукой, правая не работает.

В Хайфе живет с женой Инной. Дочери — Тамара и Екатерина — живут в Москве со своими семьями и охотно приезжают отдохнуть к родителям в Хайфу.

Леонид сотрудничает с некоторыми местными изданиями. Не очень активно, но всегда заметно. А его статья «Во что обходится шабат» наделала немало шума. Poleмику вызвала и брошюра Леонида Вегера «XXI век — капитализм или социализм?» Автор — не коммунист, беспартийный — утверждал, что глобальный экономический кризис произошел отчасти и потому, что США недооценили роль государственного регулирования экономики.

Оппонентам Вегера трудно с ним полемизировать: у него всегда «железные» данные и факты — голословно не поспоришь.

Вот уже без малого два десятилетия Леонид живет в Хайфе. Каждый год приезжает почти на все лето в Москву. Устраивает «мальчишник». С каждым годом, увы, нас приходит все меньше. А в прошлом году «мальчишник» не состоялся! Небывалая жара случилась в Москве, и не было сил ни приготовиться, ни приехать...

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ:

«НЕАВАНТЮРЫ НЕ ИМЕЮТ ПРАВА НА УСПЕХ»

Беседу ведет Михаил Эдельштейн

Михаил Эдельштейн Передо мной статья на портале IzRus под названием «Еврейские олигархи “сражаются” за Европу». Насколько оправданна такая трактовка последних событий: будапештского съезда Европейского еврейского конгресса, которым руководит Вячеслав Кантор, парижской ассамблеи Европейского совета еврейских общин (ее возглавляет украинский бизнесмен Игорь Коломойский) и заявления президента Евроазиатского еврейского конгресса Александра Машкевича о создании нового телеканала, своего рода «еврейской “Аль-Джазиры”»?

Евгений Сатановский Еврейские лидеры никогда гуртом не передвигались, вот и теперь они выдвигают каждый свою программу. Частично из-за личных амбиций — любой еврей сам себе и цадик, и Ротшильд. Частично потому, что это вызов времени. Мир так же нас «любит», как сотни и тысячи лет назад. В масс-медиа, в аналитике, в университетах Запада доминирует постмодернистское отношение к жизни. Именно оно заставляет Бернара-Анри Леви, вполне себе еврейского интеллектуала, тащить к Саркози насквозь аль-каидовскую и антисемитскую бенгазийскую оппозицию. Его картина мира черно-белая: раз Каддафи плохой, значит, те, кто ему противостоит, хорошие. В результате «Аль-Каида» получила свое химическое оружие со складов в Бенгази, и оно уже потихоньку переправляется в Судан и, не дай Б-г, попадет в Газу.

Очень важно перестать смотреть на мир через розовые очки левых либералов. И если то, что говорится и делается Машкевичем, Коломойским, Кантором, поможет как-то переломить эту ситуацию — замечательно. Не случайно все эти проекты выдвигаются людьми из России, Украины, Казахстана. У них другое мышление, они видят мир таким, как он есть, и ужасаются театру абсурда европейской политики, где люди готовы пустить в распыл свои страны ради воплощения какой-то теории, в которую они верят со студенческой скамьи.

Конечно, эти еврейские организации будут конкурировать между собой. И это значит, что они станут лучше, потому что монополии быстро вырождаются. Чем больше такого рода еврейских лидеров, тем лучше для всех нас. Они могут не иметь диплома кафедры социологии Тель-Авивского университета — и слава Б-гу. Они не отмечаются на многочисленных посиделках левых интеллектуалов. Но это практики, люди состоявшиеся, не наследники миллиардных состояний, а люди, сделавшие себя в лучшем смысле слова. Они прошли советскую власть, знают, как благие намерения превращаются в свою полную противоположность, и готовы биться, чтобы Израиль остался на карте. Замечательные инициативы, очень хорошие перспективы, традиционно еврейский подход — все в кипении и борении между собой.

МЭ В багаже этих людей уже есть какие-то реальные «еврейские» заслуги?

ЕС ЕАЕК с момента зарождения взял на себя многие вещи, которыми Всемирный еврейский конгресс заниматься не хотел, — например, межрелигиозный диалог, понимаемый как разговор достойных и равных, без обычного «вы извините, мы евреи, но мы постараемся это исправить».

Есть огромная разница между тем, чем был ЕЕК до Кантора, и тем, во что он превратился сейчас. Форум «Жизнь народу моему» — это историческое событие. К концу XX века тема Холокоста в Европе политиками была списана, опломбирована и сдана в архив. Ежегодные поездки в Освенцим для польского правительства превратились в неприятное ритуальное действие. И именно Кантор взорвал ситуацию, привезя в Освенцим практически всю мировую политическую элиту, включая Путина. Именно Кантор сломил сопротивление тех, кто не хотел, чтобы второе мероприятие состоялось в Бабьем Яре. А как отбивалась еврейская община Германии во главе с Шарлоттой Кноблах, когда форум «Жизнь народу моему» попытался организовать в Мюнхене мероприятия к 70-й годовщине Хрустальной ночи! Эта история как прожектором высветила реальные отношения между европейским еврейством и европейским истеблишментом.

МЭ А почему немецкая община была против?

ЕС Мало ли что было, не надо напоминать. Вам же дают деньги, дают собственность, вы получаете еврейскую недвижимость — чего вам еще? Когда та же Шарлотта Кноблах захотела поблагодарить людей, спасших ее во время Холокоста, — они отказались с ней встретиться. Ведь они нарушили закон. Пусть это был людоедский закон, по которому детей бросали в газовые камеры, но, с точки зрения соседей, они совершили неприличный поступок, спасая этого ребенка. И теперь они стесняются своего благородства.

МЭ Велика ли вероятность, что соперничество Кантора, Машкевича и Коломойского приведет к взаимным информационным атакам?

ЕС Одновременное проведение трех еврейских съездов показывает, что объединение их в рамках какой-нибудь одной организации маловероятно. Но точно так же нет ни малейшего шанса, что лидеры замкнутся на взаимных противоречиях и вместо реализации заявленного начнут заниматься удушением друг друга.

МЭ А как будут складываться отношения между «новыми русскими» евреями и традиционными еврейскими элитами Европы?

ЕС Вспомним, с каким ужасом почтенные сефарды голландского происхождения смотрели на ту немецкую нищету, которая понаехала в Новый Амстердам в первой половине XIX века. Или как «голландцы», уже вместе с «немцами», встречали восточноевропейских евреев, «полише дрипкес». Обычное отношение евреев друг к другу — это презрение еще большее, чем к неевреям, ибо еретик хуже иноверца. Но деваться-то западным еврейским элитам некуда. Ну хорошо, не нравится — не ешьте, не приходите за деньгами, не пытайтесь завязать совместный бизнес. Я помню, как вначале европейцы смотрели на Кантора, который постоянно живет в Швейцарии. Считалось, что его задача — дать денег, извиниться за то, что пришел, и отойти молча постоять в углу. Идея, что главный донор должен иметь право голоса, никому в голову не приходила. Понятно желание людей получить бесправную дойную корову, на которой можно заодно пахать и ездить. Но как-то подобный подход не сработал.

МЭ Разговоры о том, что Израиль проигрывает информационную войну, идут уже много лет и даже десятилетий. Реально ли создать «еврейскую “Аль-Джазиру”» и переломить ситуацию?

ЕС Даже с «Аль-Джазирой» мы можем проиграть. Настоящих буйных мало — мало людей, готовых рискнуть своим именем, временем, деньгами. Нужна команда — умная, талантливая, достаточно гибкая, умеющая убеждать и переубеждать. Если такая система будет выстроена — у нас будут все шансы переломить ход информационной войны. Слишком много антиизраильских денег было вброшено в информационное поле — наверное, пора их чем-то сбалансировать.

Кстати, «Аль-Джазира» — по-своему неплохой образец для подражания. Во время операции «Литой свинец» в прямой эфир ушли слова корреспондента «Аль-Джазирь»: мол, неважно, что там говорит «Хамас» о своих потерях, они все врут, любую информацию надо проверять у израильтян. При этом «Аль-Джазира» в последнюю очередь является рупором Государства Израиль. Но у этих людей есть своя профессиональная честность, им не хочется выглядеть идиотами.

МЭ Идея Коломойского о европейском еврейском парламенте, который представлял бы общины всех стран Европы, — это авантюра или реальность?

ЕС Это авантюрная реальность. Я не знаю более авантюрной идеи, чем воссоздание Государства Израиль. Тем не менее она стала реальностью. А неавантюры не имеют права на успех.

МЭ Другая тема месяца — статья судьи Голдстоуна в «Вашингтон пост». В свое время он во главе комиссии ООН расследовал итоги операции «Литой свинец» и обвинил Израиль в военных преступлениях. И вот теперь он признает, что тот доклад был тенденциозным и неполным. Каковы причины этого покаяния?

ЕС Очень часто близкие таких людей иначе, чем они сами, оценивают происходящее. Видимо, последствия доклада стали для Голдстоуна сюрпризом: он не ожидал такой реакции в собственной синагоге и в своей семье. Так что, возможно, причина появления статьи — в семейной драме.

МЭ Голдстоун пишет, что если бы он обладал всей полнотой информации, то доклад был бы другим. Не следовало ли израильтянам отказаться от презумпции виновности международных организаций и пойти на сотрудничество с комиссией Голдстоуна?

ЕС Позиция Израиля абсолютно правильная. Попытка зайца сотрудничать с лисой всегда плохо кончается. А Голдстоуну просто надо перевалить на кого-то ответственность, вот он и выкрикивает в адрес Израиля «сам дурак».

МЭ То есть предоставь Израиль информацию комиссии Голдстоуна, доклад был бы таким же?

ЕС Может, он был бы гораздо хуже, потому что задача комиссии состояла не в том, чтобы дать объективную картину, а в том, чтобы получить доступ к информации, фактуре, именам и фамилиям. И вообще: почему человеку, который сам признается в ненадлежащем исполнении своих обязанностей, надо предоставлять информацию?

МЭ ООН как-то отреагирует на демарш Голдстоуна?

ЕС ООН играет в свои политические игры, так что чего-то хорошего Израилю ожидать от нее не приходится. Другое дело, что задача Израиля — на примере этой ситуации как можно большему числу людей продемонстрировать, что на самом деле представляет собой сегодняшняя ООН: ее комиссии, ее чиновники, ее руководство.

Рут Вайс Включение еврейских предметов в учебные планы университетов зависит от преобладающей академической атмосферы, так что ситуация здесь меняется в соответствии с развитием общества. Если в Еврейском университете в Иерусалиме иудаика стала частью его *raison d'être* с момента основания в 1925 году, то другие университеты добавляли «евреев», когда стремились к широте, универсальности. В Соединенных Штатах этот процесс начался в 1960-х годах. Основанная в Америке Ассоциация иудаики, состоявшая из 60 членом в год своего основания (1969), сегодня насчитывает более 1800 членом, представляющих в большинстве своем штатные университетские позиции. Помимо основных предметов, таких, как иврит и идиш, литература, Библия, Талмуд, еврейская история, еврейская философия, а позже израилеведение, многие университеты предлагают соответствующие курсы на различных факультетах гуманитарных и общественных наук. Историческое основание кафедры иудаики в Санкт-Петербургском государственном университете — это часть важного европейского тренда по возрождению иудаики там, где она либо прекратила существование после второй мировой войны, либо и раньше не существовала. Особенно это актуально для стран, где евреи являлись частью местного населения. Так, например, курсы по идишу в германских университетах выявляют лингвистические и литературные связи между двумя языками. Иврит и еврейская тематика включаются в программу испанской конвентии. Непростая история европейских евреев поистине требует академических исследований их судьбы.

АМВ вашей работе «Современный еврейский литературный канон» была сделана попытка определения литературного еврейского канона. Можно ли расширить предложенный вами подход до понятия «еврейская культура»? Как он проявляет себя, к примеру, в невербальных искусствах?

РВКак я поняла из реакции на мою книгу, некоторые люди не принимают саму мою идею канона, видя в нем репрессивную схему для контроля общества. Ничего не может быть дальше от истинного понимания канона. Динамичное разрастание литературы и искусства в открытых обществах делает очень трудным существование всякой когерентной культуры вне постоянного разговора о сравнительном качестве и художественной долговечности одних работ в сравнении с другими. Возможности общенациональной культуры в открытых обществах будут зависеть от того, что критики и педагоги желают признать лучшим среди просто хорошего и посредственного. Культурная трансмиссия требует, чтобы мы прежде всего выявили то необходимое, что нуждается в трансмиссии, — в литературе и в любом из видов искусств. Иудаизм в особенности зависим от постоянного обращения к базисным текстам. Его наиболее сакральный предмет — свиток с текстом. Без Библии и традиций библейского исследования и комментария евреи не могли бы существовать как народ. Письменное слово всегда занимало центральное место в еврейской жизни, даже в нелитературном культурном окружении. Акцент на чтение, среди прочего, останется непреходящим вкладом евреев в мировую культуру.

АМЛюбой разговор о культуре евреев-ашкеназов так или иначе затрагивает тему Холокоста. Вы один из крупнейших специалистов по идишской литературе, сталкивались ли вы с таким понятием, как «закрытые документы», «секретные материалы», к которым даже большие ученые не имеют доступа?

РВПо правде говоря, мне приходилось чаще сталкиваться с проблемами «исчезнувших», чем «закрытых» документов. На последнем курсе университета мне выпала удача обнаружить в Еврейской публичной библиотеке в Монреале рукопись пьесы идишско-ивритского писателя Шолема-Янкева Абрамовича (Менделе Мойхер-Сфорима), которую какой-то безалаберный ученый не вернул автору. А поскольку остальная часть архива Менделе, видимо, пропала во время второй мировой войны, у нас почти ничего не осталось от его рукописей (не считая того, что советские идишисты разобрали и опубликовали до 1949 года). Еврейских рукописей в период Холокоста исчезло почти так же много, как и самих писателей. В то же время в «Яд ва-Шем» и других еврейских архивах еще многие тысячи рукописей ожидают своих исследователей. Открытие доступа к российским библиотекам и архивам с 1991 года стало настоящим подарком еврейским историкам Восточной Европы и дало начало целым областям исследований. На рубеже XX века Россия была центром жизни еврейского народа, горнилом его ивритской и идишской культуры, инкубатором всех его основных политических движений. И неудивительно, что больший доступ к российским архивам превратил Россию в одну из самых «горячих точек» в современной иудаике.

АМ«Еврейская диаспора — один из крупнейших в истории политических экспериментов», — писали вы в книге «Евреи и власть», которая так же, как «Канон», переведена на русский язык и пользуется не меньшим успехом. Скажите, в рамках вашего подхода, каким видится вам положение российских евреев в теперешней острой политической ситуации?

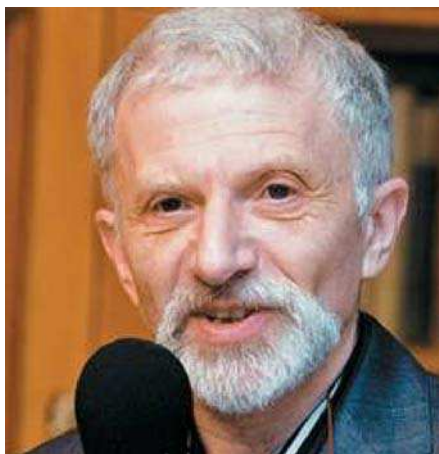
РВСпасибо за интерес к моей книге о евреях и власти, которая, по сути дела, есть книга о евреях и политике. Я пытаюсь показать в ней, как еврейский образ жизни, в том числе его политическое устройство, способствовал процветанию евреев (насколько им это было позволено), но одновременно делал их удобной

мишенью для народов и правительств, культивировавших обвинительную политику. Если мой анализ верен, то ваш вопрос имеет даже большее значение для будущего России, чем для евреев. Если Россия приветствует открытый рынок идей, принимая соревновательность как часть творческого процесса, если она ощущает больше радости, чем страха, от присутствия меньшинств и различных точек зрения, — короче, если Россия позволит евреям процветать, то самой ей уготовано еще большее процветание. Если же правительство будет проводить репрессивные меры и попытается сделать козлами отпущения евреев, то это очень плохой для нее знак: это в равной степени касается всех обществ. Насколько я знаю, в настоящий момент в России движения и ассоциации имеют больше свободы, чем когда бы то ни было в прошлом. Меня радует существование еврейских школ, общинных центров, культурных программ, публикаций и веб-сайтов, академических программ иудаики. Но вы лучше меня знаете, что страна еще находится на «незавершенном этапе», пытаюсь найти альтернативу царскому режиму и советской власти. Как бы странно это не показалось, благосостояние российских евреев будет знаком благосостояния России.

Ἄλλὰ ὁ ἄνθρωπος εἶπε ἐπὶ ἁεὐρίῳ ἰαῖ ἰδί φάι ἐβ

Ἄδῃ ἁεὐρίῳ ἰαῖ ἁεὐρίῳ ἰαῖ

Ἐπὶ ἰδέε, γὰρ ἡ φύσις ἐὰν ἀδῇ ἐπὶ ἁεὐρίῳ ἰαῖ ἰδί φάι ἁεὐρίῳ ἰαῖ

AM Не могли бы вы назвать наиболее яркие моменты пути, пройденного за двенадцать лет возглавляемой вами кафедрой иудаики?

Аркадий Ковельман Самый яркий момент — ежедневное существование. Это как капельное орошение в Израиле: проводим трубочку, в ней делаем дырочки, из них льется вода. Без такого полива ничего не растет. Нужны гранты для преподавателей, поскольку университетских денег не хватает, нужно быстро растить преподавателей из выпускников, потому что времени на раскачку нет, нужно достать книги, потому что библиотеки — нищие, голые и холодные, нужно обеспечить приезд и расселение израильских гостей — без их лекций и семинаров нам не обойтись. Своим чередом идут защиты дипломов, диссертаций, курсовых работ. Иногда случаются радостные минуты: глаза студентов загораются, язык у студентов развязывается, мысли приходят студентам на ум. Все остальное — бесконечное мытье полов.

AM Что вам дало преобразование Центра иудаики в кафедру, в чем вообще смысл этого «перевоплощения»: больше студентов? больше курсов? или просто большая стабильность структуры? И почему в Питере произошло сейчас то же самое — Центр превратился в кафедру?

AK Центр, по терминологии МГУ, — хозрасчетное учебно-научное подразделение. Центры создают и упраздняют, они живут в гостях. Кафедра — органическая часть университета. Для нас это особенно важно, с нашим комплексом бездомности. Мы начали чувствовать себя в ИСАА дома, когда появилась кафедра. Нет ничего странного, что наши друзья в Питере пошли по тому же пути. Я очень рад, что у них получилось.

AM На конференции, приуроченной к пятилетию кафедры иудаики ИСАА МГУ, предшественником которой был Центр иудаики и еврейской цивилизации (ЦИЕЦ), глава центра «Петербургская иудаика» Валерий Дымшиц предложил для решения проблем академической иудаики взять в качестве примера для подражания США. «В Европе и даже в Израиле, — заметил Валерий Дымшиц, —

иудаика занимает маргинальное положение. В то время как в США академическая иудаика представлена широко». Вы согласны с этим утверждением коллеги?

АКВ США, действительно, функции иудаики совершенно особые, отличные от функций иудаики в Израиле или в Европе. Иудаика в США выросла из раввинистических семинарий (реформистских и консервативных). Отсюда центральное положение иудаики: ведь семинарии реформистов и консерваторов — наследники старых ешив, а ешива — центр еврейского мира. В Европе эти семинарии погибли вместе с профессорами и студентами. Здесь иудаика родилась после войны заново как чисто академическая сфера деятельности. В Израиле иудаика с самого начала была частью университетской жизни. В последние десятилетия выросли кафедры иудаики и в университетах США. Но они сохраняют связь с религиозной и общинной жизнью еврейства. Кроме кафедр в США имеются центры и программы. Зачастую в такой программе есть один «остепененный» специалист по Талмуду или еврейской философии и имеется сборная солянка курсов, которые читают люди, не имеющие к иудаике никакого отношения (например, «Евреи в Голливуде»). По системе кредитов каждый студент обязан выбрать себе какие-то гуманитарные предметы, и многие еврейские студенты выбирают еврейские курсы. У нас иудаику изучают только те студенты, которые в ней специализируются. И таких студентов по необходимости много быть не может. За отсутствием раввинистических семинарий иудаика в России — чисто светская дисциплина, центром религиозной жизни наши кафедры не являются. Но они действительно очень важны для общинной жизни, для светской культуры русских евреев. Так что, несмотря на общие черты (положение диаспорной науки), российская иудаика сильно отличается от американской. Как обычно, Россия выбирает особый путь.

АМВ чем характерные особенности двух кафедр иудаики — московской (в ИСАА МГУ) и только что образованной на базе философского факультета СПбГУ?

АКО отличия вытекают из принадлежности кафедр. ИСАА — востоковедная школа МГУ. Здесь изучают восточные языки и цивилизации. На мощное языковое образование накладывается специфика отделений — социально-экономического, филологического и исторического. В нашем случае это экономика Израиля, теория и история иврита и других еврейских языков, история евреев. Студенты, которые учатся на нашей кафедре, разделяются по трем специализациям (историки, экономисты и филологи). Философский факультет СПбГУ, очевидно, дает образование в сфере философии и истории культуры.

ΕΘΑΑΕΕΑ ΑΕΒ Ι ΑΙ Β — ΕΑΑΑΕΥΙ ΑΒ Ι ΔΙ ΟΑΝΝΕΒ

×ΑΔΑΙ ΟΔΕÇ

Εποίθεε, εσέυοόθεετᾶ ἰδιόαππὸ ὀίεααππὸ δαὸὰ Αδαί ααετᾶ

АМ что сегодня входит в понятие «современная академическая иудаика»? Как осуществляется взаимодействие таких смежных дисциплин, как израилеведение и иудаика?

Черен Фриз Иудаика сегодня — одна из уникальнейших областей академических исследований, выделяющаяся по хронологическому и географическому охвату и количеству изучаемых дисциплин. Ученые стали все больше рассматривать развитие еврейской истории и культуры как процесс напряженного творческого взаимодействия с другими религиозными и национальными группами. Это, в свою очередь, привело к большей интеграции иудаики в социально-гуманитарные исследования в американских

университетах. Такая сравнительно новая область, как израилеведение, помогла изменить взгляды на Израиль — уже не как на конфликтный регион, а как на страну, достойную самоценного изучения. Израильская литература, кино, музыка, социология, экономика и география стали предметом научных исследований, в качестве интегральных составляющих еврейского бытия. Создание кафедры на базе Центра библеистики и иудаики в СПбГУ — ценное прибавление к мировому сообществу исследователей иудаики.

АМЧто вы сегодня можете сказать о научных работах российских специалистов в области иудаики? Как бы вы их оценили?

ЧФОтличие от других областей иудаики, история российских евреев все еще остается только зарождающейся, хотя уже давшей пышные плоды области исследований. Оказавшиеся доступными после распада Советского Союза еврейские архивные материалы сделали возможными новые направления работы ученых. В недавних трудах были поставлены под сомнение германоцентричность еврейской истории и традиционные парадигмы эмансипации и ассимиляции, которыми издавна определялись категории еврейской современности. В новых работах (Михаэля Станиславского, Джона Клира, Бенджамина Натанса, Юджина Аврутин) акцент сделан на уникальные условия интеграции и гражданства в Российской империи, где разрыв между имперскими идеалами и административными реалиями породил абсурдные противоречия в законе и повседневной жизни. Исследования в области социальной истории и культурологии (Ольги Литвак, Шауля Штампфера, Ирис Паруш, Стивена Зипперстайна, Габриэлы Сафран, Кеннета Мосса, Дэвида Шнира, Джеффри Вейдлингера, Анны Штерншис) также умножили наши знания о семейной жизни, сексуальности, обращении в христианство, навыке чтения, религиозной субкультуре, литературной и художественной продукции, материальной культуре, национализме в России и Советском Союзе.

АМВы автор книги «Еврейский брак и развод в Российской империи», получившей сразу несколько премий. Почему вас заинтересовали именно гендерные аспекты дореволюционного российского еврейства?

ЧФМой труд о гендерных отношениях в истории российского еврейства изначально был обусловлен желанием восстановить женский голос и опыт, выпавшие из господствующих исторических нарративов. Однако помимо задачи восполнить наши знания, мне было интересно понять, каким образом создавалась и поддерживалась гендерная иерархия, как женщины преодолевали свое подчиненное положение ради достижения высших целей. Архивные разыскания помогли мне понять сложность взаимоотношений «пол—национальность—государство». Например, еврейки могли обратиться в Императорскую канцелярию по принятию прошения за получением отдельного паспорта, с тем чтобы проживать отдельно от своих мужей; тем самым патриархальные права мужа урезались, а российское государство побуждало вторгаться в частную еврейскую жизнь. Вопросы о гендере, власти и действиях женщин занимают центральное место в моем исследовании.

АМИудаика — дисциплина, возникшая как движение еврейской интеллигенции. Тем не менее она не имеет ни национальной, ни государственной принадлежности: присутствие в ней людей различных национальностей и вероисповеданий — факт неоспоримый. Как вы пришли в академическую иудаику и чем она стала для вас?

ЧФОтличие от большинства моих коллег в области иудаики, я не еврейка, а кореянка по национальности. Интерес к еврейской и русской истории возник у меня в марксистской Эфиопии, где моя семья часто общалась с русскими коллегами-медиками моего отца. По сути дела, русскому языку меня обучил врач-украинец в Аддис-Абебе. К еврейской истории я пришла через книги, особенно романы американских еврейских писателей, которые меня по-настоящему захватили. Формально же я начала изучать еврейскую историю в магистратуре Университета Брандейса, где я получила солидное образование в этой области, а также изучила иврит и идиш. В качестве преподавателя я продолжала накапливать знания, читая курсы лекций по интересующим меня предметам (еврейская идентичность, сексуальность, семейная жизнь), работая в российских архивах и библиотеках. В настоящее время я работаю над дневниками Зинаиды Поляковой, еврейской женщины знатного рода, жившей в Москве в XIX веке. Будучи сама человеком, переезжающим из страны в страну, я прочно ассоциирую себя с евреями, о которых пишу и которые бо льшую часть своей истории находились в рассеянии в разных странах и на разных континентах. Нет ничего лучше, чем тихо сидеть в уголке с хорошим еврейским текстом или архивным файлом. Иудаика для меня — идеальная профессия.

«Скрипача на крыше» знают практически все, он и сейчас, в относительно благостные для еврейства времена, символизирует горькую, затянувшуюся борьбу за возможность быть самим собой. Для евреев — евреем. Не зря же ФЕОР ежегодно вручает статуэтку «Скрипач на крыше» «Человеку года». А вот о «студенте на крыше», полагаю, забыли. По крайней мере, я что-то не встречал ни одной статуэтки замерзшего,

покрытого снегом Гилеля, оказавшегося на крыше у окна мудрецов только потому, что у него не было денег заплатить привратнику за вход в академию. Меж тем именно Гилель символизирует мудрость нации, ее вековечное стремление к обретению знаний. От найденного на иерусалимской крыше любознательного вавилонского юноши и случившегося в Петербурге знаменательного события дистанция длиною в новую эру. Этот двухтысячелетний путь убеждает нас в том, что не случайно между русским и еврейским народами складываются сегодня особые, взвешенные мудростью веков, «гилельные» отношения. Поощрять которые было бы совсем неплохо бронзовым «Гилелем на крыше». Поздравляем кафедру еврейской культуры СПбГУ!

ИЗ НАШЕЙ МАЙСКОЙ ПОЧТЫ

«ЛЕЙКОЙ» ПО РЕЙХСТАГУ

КЛАВДИЯ БЛЯХЕР, Петропавловск-Камчатский. Хотела бы опубликовать фото разбитого Рейхстага. Снимок сделал мой муж Бляхер Михаил Михайлович 4 мая 1945 года трофейным фотоаппаратом. К сожалению, его уже нет с нами, но все фотографии мы бережем. Думаю, еще остались в живых участники войны, возможно, они в тот день были в Берлине, но не сумели сфотографировать Рейхстаг. Пусть посмотрят сейчас, вспомнят те далекие годы. Проклятый фашизм до сих пор не дает покоя. В 16 лет я осталась сиротой, в 1942 году на Украине в м. Райгород Винницкой области, где мы жили, были расстреляны все евреи. Меня как старшую успели отправить в эвакуацию, а родители... Уж больно быстрым шагом шел немец.

МЕНЬШЕ — НЕ БОЛЬШЕ

НАТАПОВ Г. М., Москва. Писать вам меня вынуждает беспокойство за судьбу еврейского народа. Я получал журнал «Лехаим» в течение многих лет. Поскольку я понимал, что «Лехаим» — журнал дотационный, я вносил платеж несколько больший, чем требовалось. В этом году я перестал его получать. По телефону 645-50-00 женский голос с доперестроечными интонациями объяснил мне, что, так как я перевел не 240 р., а больше, нельзя было понять, каково назначение денег и теперь я могу начать получать журнал только с июля.

— Значит, если бы я перевел меньшую сумму, то получал бы журнал?

— Выходит, так, — ответили мне.

Однако произошел какой-то сбой, и я получил первый и второй номера журнала с приложением частей из романа Зингера (!). Во втором номере лежала квитанция на подписку, которую я незамедлительно оплатил (теперь уже точно указанную сумму). Но в марте я журнала не получил.

На почте мне вежливо объяснили, что подписка аннулирована (и не только моя).

Тот же телефонный номер, тот же голос:

- Вы не оплатили подписки, и получать журнала больше не будете.
- Оплаченная квитанция у меня в руках.
- Привезите ее, и тогда будете получать журнал с июля.
- Можно я назову дату оплаты и номер аппарата?
- Нет.
- Можно я пришлю квитанцию по факсу?
- Факс у нас не работает.
- Но он же заработает!..
- Только через месяц. Я вам все сказала.

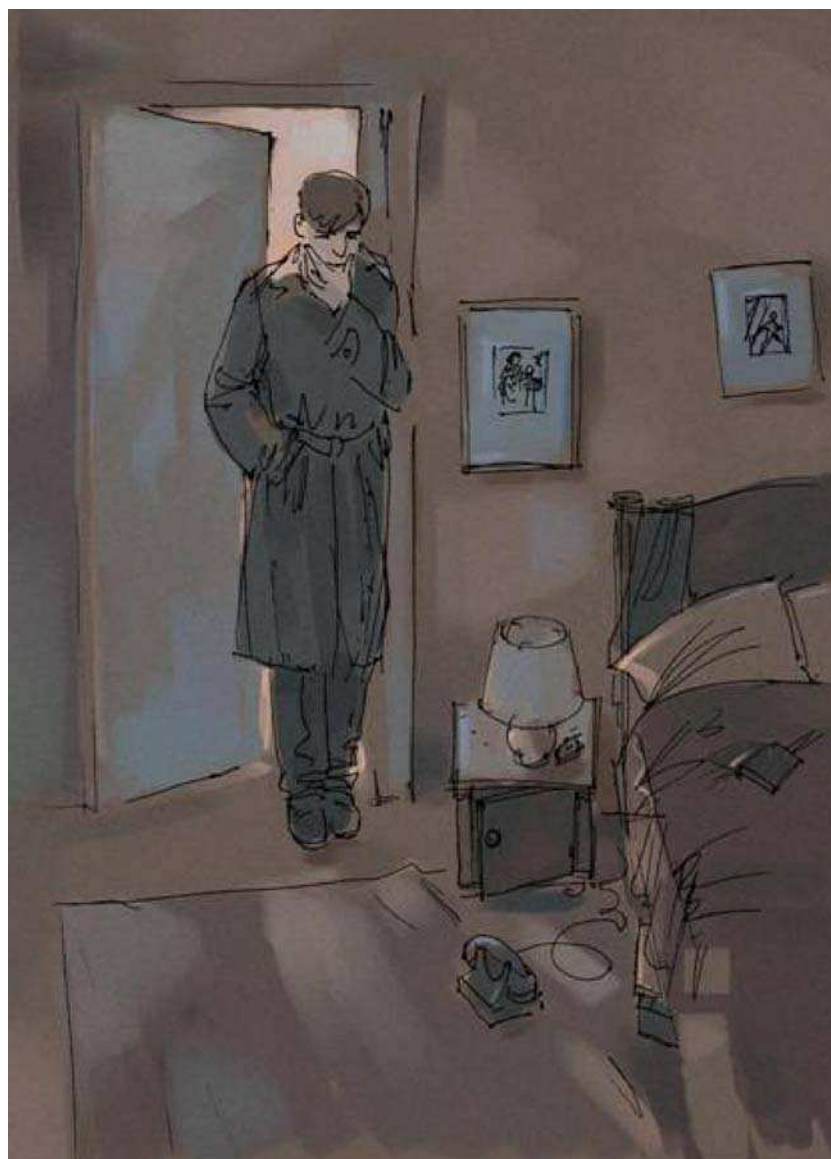
Отбой... Не успел спросить о возможности использования электронной почты. Несмотря на многолетнюю приверженность журналу и желание дочитать Зингера, я не могу взять квитанцию из соображений эстетических и из уважения к своему почтенному возрасту. Что скажут мои внуки?

«Ки вану вахарта ве-отану кидашта ми-коль а-амим»?!! («Ты избрал нас из всех народов, и Ты освятил нас».)

P.S. Διαλέξτε το άρθρο «Εἰσαί» τῆς ἰσοδυναμίας ἰσότητος ἰσότητος. Ἰ. ἀπὸ τῆς 1. 3, 4 2011.

КОНКУРС

Аדם ו' אדם

Рано я встану, поздно — неважно, день все равно ускользает. Лето, зима, под сенью деревьев или среди их теней — рисовые хлопья раньше полудня поесть не получается.

Честолюбия мне не занимать, однако прицел у меня дальний. Я имею тайные виды на одну звезду, но еще есть полжизни до нее добраться. А пока что держу ушки на макушке и стараюсь одеваться получше.

Психиатру на армейском медосмотре я сказал: да, девушки мне нравятся. Они мне и правда нравятся. Не моя сестра — мечта прыщавого подростка. А девицы стройные и нежные или полногрудые, с темными, успешными расплыться пятнами сосков. Только не моя мама — она пусть останется при Фрейде. С чувством юмора у меня все в порядке.

Последняя моя девушка была еврейка, они такие пылкие, заботятся о приеме пищи и трудоспособности. Поначалу волнуются, как бы ты не перетрудился, а уж как тебя зацепят — все, паши, сволочь, до седьмого пота.

Среднего роста, средней упитанности — глиняный горшочек с ручками, было за что подержаться. Повстречал я ее в дождь, после какого-то культурного мероприятия то ли в Купер-Юнион^[1], то ли в школе Вашингтона Ирвинга^[2]. У нее зонта не было, у меня был, и я проводил ее до дома — до моего. Где она, полусонная, провела несколько часов. Дождь лил на ясень за окном, ветер громыхал допотопными ставнями, а я, не торопясь, сварил кофе, отрезал дольку кекса. Силком я никого не беру, и я бы подождал, но уж больно она была одинокая.

Несколько недель мы провели вполне приятно. Она приносила булочки и бублики — скупала их везде, где они только ей попадались. По воскресеньям привозила в Бруклин курицу и сама ее жарила. Считала, что я слишком худой. Так оно и есть, но девушкам это нравится. Если ты толстый, они тут же понимают, что их уникальная способность согреть тебе не понадобится.

Пришла весна. И она спросила:

— К чему мы движемся?

Этими самыми словами. Я с таким не раз сталкивался. Видно, большинство женщин считает, что за то, чтобы вкусно есть и веселиться, надо платить.

Солнце прокатилось над июлем, и она снова сказала:

— Фредди, если мы ни к чему не движемся, я лучше на этом остановлюсь.

В те ветреные воскресенья нас влекло на пляж. Видно, ее мать научила, что надо сказать. И она сказала, сделав вид, что сама пришла к такому выводу.

Как-то в сентябре, в пятницу вечером, я пришел домой с довольно унылой вечеринки. Там не было ни одного знакомого лица. Ни одной свободной девушки тоже не было, и я, пошептавшись с чужими красотками, впал в тоску и отправился домой.

В кресле, листая «Новости искусства» с кучей голландцев, которые ухитрились за сорок лет проживать по восемьдесят, сидела Дороти. У ее ног стоял чемоданчик. Лица ее, когда она встала меня поцеловать, я почти не разглядел, а она сначала сделала чай, и я выпустил пар.

— Фредди, я сказала маме, что еду на два дня к Леоне в Вашингтон, — сообщила она, — и договорилась с Леоной. Все меня прикроют. — Говоря это, она налила чаю и поставила на стол маковый кекс из какой-то секретной булочной на Флэтбуш-авеню — это все для того, чтобы переключить аппетит мужчины на другое и вести разговор дальше.

— Знаешь, Фредди, ты не воспринимаешь всерьез себя, поэтому и все остальное — работу или... или отношения — тоже всерьез не воспринимаешь. Фредди, ты меня не слушаешь! Можешь надо мной смеяться, но ты настоящий варвар. Живешь одними ощущениями. Если рядом радио, ты слушаешь музыку, если рядом открытый холодильник — набиваешь себе пузо, если в трех метрах от тебя девушка, тебе бы ее только раздеть да на вертел насадить.

— Дотти, не надо живописных преувеличений, — сказал я. — Вертел — естественная принадлежность любого мужчины.

Какая же она была милая! Скажешь какую-нибудь пошлость, а она тут же кидается к тебе, вся пунцовая, только и рада, что мамаша на другом берегу Ист-Ривер. Она, бедняжка, была жадная до ласк.

И очень щедрая. К вечеру воскресенья я закончил так несколько бесед, подрубая все нравственные выводы под самый их назидательный корень. К вечеру воскресенья я дважды сказал «Я люблю тебя, Дотти». К утру понедельника я осознал глубину взятых на себя обязательств, что, не стесняюсь признать, и помешало мне отправиться на работу, которую я подыскал в пятницу.

По моему мнению, женщины хотят хорошего, но врожденная жадность доводит их до одержимости. Когда Дот узнала, что я отказался от той работы (неважно от какой — главное, что от работы),

она перешла к действиям. Вернула мне мою книжку «1984», а в записке написала, что шесть бокалов, которые мне одолжила ее мама, я могу оставить себе.

Признаюсь, я по ней скучал — такую открытость и доброту не каждый день встретишь. И она была совсем не дурочка. Я бы сказал, в ней присутствовала простонародная мудрость. Образованной я бы ее не назвал. Волосы у нее были длинные и темные. Я их до того самого уик-энда видел либо уложенными в аккуратные причесочки, либо разметанными и спутанными.

Оказалось, это меня подкосило.

Я скучал по ней. К тому же после этого мне не то чтобы везло. Денег было совсем мало, а у девушек на это животный нюх. Была одна замужняя малышка, чей супруг болтался где-то в другой почтовой зоне, но души она в наши отношения не вкладывала. Я получил заказ на замысловатый рекламный текст, через свояка — пижона-крупье, который вечно хрустит на семейных сборищах банкнотами. Дела потихоньку налаживались.

На заработанные пустозвонством деньги я как-то слетал на выходные в Крегги-Мур, увешанный звездами высокогорный курорт с полем для гольфа на тысяче ста акрах. Вернулся утомленный, но не возгордившийся, а она тут как тут — в холле моего дома. Она рассчитывала придыханиями, ласковыми словами и парой новомодных уловок вдохнуть вечность в смертное — в любовь.

— Ах, Дотти! — воскликнул я, раскрыв ей объятия. — Я всегда рад тебя видеть!

Разумеется, она пустилась в объяснения:

— Фредди, на самом деле я не за этим пришла. Я пришла с тобой поговорить. Есть потрясающая возможность заработать большие деньги! Ты можешь побыть серьезным хотя бы полчаса? Ты такой умный, тебе надо куда-то направить свои способности. Б-же мой, ты бы мог и за городом жить. Я что хочу сказать, даже живя один, ты бы мог иметь приличную квартиру в приличном месте, а не в этой дыре.

Я чмокнул ее в нос.

— Хочешь серьезно, Дот? Тогда пошли прогуляемся. Ну, надевай пальто и давай рассказывай, как мне заработать денег.

И она рассказала. Мы отправились в парк, где целый час шуршали осенними листьями.

— Только не смейся, Фредди! — сказала она. — Есть газета на идише, называется «Моргенлихт»[3]. Она проводит конкурс «О евреях в новостях». Каждый день они публикуют фото и два словесных портрета. Надо назвать всех троих, добавить по одному факту на каждого и отправить ответы до полуночи того же дня. Конкурс месяца на три, не меньше.

— Сто евреев в новостях? — сказал я. — До чего же толерантная страна! Так что же, Дот, можно получить за столь полезную информацию?

— Первый приз — пять тысяч долларов и поездка в Израиль. А на обратном пути — по два дня в трех крупнейших столицах свободной Западной Европы.

— Очень мило, — сказал я. — А смысл-то в чем? Разоблачить всех, кто попадал в газеты?

— Фредди, ну почему ты вечно все извращаешь? Они просто гордятся своими соплеменниками и хотят, чтобы все евреи гордились их вкладом в развитие этой страны. А ты разве не гордишься?

— Увы, венец гордости пьяных...[4]

— Да мне все равно, что ты думаешь. Дело вот в чем: мы знаем человека, который знает человека, который работает в этой газете, — он туда пишет раз в неделю колонку; собственно, мы его не знаем, но наша фамилия ему известна. Так что, если мы действительно это сделаем, то у нас верный шанс. Фредди, ты такой умный! Мне самой не справиться, ты должен мне помочь. Я твердо решила, что сделаю это. А уж если Дотти Вассерман что решила, считай, дело сделано.

Я в ней прежде не замечал упорства. Сам я совсем не упорный. По будням она каждый вечер задумчиво облакачивалась о мой письменный стол; для тепла она надевала мой твидовый пиджак, из-за чего у него локоть залоснился. Медный провод, уходящий куда-то вдаль, на улицу, неустанно переносил информацию от телефона ее матери в Бруклине к ее уху.

Заглядывая ей через плечо, я видел то снимок в три четверти еврея, заслужившего внимания, то снимок — анфас еврея-полукровки. Чистота крови тут не учитывалась. Главное — чтобы было чем гордиться.

Чем дольше мы работали, тем большей гордостью Дотти исполнялась. Щеки ее пылали, она поднимала голову от иероглифической вязи и зачитывала свой перевод; «Седовласый весьма уважаемый господин, близко знаком со многими членами кабинета; друг двух президентов. Его часто можно встретить на скамье в парке».

— Бернارد Барух![5] — мгновенно выдал я.

Затем — потруднее:

«Он сделал многое, чтобы наладить торговые отношения в стране; созданная им структура приняла окончательный вид в прошлом году и оценивается в миллионы долларов. Однако он не жалеет времени на своих четырех дочерей — Дебору, Сьюзен, Джудит и Нэнси».

Тут пришлось покурить и попить горячего эггнога[6] — Дот меня им потчевала, чтобы я набирался сил и бодрости. Я пиялся на плиту, потолок, намозолившие глаза ставни, а потом спокойно сообщил: «Хаим Пацци, он архитектор мостов». Имен я никогда не забываю, каким бы шрифтом они ни были набраны.

— Фредди, ты только подумай! А я и знать не знала, что есть еврей, преуспевший в этой области.

На самом деле у меня иногда по часу уходило на то, чтобы определить, какое имя подходит к приукрашенному списку достижений. Когда приходилось тратить так много времени, я бурчал:

— Ну, другого-то мы определили. А этого переведи во второй эшелон.

На что Дороти говорила печально:

— Позволь считать это шуткой.

Ну и за что, по-вашему, я ей нравился? Вы все, не чуждые психоанализу, отвечайте вместе, хором: «Потому что она мазохистка, а ты садист».

Нет. Я к ней был очень добр. И на всю ее любовь отвечал. Никогда не отменял встреч, по пятницам звонил ей напомнить про субботу, а когда были деньги, покупал ей цветы, купил сережки и еще черный лифчик, рекламу которого видел в газете, — с по делу врезанными окошечками для вентиляции. Он до сих пор у меня — забрать его домой она так и не осмелилась.

Но ни одной женщине я себя сожрать не позволю.

Моя бедная старушка мать — она умерла, успев отхватить от меня огромный кус. Я тогда был в армии, но, насколько мне известно, последние ее слова были: «Познакомьте Фредди с Элеонор Фарбштейн». Представляете, какая сила духа была у этой женщины? Включила-таки меня в завещание. Сестру мою она оставила рекламщику и спецу по кулинарии, со стрижкой ежиком. Папу она оставила на сострадающих тетюшек, а меня, ее ценнейшее приобретение, лучший шмат мяса в холодильнике ее сердца, она оставила Элеонор Фарбштейн.

Кстати, Дотти сама сказала:

— Фредди, ни один из парней, с которыми я встречалась, не уделял мне столько внимания. Ты всегда рядом. Я знаю, что, если мне одиноко или тоскливо, достаточно тебе позвонить, и ты бросишь все дела и встретишься со мной в городе. Не думай, что я этого не ценю.

Но, по правде говоря, дел у меня было немного. Мой зять мог бы устроить так, чтобы я катался как сыр в масле, но он делал вид, что я специалист только по изысканным рекламным текстам, которые требуются редко и то только благодаря ему. Поэтому я мог отдавать свой ум, энергию и внимание евреям в новостях, то есть «Morgenlicht», «утренней газете, которая выходит ночью».

Так мы дошли до конца. Дот искренне верила, что мы выиграем. Даже меня почти убедила. Шесть недель мы пили горячий шоколад и «отвертку» и мечтали об этом.

Мы выиграли.

Как-то посреди недели в девять утра раздался телефонный звонок.

— Восстань, свети^[7], Фредерик П. Симс! Мы победили! Видишь, если ты по-настоящему стараешься, у тебя все получается.

Она ушла с работы в полдень, мы с ней встретились за обедом в уличном кафе в Виллидж, сияя улыбками и лопааясь от гордости. Мы отлично поели, и я выслушал дальнейшую информацию, о части из которой я подозревал.

Все делалось от ее имени. Естественно, что-то причиталось ее маме. Она помогала с переводом, потому что Дотти плохо знала идиш (не говоря уж о том, что надо обеспечить маме старость); ночью они на семейном совете решили, что необходимо послать немного денег их старенькой тете Лизе, которая выбралась из Европы за полтора часа до того, как границы закрыли навсегда, и теперь обитала в Торонто среди чужих людей, да к тому же практически выжила из ума.

Путешествие в Израиль и три европейские столицы было на двоих (2). Нужно было жениться. Если среди наших документов не будет подтверждающего законность наших отношений, она поплывет одна. Прежде чем я успел все подытожить, она воскликнула: «Ой! Меня мама ждет у “Лорда энд Тейлора”^[8]». И была такова.

Я в тоске закурил свою давно не чистенную трубку и стал обдумывать ситуацию.

А тем временем в другой части города колеса крутились, прессы гудели, и на следующий день все факты были изложены справа налево на первой странице «Моргенлихт», там, где указаны все сведения о редакции.

!àèèääíí í àì ðíííÁ èò òíÁ

ù ò ääò í äíä ò ääí ç àí èèèóÄ çè àèèóääíÁ

Ниже был помещен снимок — мы с Дотти обедаем, — и я вспомнил о вспышке, осветившей за день до этого рисовый пудинг, когда я сидел, стряхивая с себя осколки разбившихся скромных надежд.

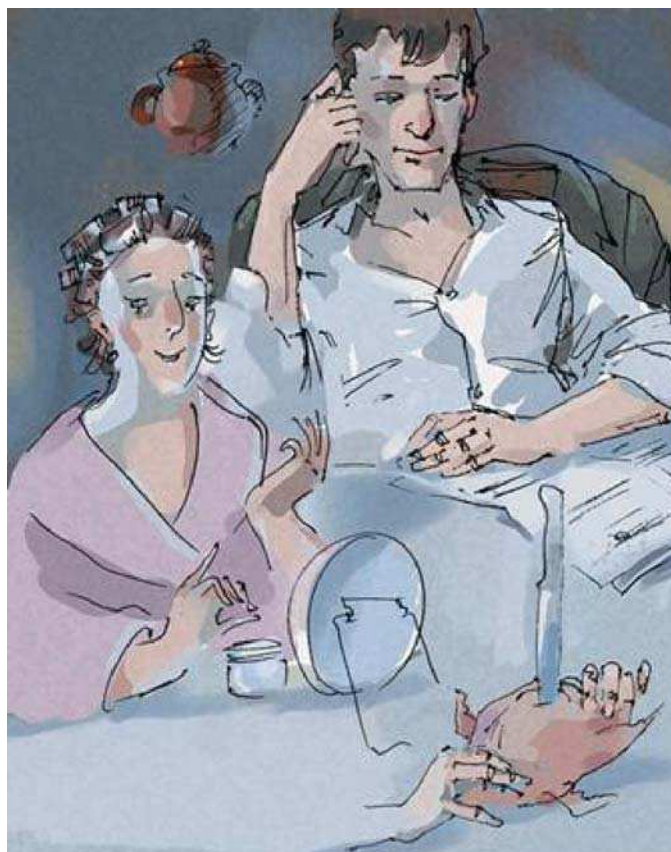
Я послал Дотти открытку. С текстом «Так не пойдет».

На последнем этапе возникли сложности, поскольку правительство Израиля не выражало желания допускать ввоз в страну долларовых банкнот, которые и должны были сделать путешествие исполненным небывалого великолепия. В этом прибежище космополитов доллару предлагалось отказаться от роли американской игрушки, дарующей наслаждения, и стать орудием в пресвитерианском понимании этого слова.

Через две недели пришли письма из заграницы, в которых содержалась эта информация, а также снимки Дотти, улыбающейся в кибуце, скорбно прислонившейся к Стене Плача, сочащейся елеем в апельсиновой роще.

Я решил на пару месяцев пойти на работу в агентство — сочинять вот такие подписи к фотографиям настоящих мужчин:

Yoi Áèèè Óèàðè. Áíò èòí ñ íæáò äííðääèòù ääí — òííí äáíäðáí èý «Èðäíí äý yðèèèò èà». Íí çíáàò Ñðäáí èè Çäíää Íí çíáàò, ÷òí ääí íæèíí. Çíáèòä ää íðííðí Áèèèíí è çäíéòä äí ó íðýí í ñíé÷äí

Я был опрятен и кареглаз, простодушен и проворен, обижался на придир-коллег, опирался на порядочность и шел вверх.

Тошие голенастые девчонки, добравшиеся до Нью-Йорка трактором, тоже шли вверх, через чистилище мужской жадности к Раю Шлюх, Дворцу Благосостояния.

Пока я трудился над своими мечтами, Дотти потратила немного денег на осмотр покосившейся башни в Пизе и поездку в гондоле. В Лондоне она решила пробыть хотя бы пару недель — потому что чувствовала себя там как дома. Так что денежный приз попал наконец в руки иностранцев, и те могли удачно вложить капитал в дело.

В один пасмурный день вой сирен, катившийся по Манхэттену, напомнил мне о телеграмме, которую я твердо решил проигнорировать. «Прибываю “Королеве Елизавете” 16 часов». Весь день я с успехом ее игнорировал и флиртовал с двумя обалденными блондинками. А потом отправился домой, где весь вечер маялся от одиночества. Пытался написать письмо спортивной девичке, с которой познакомился на лыжном курорте за несколько недель до этого... Хотел было позвонить приятелям, но — об этом говорить не принято, однако факт есть факт — общение с женщинами приводит к изоляции. Звонить оказалось некому.

Я вышел купить вечернюю газету. Прочитал ее. Послушал радио. Вышел за утренней газетой. Выпил пива. Прочитал газету и стал ждать, что принесет утро.

На работу я не пошел ни в тот день, ни на следующий. От Дот я не получил ни слова. Видно, чувство вины ее совсем придавило, бедняжку...

Наконец я написал ей письмо. В весьма сильных выражениях.

Дорогая моя Дотти!

Когда я думаю о наших отношениях, я вспоминаю и о летнем солнце, светившем на нас, и о снежных завалах, сквозь которые мы пробирались, однако никак не могу найти объяснения твоему бессовестному поведению. Я понимаю, что ты следовала кошмарным примерам твоей матери и всех матерей до нее. Одним словом, ты была проституткой. Моих любви и дружбы тебе, очевидно, было мало. Чего ты добивалась? Ты хотела, чтобы меня поглотило болото твоей любви, а поскольку я от этого отказался, ты в отчаянии разработала план мести.

Я напряг все силы, чтобы помочь тебе, выискивал в памяти наших соплеменников, попавших на почитаемые в нашей стране страницы газет.

Чего ты искала?

Супружества?

Так вот оно что! Хотела завести дом и счастливую семью? Чтобы наконец походить в бигудях, намазанной кремом? Не уверен, что Фреду нужно это.

Мне двадцать девять лет, и моложе я не становлюсь. Вокруг меня мальчишки-выпускники, перебирая кривыми ногами, ползут по Лестнице Успеха. Дотти Вассерман, Дотти Вассерман, ну что я могу тебе сказать? Думаешь, я был слишком резок? Но ты-то сама, ты посмела сказать мне все в лицо?

Мы с тобой замечательно проводили время. И могли бы проводить его и дальше. Это — замечательная возможность начать все уже по-человечески. В свой узкий мирок тебе меня не втиснуть. Решай сама, Дотти Вассерман.

С самыми искренними воспоминаниями о былом,

Ф.

P. S. Это твой последний шанс.

Через две недели я получил стодолларовую купюру.

Еще через неделю я нашел у себя на пороге тщательно упакованный кожаный альбом, изготовленный вручную в Италии, и проектор с коробкой слайдов, на которых были запечатлены достопримечательности Европы и Северной Африки.

А потом — и вовсе ничего.

Ἰδαία πᾶσι βεβηγῆται Ἄδου Ἰδουεῖται

- [1]. *Купер-Юнион — частный университет в Ист-Виллидж на Манхэттене.*
- [2]. *Школа имени Вашингтона Ирвинга — расположена в нижней части Манхэттена, на Ирвинг-плейс.*
- [3]. *Моргенлихт — утренний свет (идиш).*
- [4]. *Йешаяу, 28:1.*
- [5]. *Бернард Барух (1870–1965) — американский финансист и государственный деятель. Был советником по экономическим вопросам у президентов США Вудро Вильсона и Франклина Д. Рузвельта.*
- [6]. *Эггног — напиток из взбитых яиц с сахаром, ромом или вином.*
- [7]. *Йешаяу, 60:1.*
- [8]. *«Лорд энд Тейлор» — сеть американских универмагов, в которые в пятидесятых годах ходили в основном состоятельные женщины.*

ПРАВА ИСТОРИИ И ПРАВА ВООБРАЖЕНИЯ

ÑeíðeýĬçeé

Áiáðáíá í eð ímçíæ í ðeðíáó è í áñðáá çáðñóá, èíðíðíá ííéáéá íáçáá íáí òú -eíééé íáá ááðáýí è, íá -áðáç ñeíáá Ĭ ííñeáíeó è ñáí ùð eíeí adíúð eç ýeó çáðñóá íæýç áúeĬ íðí-eòáóú á ááçáðáó — íð-áóú í íðíeñíáeáóáí áúeé ííá çáðáóíí, íí íá ðáííáí ýóáí á íæíðíðíá eç ááñ-eíñðá í íæíí áúeĬ í æúeĬíí óæéáóú á èeííóðííeéç ñóíeíú íeáí áí è è áúí á, áúðúáááóeáñç eç eðúe ñeíáá 9 ííýáðý 1938 ááá[1], èíñðóú eç áðýúeó eíeá íá áðíáñeó íeíúááýó, ñeýþúeá eéóá þíóíá óáíðýáóeó á íáíú óáíðáí eý -áeíáá-áñeíá ðaçúí á Óáíáíí óñððíeáóeñíá áí áðeéáíñeíí èeííçáeá í íæíí áúeĬ óæéáóú áíá ýòí ñááðááí úí è áeáçáí è, eáé í íæíí — íeáí eá ñçáááð eéþçþ ñííðe-áñðííñòè — óæéáóú óá æá ñóáí ú è ñeááíý.

Í áúýóáý íáíáí ñeíááá á Ĭááð-Ðáí óðááóá áí áðáí ý Óðúíóæúí íe íí-e.

9-10 ííýáðý 1938 ááá. Èíééáeóeý Óðúáe

Áeçáí ááðá

Ĭ áí íðeáeúí úe í óçáé Óíeíeíñò á ÑÓÁ

Горящие синагоги и горящие книги — это олицетворение времени, когда почти во всей Европе началась травля беззащитных евреев. Есть и другие, столь же врезающиеся в память образы: фото мальчугана в кепке, сбившейся набок, — он в ужасе вскидывает вверх руки (когда глядишь на эти отчаянные глаза, на худенькие локоточки, аккуратную кепочку, неизбежно начинаешь верить в существование абсолютного зла); или — в конце войны адская машина английского бульдозера сгребает человеческие скелеты в ров. В фильме бульдозер вслепую подает вперед, гребет, разворачивается, снова гребет. Камера приглашает нас на эту голгофу снова и снова — столько раз, сколько у нас хватит духу смотреть. Приходится предположить, что некоторые из этих картинок так часто встречаются, что примелькались, превратились в клише и даже самые сострадающие сострадать уже не могут. Мне всякий раз вспоминается высказывание одного известного писателя: «От тех давнишних событий, — писал он, — все в тебе переворачивается, а потом жаждешь подвергнуть все это осмеянию».

Есть еще одна картинка, не столь известная, как горящие синагоги, мальчик или бульдозер; ее жестокость еще очевиднее — потому что сама ее жестокость неочевидна. И если сатира — пародия на норму, тогда, пожалуй, эта сценка — шарж, который заинтересует и самого пресытившегося наблюдателя. Городская улица, чистая, современная, с раскидистыми деревьями и пышными кустами, в ясный осенний день. С дороги убрали все машины — расчистили место для шествия. Идут одни мужчины, отцы семейств, кормильцы, все из

среднего класса — бургеры в длинных пальто и серых шляпах тридцатых годов; вид у всех достойный, только лица хмурые. Вдоль дороги за импровизированными загородками радостная толпа горожан — все выглядят столь же респектабельно, как сами шествующие, все хорошо одеты, мужчины, женщины, дети, но в основном женщины и дети — время, отметим, рабочее, когда отцы семейств и кормильцы обычно сидят по конторам. Погода чудесная, люди симпатичные, женщины смеются, шествующие печальны; то тут, то там какой-нибудь ребенок осмеливается выбежать за загородку. Шествующие — евреи, их уводят согласно плану, который приведет к их уничтожению; сопровождают их вооруженные солдаты. Наверное, наблюдающие еще не знают, куда отправляют эту колонну, но что за развлечение, что за радость видеть этих достойных граждан, превращенных под дулом винтовок чуть ли не в клоунов на арене цирка.

От этих картинок бросает в дрожь, но мы должны быть благодарны немецкому объективу, их запечатлевшему. Немецкий объектив запечатлел правдиво; изображения четкие и достоверные: камера и действие связаны накрепко. Фотография хотя и может быть сродни подделке (взять хотя бы вопиющую тенденциозность многих современных «документальных фильмов»), в те времена камера не лгала. Она предоставляла — и сохраняла — отчет предельно ясный и неизменно честный. А позднее, когда начали поступать первые сообщения об актах насилия, мы понимали, что они столь же четкие и достоверные, как фотоснимки. Безупречно честный голос Эли Визеля[2], безупречно честный голос Примо Леви; запинаящиеся голоса свидетелей, у которых нет ни славы, ни голоса, но речь их звучит, преодолевая заикание и боль от прошлых страданий. Голоса христианской совести и раскаяния. Все эти слова были следствием происшедшего — в отличие от снимков. Снимки отражали момент; они хоть и могли помочь памяти, но не были собственно памятью. Снимки нельзя было оспаривать. Нельзя было изменить то, что они сурово и окончательно зафиксировали. А слова лились потоками, множились, становились все разнообразнее и отдаленнее, поэтому некоторые из них вырывались за ворота памяти на куда более свободные поля притчи, мифа, аналогии, символа, рассказа. И если память неуклонно отдавала дань истории, рассказ обращался к другим музам. Там, где память была сурова, вымысел мог быть кротким и порой неточным. Память билась за строгость исторической точности, а литература обращалась к истории, чтобы использовать ее в качестве стимула и раздражителя.

В этом-то и загвоздка: у воображения и истории разные цели. Современные ученые относятся к историографии с огромным сомнением; историю они считают глиной, которую лепит историк; всеведение вызывает подозрение, равно как объективность и старомодные претензии на историческую достоверность; причины Пелопоннесской войны порой таковы, каковыми считаю их я, а порой — каковыми считаешь их ты. Но даже под сломанным зонтиком современного релятивизма история пока что не оборотилась басней. Ученые могут спорить о том, что происходило, но они согласны относительно того, что действительно произошло. Твой Наполеон, возможно, не мой Наполеон, но факт существования Наполеона не подлежит сомнению. До определенной степени история — должник реальности.

Воображение — литература — свободнее этого; оно вообще свободно. Литературе разрешено делать все, что ей заблагорассудится. Литература — это свобода во всей ее полноте. Она может, если пожелает, — на манер «Янки при дворе короля Артура» или Мела Брукса, оказавшегося в эпохе Французской революции[3], — поставить Наполеона во главе войска Спарты. Она может менять историю, она может выдумывать историю, которой никогда не было, — если остается хоть намек на правдоподобие. Литературный герой представляет только самого себя. Можно быть знакомым с кем-то, «похожим» на Эмму Бовари или Анну Каренину, но если вам нужна подлинная и единственная Бовари, нужно обратиться к Флоберу, а если нужна подлинная и единственная Анна Каренина, нужно обратиться к Толстому. Бовари — не воплощение всех французских женщин, она выдумана Флобером. Каренина — не воплощение всех русских женщин, она выдумана Толстым. Воображение ничего не должно тому, что мы называем действительностью; оно ничего не должно истории. Выражение «исторический роман» — во многом оксюморон. История основывается на документах и архивах. История — это то, что мы извлекаем из памяти. Литература избегает библиотек и обожает ложь.

Права литературы — это не права истории.

Тогда какие у меня основания презирать рассказ, который ниспровергает документы и архивы? Какие основания возмущаться тем, что роман фальсифицирует память? Если литература упраздняет факт, это — прерогатива воображения. И если память со всей страстью следует истории, почему это должно умалять права литературы? Почему придуманные люди из романов должны соответствовать истории или подтверждать ее? Литературные персонажи — не иллюстрации, не изображение существующего. Они созданы свободным воображением; они не имеют ничего общего ни с живыми, ни с мертвыми; у них свой путь.

На этом тема закрывается — или должна была бы закрыться. Предмета спора нет. Но есть, правда, определенные трудности. Литература подразумевает перевоплощение: каждый писатель входит в личность своего персонажа; сочинитель притворяется, играет роль, примеривает на себя чужой образ. Писатели по сути своей — профессиональные самозванцы; они становятся теми, кого придумывают. Когда самозванство ограничивается рамками произведения, мы называем это искусством. Но когда перевоплощение выходит за рамки произведения и захватывает жизнь, мы называем это надувательством или даже мошенничеством. Три недавних примера привлекли внимание публики: все спровоцировали споры и дискуссии.

*Γαῖταεἰά εἰ ἐεῖ Ἀεἰ ὑῖ ἑί ἃ Ἀεεῖ ἰ εὐῖε «Ὀδῶν αἰ οὐ.
1939-1948 ἄ ἄῖ»*

В 1995 году Алан Дершовиц, известный и участием в защите О. Джея Симпсона[4], и книгами о проблемах самосознания евреев, опубликовал рецензию на «Руку, что подписывала документы», австралийский роман на украинскую тему. Дершовиц, возмущенный как сюжетом, так и содержанием, обвинил двадцатичетырехлетнюю писательницу Хелен Демиденко в «донельзя примитивном проявлении классического украинского антисемитизма: все евреи — коммунисты, мошенники, грязные животные и недочеловеки». В романе, по пересказу Дершовица, красные комиссары (все евреи) приезжают в тридцатых годах на Украину и сжигают дом со всеми его обитателями; разумеется, выживший ребенок становится так называемым Иваном Грозным Треблинки[5]. Еврейка из Ленинграда, продолжает пересказ Дершовиц, «отказывается лечить больного украинского ребенка и заявляет: “Я врач, а не ветеринар”». Демиденко, считает он, ставит «коварную цель»: «объяснить участие украинцев в Холокосте так, чтобы убийцы остались безнаказанными», а ее «гнев направлен прежде всего на выживших евреев, которые хотели передать своих украинских мучителей в руки правосудия».

Вскоре после появления рецензии Дершовица Австралийская федерация украинских организаций пригрозила ему судебным преследованием за нарушение австралийского закона о клевете на расовой основе. Дершовиц ответил, что будет рад судебному разбирательству, которое «станет идеальным способом напомнить миру о соучастии украинцев в Холокосте, устроенном нацистами». Пустившись в юридические и политические дебаты, все забыли, что спор идет вокруг литературного произведения. Тем временем роман занял четвертую строчку в списке австралийских бестселлеров и получил самую престижную в стране премию Майлса Франклина. Жюри восхваляло Демиденко за то, что она осветила «ту часть опыта австралийских иммигрантов, о которой прежде никто не осмеливался говорить». Сама Демиденко утверждала, что в основу романа легли испытания, выпавшие на долю ее семьи.

Все стороны оказались жертвами обмана: и возмущенный рецензент, и оскорбленные украинцы, и издатель, и жюри премии. Настоящее имя Хелен Демиденко было Хелен Дарвиль: дочка иммигрантов из Англии выдала себя за украинку, чтобы ее история выглядела более достоверной. Издательство «Аллен энд Анвин», опубликовавшее роман Дарвиль, признало, что автор «допустил ряд глупых ошибок», но заявило, что «перед нами, тем не менее, мощная книга, книга, осмелившаяся затронуть темы, приводящие в трепет». Возражения Дершовица были направлены не по адресу. Однако, когда выяснилось, что Демиденко на самом деле Дарвиль, судом Дершовицу угрожать перестали.

Более запутанный случай литературного перевоплощения имел место в Эквадоре: Саломон Исаковичи, родившийся в Румынии узник концлагеря, решил рассказать о том, что он пережил при нацизме. Он взял себе в помощники и в переводчики на испанский Хуана Мануэля Родригеса, иезуита и бывшего священника; неясно, был ли Родригес секретарем, писал ли он за Исаковичи или выступал как соавтор. В 1990 году рукопись под названием «Человек из пепла» была опубликована в Мексике под обеими фамилиями и объявлена «жестоким и правдивым свидетельством узника нацистского концлагеря». Еврейская община Мексики сочла это подлинным рассказом свидетеля и присудила книге премию. Исаковичи умер в начале 1998 года, но за три года до этого в письме назвал себя «законным автором», а «Человека из пепла» — своей автобиографией и заявил, что Родригес был нанят исключительно для помощи «по литературной части и организации материала». В статье в «Форвард»^[6] Илан Ставанс, писатель и университетский профессор, получивший образование в Мексике, цитирует Родригеса, который утверждает, что он «написал всю книгу и придумал название за полгода, основываясь на рукописи [Исаковичи] и беседах с ним».

Родригес продолжает настаивать, что «Человек из пепла» — не мемуары Исаковичи, а, скорее, плод его собственного художественного воображения. «Я вложил в уста Саломона многие из своих философских идей, — рассказал он Ставансу. — Здесь мне помогло мое знание философии, благодаря чему книга превратилась из простого рассказа о случившемся в роман идей». Осенью 1999 года издательство Университета Небраски опубликовало книгу по-английски — как мемуары Исаковичи, и Родригес указан в качестве соавтора, однако Родригес намерен подать иск. «Саломон — главный герой моего романа, а я — его автор, — утверждает он. — Я сочинил некоторые события и детали, а он потом поверил в то, что все это пережил. Для него эта книга — автобиография, для меня — увлекательный роман». Не останавливаясь на том, как можно назвать описания страданий в концлагере «увлекательными», зададимся другим вопросом: как нам относиться к тому, что выглядит проявлением узурпации? Если Родригес объявляет рассказ о пережитом вымыслом, значит ли это, что здесь Холокост отрицается? Или же подтверждается — в терминах искусства?

Схожий вопрос на столь же окутанную мраком тему можно задать и относительно поразительной истории книги «Фрагменты. Детство 1939–1948», опубликованной как воспоминания Бенджамина Вилкомирски, объявившего себя латвийским евреем. Книга, изданная в 1995 году немецким издательством «Зуркамп Ферлаг», а через год нью-йоркским «Шокен букс», выдается за воспоминания мальчика, родившегося в Риге и в три года попавшего в Майданек, концлагерь на территории Польши, — его память удалось восстановить благодаря сеансам психотерапии. «Фрагменты» провозгласили литературным шедевром, во Франции книга получила премию Фонда памяти Шоа, в Англии — литературную премию журнала «Джуиш квотерли», в США — Национальную еврейскую книжную премию. Она была одобрена Мемориальным музеем Холокоста в Вашингтоне, переведена на десяток, если не больше, языков, получила хвалебные отзывы известных писателей. Ее успех стал подтверждением теории о том, что можно восстановить вытесненные из сознания воспоминания даже о событиях, случившихся в раннем детстве; это была рассказанная невинным голосом ребенка история о тирании фашистов, сравнимая со ставшими классическими свидетельствами Эли Визеля и Анны Франк.

Все стало рассыпаться, когда Даниэль Ганцфрид, шведский писатель и сын человека, пережившего Холокост, решил найти подтверждения рассказу Вилкомирски. Однако обнаружил несоответствия в датах и фактах, а также документы — по ним Вилкомирски родился в Швейцарии в 1941 году от незамужней шведки-протестантки Ивонны Гросхен. Он откопал и бумаги, подтверждающие, что Вилкомирски был усыновлен под именем Бруно Доссекер довольно обеспеченной парой из Цюриха. Тогда же историки Холокоста стали говорить о том, что всех без исключения детей моложе семи лет отправляли в газовые камеры — почему-то этих возражений тогда, когда книгу восхваляли и давали ей премии, никто в ход не пускал. Разоблачения Ганцфрида серьезно обеспокоили нескольких издателей Вилкомирски. В конце 1999 года «Зуркамп Ферлаг» изъяло из продажи издание «Фрагментов» в твердой обложке, и через несколько недель то же решение приняло «Шокен». Американская переводчица книги Кэрол Джейнуэй заявила, что «хоть “Фрагменты” и оказали на читателей огромное воздействие, поступать правдой не следует», и рассуждала о том, как «люди были сбиты с толку рассуждениями о психологических явлениях, с этим связанными». В защиту Вилкомирски была высказана мысль (здесь есть сходство с претензиями Родригеса к Исаковичи), что не было никакого надувательства, что Вилкомирски никого не обманывал, поскольку верит в записанный рассказ и считает, что все это произошло с ним. Может быть. В таком случае, вероятно, кому-то захочется объявить его невменяемым. Но все равно его убеждение — если это убеждение — причинило вред: один человек из Израиля, переживший Холокост, решил, что обрел сына, которого считал погибшим.

Дело не только в этом. Утверждая, что премию Американской ассоциации психического здоровья Вилкомирски получил по праву, один психолог, член этой организации, заявил: «Мы отметили мистера Вилкомирски не как историки или политики, а как профессионалы, занимающиеся проблемой психического здоровья. То, что он написал, важно с медицинской точки зрения». Из этого можно сделать вывод, что людям, занимающимся «проблемой психического здоровья», безразлична историческая достоверность и они

отказываются признавать, что на самом деле совершили политический поступок. Если Вилкомирски действительно все выдумал, то те, кто его восхваляет, встают — с политической точки зрения — на позицию тех, кто утверждает, что Холокост — это выдумка. В любом случае, как способствует решению проблем, касающихся психического здоровья, поддержка человека, который, возможно, публично солгал, возможно, является либо авантюристом, либо сумасшедшим?

Конфликт между вольным полетом воображения и честным стремлением вырваться за рамки исторических фактов — дело путаное и зачастую мутное. Если бы речь шла, скажем, о войнах, описанных Гомером, путаница могла бы быть безвредной, даже вносила бы некоторую игривость — как в плутовском романе. Но речь идет о Холокосте, и здесь, возможно, имеют место мошенничество, надувательство или обман. То, что позволительно шаловливо изобретательному автору «Робинзона Крузо» — литературе, прикидывающейся хрониками, — непозволительно тем, кто касается темы, связанной с уничтожением шести миллионов человек и искоренения их культуры, складывавшейся в Европе столетиями.

Однако вопрос о том, давать или не давать волю воображению, этим не ограничивается. За пределами вывертов перевоплощения или нервической фальши самозванства находится священная область, принадлежащая искусству, или, скажем скромнее, область, на которую распространяются довольно расплывчатые права литературы. Я хочу привести в пример два романа: «Выбор Софи» Уильяма Стайрона и «Чтец» Бернарда Шлинга, первый вышел в 1979 году, второй — в 1998-м, одна книга, получившая широкое признание, написана крупным американским прозаиком, другая — знаменитым немецким писателем. Сюжет обоих романов тесно связан с темой концлагерей.

«Выбор Софи» появился через двенадцать лет после получившего Пулитцеровскую премию романа Стайрона «Признания Ната Тернера» и также стал бестселлером. Он начинается как вполне традиционный Bildungsroman[7] и рассказывает о довольно увлекательных приключениях Стинго, начинающего писателя-южанина, который, стремясь в Нью-Йорк, оказывается в Бруклине, в «царстве евреев». В пансионе миссис Йетты Циммерман Стинго знакомится с Натаном Ландау и его любовницей, красавицей полькой по имени Софи. Натан — сумасшедший еврей, параноик и шизофреник, в моменты просветления — неуверенный в себе человек, в остальное время человек жестокий, с суицидальными наклонностями. Софи мучает страшное прошлое, в которое она постепенно посвящает Стинго, и обе части романа — Бруклин и Аушвиц — начинают складываться в одно целое. Благодаря истории страданий, которые претерпела Софи в Аушвице, «Выбор Софи» и завоевал стойкую репутацию «романа о Холокосте».

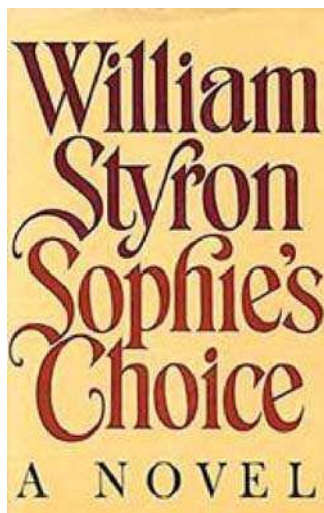
Ἰστορία ἐπέειπ ὁ «Αὐτὸς Νιόε».

1982 ἡ ἄ

Keith Barish Productions, ITC, Jadran Film

Это в определенной степени правомерно, по крайней мере в том, что касается тщательно выверенных исторических частей, касающихся «окончательного решения»[8] в Польше. Примо Леви в «Канувших и спасенных» заявляет, что от девяноста до девяноста пяти процентов жертв Аушвица были евреями, и куски романа Стайрона, опирающиеся на факты, этому не противоречат. Информации о поляках-

христианах в Аушвице у него значительно меньше, собственно, ее почти нет. Он показывает нам саму Софи, но не дает фактических данных, как делает, когда речь идет о депортации евреев, — например, указывает точные даты прибытия в Аушвиц, рассказывая о том, как в газовые камеры отправили греческих евреев, или называет количество евреев, проживавших в Варшаве до 1939 года, или отмечает, что «переселение» из Варшавского гетто происходило в июле и августе 1942 года. Всякий раз, когда появляются признаки исследовательской работы Стайрона — а они точны и часты, — речь в них идет о евреях.

Ἰαείτᾶεἰὰ ἰαδῶτᾶ ἔσῆαί εὔ ὄτῖ αἰὰ ὀεῦῆῖ ἰ Ἰὸαῆὀτῖ ἰ «Ἀῦαῖδ Ἰτῖὀε».

1979 ᾶᾶ

Random House

Рассказывая о польских христианах, он сообщает нам о нацистской программе «Lebensborn»^[9], по которой «арийского» вида польских детей предполагалось воспитывать в Германии как немцев, рассказывает об организациях польского Сопротивления, многие из которых были сугубо антисемитского толка — хотя двое участников Сопротивления в романе искренне сострадают евреям, описывает товарный вагон, забитый трупами польских детей, отвергнутых «Lebensborn», говорит, как было отменено решение делать татуировки заключенным полякам-христианам. Отец и муж Софи изображены людьми, не на шутку ненавидящими евреев. О 75 тысячах поляках-христианах, погубленных в Аушвице, в романе нет ни данных, ни подробностей, точнее, их представляет одна Софи. Но 75 тысяч поляков-христиан были убиты в Аушвице — что было, то было. Если расследования Стайрона в Аушвице приводят к бесчисленным евреям, так это потому, что число погибших евреев значительно превосходило число погибших поляков-христиан, однако — в этом нет сомнений — на фабрике бесчеловечности, которой был Аушвиц, страдания были одинаково непереносимы для всех. Здесь не может быть иерархии, и страдание не измерить ни цифрами, ни процентами, ни сопоставлением по большинству.

Но насколько значимо, и значимо ли вообще, что автор «Выбора Софи» выбирает в качестве героини, узницы Аушвица, польскую католичку? Здесь решение писателя никоим образом не противоречит исторической действительности. Это правда, но вся ли это правда, достаточно ли она показательна? И снова вопрос: по правилам литературы разве герой должен соответствовать статистической норме? По законам литературы, если Бовари не самая типичная французская женщина, а Каренина не самая типичная русская, то почему Софи Уильяма Стайрона должна быть представительницей преобладающей части обитательниц Аушвица? Есть ли ответственность воображения — а оно автономно — перед демографическими данными? Или спросим иначе: есть ли ответственность у индивидуального страдания перед нормой? И осмелится ли личность, воплощающая норму, дискредитировать, умалить или опорочить страдания одной женщины?

Теперь обратимся к «Чтецу» Бернарда Шлинка, роману, написанному судьей, профессором юриспруденции Берлинского университета. Рассказчик — студент-юрист, он выведен как сознательный представитель «второго поколения» — детей тех, кто был ответственен за нацистский режим. История начинается после войны, когда умный мальчик-подросток, будущий студент-юрист, неожиданно заводит дружбу с кондукторшей трамвая, женщиной намного его старше. Они совсем разные люди, но быстро становятся любовниками, и их роман развивается необычно, с большой долей романтики: с нежными и

живописными сценами, например, когда в голландском интерьере мальчик читает женщине вслух. Только много лет спустя выясняется — на суде над военными преступниками, — что женщина неграмотна. Выясняется и кое-что еще: она была эсэсовкой, охранницей в лагере, где уничтожали евреев. Ничего не подозревающий юноша в объятиях скрывавшей свое прошлое нацистки: на этот ретроспективный образ неизбежно падает тень того, что некоторые называют нацистским порно.

Размышляя о трудном положении, в котором оказались молодые немцы, когда их страна потерпела поражение, рассказчик спрашивает: «Что нужно было делать нашему второму поколению, что ему было делать, зная обо всех ужасах истребления евреев?.. Надо ли нам было просто молчать, мучаясь отвращением, стыдом, виной?» «Наши родители, — объясняет он, — исполняли в Третьем рейхе разные роли. Некоторые из наших отцов были на войне, двое или трое как офицеры вермахта, один — как офицер СС. Некоторые занимали посты в судебных органах или в местных органах власти. Среди наших родителей были также учителя и врачи <...> высокопоставленный чиновник из Министерства внутренних дел».

Одним словом, это было образованное поколение. К тем, кого перечислил рассказчик, можно добавить прозаика и драматурга Геббельса, высокопрофессионального архитектора Шпеера, и, возможно, Геринга, коллекционера — или мародера, — умевшего распознать шедевр. Ничего удивительного тут нет. Перед второй мировой войной жители Германии считались самыми образованными в Европе, в стране был самый высокий уровень грамотности. Однако сюжет книги Шлинка строится не на столь типичной для Германии грамотности, а на аномальном случае неграмотности, который и сам писатель считает странным.

И эта странность становится исходной посылкой, мотором романа Шлинка: женщина не умела читать, поэтому не смогла узнать из газеты, что на фабрике требуются работницы, и вместо этого попала на службу в страшный лагерь. После войны, когда она предстает перед судом, рассказчик признает, что она виновна в чудовищном преступлении, но он также верит, что ее неграмотность в какой-то степени смягчает ее вину. Умей она читать, она бы стала работницей на фабрике, а не пособницей убийств. Ее преступления — случайность по причине неграмотности. Неграмотность — ее оправдание.

*Áàdí ààí Òèèí é á àúñò ààí ÷ í ñ ÷ àéá á Ñáí -Í ñèù-áá-Ááí ñá
Èàçòòí ùé Ááàíá Òðáí òèý.
2005 áá*

Творческое воображение снова требует ответа на вопрос: обязан ли писатель изображать типическое? Если в Германии была практически поголовная грамотность, можно ли винить роман, созданный по законам литературы, в том, что он обращается к нетипичному? Писатель — не социолог, не журналист, не демограф, не имитатор действительности; и неважно, что до нелепости нетипичное оказывается в произведении, написанном представителем второго поколения, мучающегося стыдом и угрызениями совести, причиной оправдания. Персонажи появляются по собственной воле, в любом виде, один за другим; и права воображения совсем не таковы, как права истории. Художественное произведение по определению не может предать историю. И не следует ожидать, что роман будет фиксировать все с точностью кинокамеры.

Если и есть ответ на этот аргумент (а это сильный аргумент), то искать его нужно в намерении автора. Намерение почти всегда очень личное, даже тайное дело, мы можем его так и не узнать. К тому же

мотивация бывает не всегда ясна даже самому писателю. Впрочем, если роман подается нам как произведение, сознательно ориентированное на историю, может показаться, что между историей и воображением намеренно наведены мосты и цель состоит именно в наведении мостов, а роман построен так, чтобы поместить человеческий материал в исторические рамки, тогда аргумент об автономности литературы отпадает и права истории могут проявиться в полной мере. Задача истории — исследовать мотивы, и тут возникает подозрение, что Софи в романе Стайрона была задумана не как вольный художественный образ, но как намеренно символическая фигура — скажем, вроде Анны Франк; что образ неграмотной женщины в романе Шлинга осознанно или нет выражает желание отвлечь от виновности образованных представителей нации, знаменитой своей Kultur[10].

Все, что простодушно фиксирует камера, — пылающие молитвенные дома евреев, пылающие на кострах еврейские книги, униженные еврейские отцы семейств, запуганные еврейские дети, заваленные телами евреев рвы — касается судьбы евреев в Европе XX века. Это застывшие картинки. В менее стабильном мире слов жуткие слоги слова «Аушвиц» безоговорочно отражают намерение — и способы — стереть с лица земли всех евреев до единого — от новорожденных до угасающих стариков в приютах. Порой забывают, что Нюрнбергские законы и «окончательное решение» — основополагающие элементы, с которых начался Холокост, — были направлены против евреев, и исключительно против евреев. В январе 1939 года Гитлер в своей речи предвкусил «уничтожение [Vernichtung] еврейской расы в Европе»; сказано яснее ясного, и благодаря этой ясности была уничтожена треть еврейского населения Земли.

Но Холокост — это не только уничтожение человеческих жизней. Рвение, которое проявлял немецкий народ при нацизме, потребовало множества жертв, и, следует с горечью признать, поляки пострадали в числе первых. Не будем заблуждаться, не будем умалять страдания любого народа. При нацистах погибло одиннадцать миллионов человек, однако не все из этих одиннадцати миллионов были жертвами «окончательного решения». Нельзя уравнивать смертоносную ярость антисемитизма и раны, хотя бы и смертельные, полученные вследствие оккупации и войны. Вторжение в Польшу и ее оккупация были чудовищной жестокостью, но Холокост — это вам не вторжение и оккупация одного народа другим. Есть разница между наглым захватом страны (Польши, Чехословакии, Голландии и так далее) и последовательным истреблением целой цивилизации. После немецкой оккупации польские земли, язык, церковь не прекратили своего существования. Холокост определяют не только убийства, но и их неизбежные следствия: полностью были стерты с лица земли еврейские учебные заведения, библиотеки, общественные и религиозные организации — весь огромный древний организм, духовный и интеллектуальный, еврейской цивилизации в Европе.

Аушвиц — кладбище этой цивилизации (кладбище, на котором нет подобающих людям могил), и в этом глубинный смысл идеологии лагерей смерти. Аушвиц представляет собой конец не просто еврейского общества и культуры, но и европейской еврейской души. Так как же можно было избрать олицетворением Аушвица что-либо, кроме как занесенные в скрижали, исторически неоспоримые принцип и воплощение «окончательного решения»? Оккупация Польши немцами привела к порабощению, издевательствам, убийствам; это было страшное зло; это заслуживает собственной страницы в истории, отдельного поминовения. Но это было не «окончательное решение». Попытка связать эти два явления — уничтожение всех следов еврейской цивилизации и то, что претерпела Польша при немецкой оккупации, — может только ослабить, затенить и окончательно исказить истинную природу Холокоста.

В таком случае Софи — не столько индивидуум, сколько контриндивидуум. Она не столько персонаж романа, сколько подспудный полемический ход, отвлекающий нас от итогов. Вера и культура польских католиков не были верой и культурой, на которые были нацелены однозначные догмы немецкого плана Vernichtung. Софи Стайрона уводит в сторону от полного уничтожения еврейского культурного присутствия в той Польше, в которой сохранены религиозная и общественная жизнь.

И если писатель изображает в своем романе поколение, которое соучаствовало в геноциде евреев, поскольку среди его представителей было множество судей, врачей, адвокатов, учителей, государственных чиновников, военных и так далее, что мы должны думать, когда он сочиняет сказку о немецкой жестокости, обосновывая ее вызывающей жалость неграмотностью? Кто не проникнется жалостью к неграмотной, даже если она — из преступных эсэсовцев? А просили ли нас когда-либо прежде, в литературе, да и в жизни, проникнуться жалостью к участнику нацистских зверств? Здесь снова перед нами подспудно риторическое произведение, которое отвлекает нас от итогов. Жечь книги приказывали не неграмотные немцы.

Во имя самоценных прав литературы, во имя возвышенных прав воображения аномалия стирает память, аномалия замещает историю. В начале было не слово, а камера — и в то время, в том месте камера не

обманывала. Она видела то, что следовало видеть. Слово пришло позже, и в некоторых случаях оно пришло не просвещать, а извращать.

Ī admiā nāi āēēēīā Āadu Ī dīēīāē

[1]. 9 ноября 1938 года прошли погромы по всей Германии (Хрустальная ночь).

[2]. Эли Визель (р. 1928) — писатель и журналист. Был узником Аушвица, в настоящее время живет в США.

[3]. В фильме американского режиссера и актера Мела Брукса (р. 1926) «Всемирная история. Часть первая» (1981) действие переносится из каменного века в Древний Рим, а затем во Францию конца XVIII века.

[4]. Орентал Джей Симпсон (р. 1947) — американский футболист. Был обвинен в убийстве бывшей жены и ее друга и оправдан невзирая на улики.

[5]. Так прозвали одного из известных своей жестокостью охранников концлагеря Трешлинка.

[6]. «Форвард» — газета американских евреев, издается в Нью-Йорке.

[7]. Роман воспитания (нем.).

[8]. Под «окончательным решением еврейского вопроса» нацисты подразумевали планомерное уничтожение еврейского народа.

[9]. «Lebensborn» (нем. «источник жизни») — организация, основанная в 1935 году Генрихом Гиммлером, занималась устройством детей арийского происхождения в специальные приюты.

[10]. Культура (нем.).

БРОДЯГА МАРК

Ердаеёи І ариі

Шла война, и я все время о ней думал. Да и как было не думать, если все вокруг жили войной, только о ней и говорили. Враг был страшен и воевал не по правилам, стараясь убить как можно больше гражданских людей, которые с ним не воевали. Это совершенно невозможно было понять. А о том, как именно немцы убивают людей, я уже кое-что знал...

Марка не убивали, но смерть долго шла за ним по пятам. Он так и сказал, что немцы шли за ним по пятам. У нас в доме он появился потому, что наша соседка тетя Хая, увидев его на базаре и угадав в нем а идише нешуме («еврейскую душу»), не могла не подойти к нему и не спросить, кто он и откуда. А когда узнала, что война сделала его бездомным, тут же заявила: многого ему не обещает, но накормить хорошим обедом просто обязана.

Марк рассказал тете Хае, что последний эшелон, в котором он вместе с семьей бежал из своего города, попал под бомбежку и он очнулся ночью в лесу, не помня, как там оказался. В памяти осталась только яркая вспышка перед глазами. С тех пор он бродил и поддерживал свою жизнь исключительно потому, что на земле, как он сам говорил, осталось еще много хороших людей: «Вот и вы тоже хорошие...»

Марка посадили за стол на общей кухне. Рассказывая, он отламывал кусочки хлеба от тех кусков, которые принесла тетя Хая, и жадно проглатывал их с горячим борщом, тарелку которого поставила перед ним моя мама. Марк ел быстро, но это не мешало ему говорить, как не мешало и то, что тетя Хая постоянно перебивала его. После одного из ее вопросов Марк даже положил ложку:

— Когда же мы наконец услышим, — спросила она, — с кем именно из твоей семьи ты ехал в эшелоне?

— С мамой и двумя сестрами, — ответил Марк. — Я, кажется, об этом уже говорил.

— Если бы говорил, так я бы тебя не спрашивала... Б-же мой, ты сказал, что немцы все время шли за вами. Так кто же были те люди, с которыми ты шел?

— Поначалу я думал, что это были все, кто остался в живых от эшелона... Я шел, плакал и думал, что больше никогда не увижу маму и моих дорогих сестричек.

Тетя Хая всхлипнула и сказала: «Апахэд» («Ужас»). Потом она встрепенулась и прокричала:

— Слушай, почему ты так сказал? Что это значит — «поначалу я думал»? А теперь ты так не думаешь?

Марк медленно закрыл и открыл глаза.

— Если бы вы не задавали столько вопросов, я бы вам давно все сам рассказал.

Мама с укоризной посмотрела на тетю Хаю, и та осторожно погладила Марка по голове.

— Зачем же ты бросил кушать? — ласково сказала она. — Разве я хотела тебя обидеть? Разве я задаю вопросы просто так? Я их задаю, потому что переживаю. У меня душа за тебя болит. Проклятый Гитлер, дыру ему в голову за все, что он с нами сделал. Ну так возьми же наконец ложку!

После того как Марк снова принялся за еду, мне показалось, что глаза его стали намного светлее, чем были прежде. Он молча стал доедать борщ, все выше и выше поднимая противоположный край тарелки. Все, что последовало за борщом, а это был компот, он тоже съел в полном молчании. Отодвинув от себя стакан, Марк насухо вытер длинными пальцами рот и сказал:

— У меня нет слов, как я вам благодарен. Загрузился по полной...

Все засмеялись, Марк тоже смеялся, а мама заметила:

— Извини, Марк, но твои последние слова не очень красивые. Надо было просто сказать, что ты хорошо поел.

— Ха! — воскликнул Марк. — Вы говорите про хорошие манеры, но только где мне их теперь взять? — Он внимательно посмотрел на тетю Хая.

— Тетя Хая, вы спросили, почему я так думал, что кроме тех, кто шел со мной по лесу, от эшелона больше никого не осталось в живых. А что мне было еще думать, если я видел, как догорали вагоны? — После этих слов совершенно неожиданно глаза Марка вдруг так вспыхнули, что мне даже показалось, будто бы на нашей всегда полутемной кухне зажегся яркий свет. — Но я ошибся! Оказалось, что мама и сестры живы! Здесь, в Москве, на улице я встретил одну тетю, которая мне сказала, что они в Ташкенте. Эта тетя была там с ними, а раньше я видел ее в нашем вагоне. Она сказала, что местные жители всех, кто остался в живых, от эшелона на подводах вывезли к дороге, откуда их забрали машины...

Тетя Хая, мама и я от такой неожиданной новости оказались в полном оцепенении. Марк поднялся над столом, вытянувшись во весь свой рост, а он был на целую голову выше меня, и, пытаясь рассказать нам все до конца, буквально захлебывался словами. Первой опомнилась тетя Хая. Она бросилась к Марку, обхватила его голову и прижала к себе.

— Б-же мой! — закричала она. — Какое счастье! Марк! Тогда почему же ты здесь?! Почему не едешь в Ташкент?

Глаза Марка погасли, он вдруг так сторбился, что стал немного похож на старичка, и тихо опустил на стул. А тетя Хая была уже совсем не в силах себя сдерживать и задала ему еще один вопрос:

— У тебя не в порядке документы, да?

— Какие документы? О чем вы говорите. Свидетельство о рождении у меня есть, а паспорт получать еще рано, наверно, я получу его уже в Ташкенте. Мне бы только до него доехать...

На лице Марка появилась плаксивая гримаса, но он справился с ней и не заплакал. Потом сказал:

— Лучше бы они украли это свидетельство...

Тетя Хая всплеснула руками.

— Б-же мой! Значит, у тебя украли деньги? Да? Но откуда они взялись у тебя, Марк?

— Мне дала их та самая тетя, которую я встретил. На билет до Ташкента.

— Где же теперь эта тетя?

— Я не знаю. Она была в Москве только один день.

— Почему же она не взяла тебя с собой?

— Она ехала не в Ташкент.

— Тогда как же ты туда попадешь? — никак не унималась тетя Хая.

— Доберусь как-нибудь на товарняках, — проговорил Марк с печальной улыбкой. — А что, когда я шел по лесу, мне было легче?

Потом вдруг внимательно посмотрел на левую руку тети Хаи, на воронку, которая расположилась над самым локтем, и спросил:

— Что это у вас, тетя Хая, от пули?

— Нет, это след от штыка одного петлюровца.

— За что он вас?

— Тебе про это еще рано знать. Он кое-что от меня хотел. А я не хотела. Так он ударил меня штыком, чтоб я его на всю жизнь запомнила.

— Я так думаю, — сказал Марк, — что по сравнению с немцами ваш петлюровец был настоящий ангел.

Я смотрел на Марка и думал, что так сказать, как только что он сказал, я бы никогда не смог, потому что ничего серьезного в жизни своими глазами еще не видел. И неизвестно, доведется ли мне когда-нибудь столько же пережить, сколько за свою короткую жизнь успел пережить Марк. И тогда я спросил:

— А ты немцев вблизи видел?

Мне показалось, плечи Марка вздрогнули, прежде чем он стал отвечать.

— Зачем мне было видеть их вблизи? — сказал Марк. — Если бы я их увидел, а они меня, тебе сейчас не с кем было бы разговаривать.

Конечно, я задал глупый вопрос, но мне не было стыдно, потому что, едва Марк появился на нашей кухне, я сразу подумал, что просто обязан подарить ему на память что-нибудь из своих самых любимых личных вещей. Вообще-то, кроме компаса и складного ножика с четырьмя лезвиями, отделанного таким перламутром, от которого невозможно было глаз отвести, никаких других ценных вещей у меня не было. Вот я все время и думал, что отдать Марку — ножик или компас...

Марк вдруг забеспокоился и как будто собрался уходить. Он уже встал из-за стола, но не прощаясь, а словно бы чего-то ждал. Потом посмотрел на тетю Хаю, маму и, будто прося разрешения, спросил:

— Я пошел, да?

— Что значит «пошел»? — вскрикнула тетя Хая. — Неужели мы тебя отпустим с пустыми руками!

Мама и тетя Хая бросились в комнаты к своим шкафам, а меня самого охватила такая радость, такой вихрь доброты, что я с легкостью решил отдать Марку и ножик и компас. Они ему нужнее.

Когда мама с одной из папиных рубашек, а тетя Хая с брюками ее сына Яши, который вырос из них еще за два года до начала войны, а теперь был на фронте, вышли на кухню — я уже там стоял. В одном кармане моих штанов лежал компас, в другом ножик. Я первым отдал свои подарки Марку. Глядя на них, Марк восторженно выдохнул: «О-о!» В эти минуты мне было так хорошо, как еще не было никогда в жизни.

У Марка был небольшой мешок с веревочными ляжками. Когда он пришел, мешок висел у него за плечами. Теперь мешок был распахнут и лежал на полу, а Марк осторожно укладывал в него наши подарки. Вначале он положил брюки, на них компас с ножиком, затем плотно закрыл их рубашкой. Всем нам понравилось, как он это сделал. Потом мама и тетя Хая дали ему деньги. Он сложил их и затолкал во внутренний, глубокий карман пиджака. Нам это тоже понравилось. Пиджак этот был определенно с чужого плеча, должно быть, до Марка его носил какой-то старик, и очень долго. Впрочем, тете Хае не все понравилось в поведении Марка. Некоторое время она смотрела на него в задумчивости, а потом спросила:

— Почему ты не пересчитал деньги? Мы хотим знать, хватит ли их тебе на дорогу.

Пока Марк возился с деньгами, голова его была опущена, а когда он ее поднял, все увидели, что глаза его наполнены слезами, которые вот-вот должны были пролиться.

— Тетя Хая, — очень тихо ответил Марк, — этих денег мне не только хватит на дорогу, но еще останется на подарки.

Тетя Хая воскликнула:

— Как ты можешь такое говорить, если даже не знаешь, сколько там денег?!

— Знаю, — опять тихо проговорил Марк. — Ваши деньги тяжелее тех, что у меня украли. А тогда у меня было ровно столько, сколько нужно на билет.

После этих слов глаза Марка опять вспыхнули.

— Но эти деньги я беру у вас не навсегда. Я их обязательно верну.

Мама улыбнулась, а тетя Хая спросила:

— Как же ты их вернешь?

— Когда я приеду в Москву учиться, а я обязательно приеду, тогда и верну, — весело сказал Марк. — Вот увидите!

— Б-же мой, Б-же мой, — покачала головой мама, — ты даже сам не понимаешь, какой ты еще ребенок.

На следующий день утром мы с мамой отправились на поезде в Москву навестить одну нашу родственницу, которая жила недалеко от Белорусского вокзала, рядом с Тишинским рынком. В те военные годы многие люди искали возможность продать свои вещи или просто обменять их на продукты. Чем ближе подходили к рынку, тем чаще встречались небольшие группы людей, которые собирались вокруг тех, кто что-то принес на продажу. Очень хотелось узнать, что там такое интересное продают, но мама не разрешала мне даже близко подходить ко всем этим людям.

— Мне еще только не хватало, чтобы и ты тоже болтался по барахолке...

И вдруг мы оба услышали знакомый голос и, с удивлением посмотрев друг на друга, замерли. Это был голос Марка. Его голос невозможно было спутать ни с каким другим. Высокий, надтреснутый и чуть-чуть плаксивый. Лица Марка мы не видели. Он был скрыт от нас спинами покупателей, которым Марк что-то продавал, а они с ним торговались. Одна женщина была особенно настойчива:

— Я тебе даю хорошие деньги за эти две вещи, тебе столько никто не даст. Не упирайся, парень, вот, возьми, и по рукам...

— Нет, почему же, — слышался еще один женский голос, — если он согласен продать их отдельно, так я их тоже могу взять.

— Уважаемые женщины, — каким-то новым для нас голосом проговорил Марк.

Я даже подумал, не ошиблись ли мы с мамой, и подпрыгнул, чтобы увидеть его. Но это действительно был Марк. Всего лица я не увидел, но его вьющиеся волосы ни с какими другими спутать было невозможно.

— Уважаемые женщины, — повторил Марк, — я понимаю, как вам понравились эти предметы, а вы подумайте, легко ли мне самому с ними расставаться. Это все, что у меня осталось от подарков папы ко дню рождения, — здесь голос Марка пресекся, и он немного помолчал. Потом спокойно продолжил: — Но мне нужна именно та сумма, которую я назвал, и если за ножик и компас вы мне ее дадите, тогда рубашку и брюки я вам отдам задаром. Я даже согласен разделить эту сумму пополам — хотите, покупайте компас с брюками, хотите с рубашкой, тогда брюки пойдут с ножиком... мне все равно, лишь бы хватило на дорогу.

И вот именно здесь меня охватило временное помешательство. Я даже не помню, как оказался перед Марком. Каким в это мгновение было его лицо, я тоже не помню. Помню лишь, как взял компас с ножиком и крепко сжал их в руках. Так крепко, что женщины, которые меня тут же схватили и стали кричать «Милиция!», не могли разжать пальцы ни левой, ни правой руки. Я очнулся от крика мамы:

— Оставьте в покое моего ребенка! Он вернул себе свое!

Но даже когда меня отпустили, я снова не увидел лица Марка. Мама потом говорила, что будто бы Марк хотел убежать, но его не пустили. Кто-то опять предложил звать милицию, но мама не разрешила. Это я запомнил. Она сказала, что это наше семейное дело.

Когда мы пошли дальше, мама сказала, что я был не прав и не должен был забирать у Марка свои подарки. Я ответил, что он очень противно говорил, будто бы их подарил ему его папа. Мама сказала, что да, из Марка может вырасти нехороший человек, но в данном случае это ничего не значит, потому что тот, кто забирает обратно свои подарки, все равно не получит от них никакого удовольствия.

Мама оказалась права. Сначала я потерял ножик. Я слишком часто носил его в кармане штанов, из которых он, проделав дырку, выскользнул. Что касается компаса, то о нем я вспомнил лишь через несколько лет, когда учился в одном из старших классов школы и нас послали на лесозаготовки. Но когда я взял компас в руки, оказалось, что стрелка перестала показывать на север.

Александр Сидоров. Песнь о моей Мурке

Владимир Березин

Собственно, разговор в этой книге крутится вокруг всем известного набора: «Граждане, послушайте меня, / Гоп со смыком — это буду я...», «Мурка», «С одесского кичмана», «На Дерибасовской открылась пивная», «Марсель», «Цыпленок жареный», «Шарабан», «Постой, паровоз», «Кирпичики», «Купите бублички» / «Купите папиросы» и «Позабыт, позаброшен». А, скажем, «Владимирский централ», песня другого времени и вполне авторская, туда не попала.

Впрочем, грань между авторским и «фольклорным» в данном случае условна. Александр Сидоров со ссылкой на Руфь Зернову отмечает, что знаменитая песня «Марсель» в первоначальном своем виде «рассказывала о “подвиге” вовсе не уголовного, а обывателя. Начинаясь она словами “Стою себе на месте, / Держу рукой карман”, а куплет про “советскую малину”, которая врагу сказала “Нет!”, <...> позднее дописал Александр Галич, и <...> с тех пор песня и стала восприниматься как блатная». К тому же и «основной» текст песни родился вовсе не в уголовной среде, а совсем даже наоборот — в рафинированно-интеллигентской: ее сочинил питерский филолог Ахилл Левинтон.

Перечисленные тексты очень живучи, и в них аккуратно укладывается история XX века в России и СССР. Но и сама по себе отечественная «блатная песня» имеет историю чрезвычайно длинную и довольно запутанную. Редкий русский писатель не вспоминает в своем мемуаре, как он мальчишкой-барчуком смотрит из окна, а по тракту ведут кандалников, и пыль поднимается из-под их шаркающих сапог. И этот звон кандалов навек поселяется в сердце русского писателя и помогает ему полюбить русский народ.

Или вот поэт Иван Кондратьев, который написал песню «По диким степям Забайкалья...», а также смотритель Верхнеудинского училища Дмитрий Давыдов, сочинивший в 1840 году «Славное море — священный Байкал...». Ясно же, что это за люди, коим Шилка и Нерчинск не страшны теперь и кого горная стража не видала, а пуля стрелка миновала. Понятно, кто таков человек, у которого брат давно уж в Сибири, давно кандалами гремит, и всякий певец понимает, что герой в Забайкалье не геодезистом служил.

Нужно сразу оговориться, что к книге Сидорова не стоит придирается как к научной монографии — это все-таки книга для чтения, для того читателя, что зовется «широким». Она эмоциональна. Но уж таков предмет обсуждения.

Впрочем, и академическая дотошность работе Сидорова не чужда. Так, говоря о песне, давшей заглавие книге, он приводит два десятка ее вариантов, включая и тот, что был сочинен неизвестным автором про челюскинскую эпопею: *Здравствуй, Леваневский, здравствуй, Ляпидевский, / Здравствуй, лагерь Шмидта, и прощай!* Здесь же и список предполагаемых сочинителей канонического варианта «Мурки» — от Якова Ядова (Давыдова) до Ивана Приблудного (Овчаренко).

Или вот две песни-«близняшки» — «Купите бублички», она же «Койфт майне бейгелах», и «Купите папиросы» («Койфт жэ папиросн»). Обе стали популярными в СССР (в случае с «Бубличками», впрочем, уместнее говорить о второй волне популярности — первая была еще в эпоху нэпа) после того, как в 1959 году в рамках культурной программы американской промышленной выставки в Москве выступил дуэт сестер Мины и Клары Берри. Однако происхождение этих песенок, оказывается, совершенно различно. «Бублички» сочинены (по-видимому, в 1926 году) уже упоминавшимся одесским поэтом Яковом Ядовым для куплетиста Григория Красавина, никаких еврейских примет в первоначальном тексте нет (героиню зовут Женечкой, а в загс ее зовет, под рифму, Сенечка), да и мелодия заимствована из какого-то фокстрота. На идиш песня переведена гораздо позже, и для идишского варианта героине пришлось поменять не только имя, но и характер: «У идишской песни

“Бейгелах” совсем другая героиня — томная, боязливая, поэтичная, глубоко несчастная... До бубликов она, скорей всего, продавала фиалки, но после того как Чарли в котелке перевернул корзинку, пришлось переквалифицироваться», — остроумно пишет по этому поводу Маша Аптекман.

А вот «Папиросы» — сугубо еврейский продукт. Идишский текст песни, сочиненный то ли в 1920-х, то ли в 1930-х годах еврейско-американским актером и режиссером Германом Яблоковым (Хаимом Яблоником) и имеющий параллели в еврейском фольклоре, видимо, предшествовал русскому. А на эту мелодию было написано еще несколько чрезвычайно популярных в свое время песен на идише. (Кстати, история песни описана в книге Сидорова с серьезными лакунами.)

Точки над «і» в фольклорных спорах не поставишь, но разыскания, которые проводятся в рамках этих споров, весьма интересны. Например, рассказывая о «Босаяцких “Кирпичиках”», автор делает специальное отступление о шубах:

Особо хотелось бы заострить внимание читателя на упоминании шубы как объекта разбоя. Помните — «А на дамочке шубка беличья»... В первые годы Советской власти шубы представляли особую ценность. Да и у многих старорежимных «буржуев» и взять было больше нечего. «Бывшим» надо было как-то выживать, они продавали все дорогое, что оставалось из старой жизни, а вот шуба была уже не роскошью, а предметом первой необходимости (топить комнаты в зимнюю стужу было нечем), поэтому за нее держались —

и дальше цитаты из Ильфа и Петрова и анекдоты 1920-х годов про благородных грабителей.

Всяческих занятных историй автор вообще собрал изрядное количество. Например, про актрису-шансонетку Марию Глебову, известную под прозвищем Маша-Шарабан — в честь популярной песенки про «шарабан-американку». Ради Маши знаменитый белый атаман Григорий Семенов бросил жену с сыном. Для борьбы с растущим влиянием Глебовой ее недоброжелатели распустили слух, что атаманша Маша — крещеная еврейка из Иркутска, ее настоящая фамилия Розенфельд. Девчонкой она якобы сбежала из родительского дома, была проституткой, потом стала кафешантанной певичкой. Заодно эта версия объясняла загадочную историю формирования Семеновым легендарного еврейского пехотного полка — вообще-то, вещь для казачьего войска немислимая.

Но, помимо фактуры, книга о Мурке и прочем «низовом» песенном фольклоре ценна тем, что дает повод для рассуждений о культуре вообще. Однажды Евтушенко написал (и это стихотворение в книге цитируется):

Интеллигенция / поет блатные песни. / Поет она / не песни Красной Пресни. / Дает под водку / и сухие вина / Про ту же Мурку / и про Енту и раввина. / Поют / под шашлык и под сосиски, / Поют врачи, / артисты и артистки. / Поют в Пахре / писатели на даче, / Поют геологи / и атомщики даже. / Поют, / как будто общий уговор у них / или как будто все из уголовников.

И дальше про то, что «фольклору воря» поэт предпочитает «стих простой и крепкий, как древко». Сидоров уверяет, что сравнивать стих с древком все равно, что с поленом, но я списываю это замечание за счет его эмоциональности: понятно, что Евтушенко отсылает читателя к Маяковскому и как бы пристраивается за великим пролетарским поэтом, который хотел, чтоб к штыку приравняли перо. Так вот, интересно, отчего Мурка, Ента и раввин так популярны.

Понятно, что термин «русский шансон» — эвфемизм, что-то вроде «жрицы любви». Шансон — это какое-то парижское кафе, запах «Житан» и пива, кожаные куртки и прочая мифология Брассанса. А тут — нормальная блатная песня. Но все же — отчего она так популярна в неблатной среде? Причин тут, кажется, несколько.

Во-первых, это пресловутая «карнавальность бытия», то есть потребность людей, живущих в некоей стационарной культуре, на мгновение выйти из нее, чтобы вернуться обратно. Озорство, игра в ряженых. Но эта причина как бы на поверхности.

Во-вторых, это известная вековая тяга русского интеллигента к народу. Тяга эта вовсе не связана с реальным пониманием того, как живут низы общества, а представляет такой романтический миф. Как писал один безвестный автор, «в русской же литературе черты благородных дикарей, начиная с “Бедной Лизы” Карамзина, переносятся на русских крестьян либо кавказских горцев». Об этом лучше всего говорит великий (без преувеличения) рассказ Максима Горького «Челкаш» — там, если кто не помнит со школы, дело вот в чем. Есть два вора. Один романтический, ницшеанского толка, а другой — случайно попавший в этот переплет крестьянин, которому надо денег на лошадь, на хозяйство и детей поднять. И сердце читателя (и нынешнего, и того, что сделал Горького вторым, если не первым, по тиражам и гонорарам писателем сто с лишним лет назад) на стороне романтика: крестьянин жалок, мечты его приземлены — он хочет растить детей и хлеб. В общем, как и курсистки дореволюционной России, советский интеллигент хотел припасть к народу и припадал в итоге к Челкашу или герою фильма «Калина красная».

В-третьих, и тут самое интересное: интеллигент всегда жаждет защиты, его обижают. Вот он и идет на поклон ко злу. Он, будто Мальчиш-Плохиш, заводит себя: дескать, я свой, хоть не буржуинский, а все ж прилежатель к Силе, блатной Силе. Это Сила, на которую уповали многие в 1990-х: вот нас обижает неправильная шпана, а придет на район правильный Пахан и разрулит. Случится у нас закон и порядок, тихая жизнь по понятиям. При этом обыватель, конечно, своей мимикрией даже самого мелкого бандита в заблуждение не введет, но себя точно запугает.

Собственно, весь роман «Мастер и Маргарита» построен на том, что придет кто-то страшный, явится неизвестное Зло, но не только всех напугает, но и вдруг покарает грешников, а малогрешных избавит от ужаса будничных притеснений. Так отечественный интеллигент норовил подольститься к Чекисту, если на него наезжал Милиционер.

Ну и наоборот.

А свободный человек тем и свободен, что ни под кого не мимикрирует и солдатом ничьей Силы не притворяется.

Народ отходчив, он готов простить (правда, с некоторой, желательной романтической, оглядкой) убийство. А уж вора, особенно беглеца, простит наверняка. Оттого и кормят хлебом крестьянки его, а парни снабжают махоркой.

Шаламов, точный и отчаянный наблюдатель, в «Очерках блатного мира» довольно много написал о воровских песнях, закончив свое рассуждение весьма мрачной констатацией: «Растлевающее значение их — огромно».

Другой сиделец, Андрей Синявский, будто не слыша Шаламова, говорит: «Не бойтесь, когда пацаны бацают на гитаре, привалясь к забору, как заправдашная шпана. Не песня заражает: воздух кругом заражен. <...> Но послушаем сначала, как и о чем они поют. И тогда, быть может, нам приоткроются окна и горизонты более широкие, нежели просто повесть о блатной преисподней, лежащие за пределами (как, впрочем, и в пределах) собственно воровского промысла...»

Синявский, правда, оговаривался, что «политзаключенные сталинской поры (58-я статья), на собственном горьком опыте узнавшие цену блатным, всю эту воровскую поэтику подчас и на дух не выносят». Но тут же и возражал:

Позднее, в наше время, мне и другим политическим случалось у блатных находить поддержку, интерес, понимание и неподдельное сожаление, что доброе знакомство не состоялось в прошлом. В ответ на упреки за старые надругательства, среди причин конфликта (хитрость чекистов, свой улов, воровское жлобство и пр.), высказывалось и нелестное о советской интеллигенции мнение: да какие же раньше, при Сталине, были политические?! — вчерашние комиссары, лизоблюды, придурки, кровососы с воли... Слышалась и застарелая каторжная вражда простолюдина к барину. Угодил барин в яму? — сквитаемся. Об этом рассказывал еще Достоевский в «Записках из Мертвого дома» — с болью, но без тени враждебности к своим гонителям. Ста лет не прошло... <...> Новые господа вылупились из того же «народа», что и воры; но вели себя, как «суки», лицемерно, криводушно, настырно, ненавистные вдвойне, в «социально-близкой» и вместе в «социально-чуждой» расцветке. <...> И классовая борьба, к концу 30-х на воле, казалось бы, завершенная, с хаотической яростью заполыхала по лагерям.

Ну, тут много несправедливых слов. Крестьяне, севшие «за колоски», или рабочие, попавшие за прогул, — это вовсе не блатари, и Синявский смешивает понятия, подменяя звериный воровской мир теми людьми, что отнюдь не были профессиональными преступниками с воровскими понятиями. А все дело в том, что Шаламов и Синявский — заключенные из двух разных тюремных миров: один из смертного, по сути бессрочного, другой из угрюмого, но все же «вегетарианского». Карнавализация возможна только в вегетарианском.

Синявский пишет, что «собственно блатной (воровской или хулиганский) акцент и позволил этой стихии на несколько десятилетий сделаться единственно национальной, всеобщей, оттеснив на задний план деревенский и пролетарский фольклор». Он был восхищен вором: «Не следует забывать, что взгляд вора, уже в силу профессиональных навыков и талантов, обладает большей цепкостью, нежели наше зрение. Что своею изобретательностью, игрою ума, пластической гибкостью вор превосходит среднюю норму, отпущенную нам природой. А русский вор и подавно (как русский и как вор) склонен к фокусу и жонглерству — и в каждодневной практике, и, тем более, конечно, в поэтике». И успокаивает тех, кто воспринимает блатную песню чересчур всерьез: «Не пугайтесь! Это он кокетничает. Список загубленных душ в данном случае всего-навсего продолжение костюма, изысканный шлейф, боевое оперение юного денди-индейца. <...> То же относится к сценам убийства. Они лишены буквального содержания и воспринимаются как яркий спектакль». Это в 1974 году хорошо было уговаривать не пугаться — потом-то многие увидели, что такое вышедший из углов воровской мир, когда одних выковыряли, как зайчиков, из наследных лубяных избушек, других обложили данью, а общественную больничную и школьную денежку растащили. Это был довольно яркий спектакль, с невеселыми, правда, последствиями.

Синявский, конечно, понимал, в чем его упрекнули, и заранее отвечал:

Скажут злорадно: вы бы запели по-другому, когда бы оказались на месте потерпевших. Не спорю. Запел бы по-другому. Но это была бы уже не песня, а печальный факт моей биографии. <...> Блатная песня тем и замечательна, что содержит слепок души народа (а не только физиономию вора), и в этом качестве, во множестве образцов, может претендовать на звание национальной русской песни. <...> Более того, блатная песня (именно как песня) в своем зерне чиста и невинна, как малое дитя, и глубокой, духовной, нравственной нотой, независимо от собственной воли, отрицает преступления, которые она, казалось бы, с таким знанием воспекает. <...> Славен и велик народ, у которого злодеи поют такие песни. Но и как он, должно быть, смятен и обездолен, если вора и разбойникам дано эту всеобщую песню сложить полнее и лучше, чем какому-либо иному сословию. До какой высоты поднялся! До каких степеней упал!..

Ну, вот тут-то и содержится некоторая натяжка — никакой «невинности» и «духовной нравственной ноты» я в блатной песне не наблюдаю. Оно, конечно, и хорошо, что воровской фольклор — социальный индикатор, что, исследуя его, можно многое понять о жизни народного низа и все такое. Но с Синявским происходит ровно то же самое, что с чекистами в 1930-х годах, — он повторяет их ментальный ход и видит в блатной среде «социально-близких». То есть если блатной мир противостоит советской власти, если он гоним ею, если вор ненавидит партийца и комсомольца, то и воровская эстетика народна и добра по сути: «Метафизически прокурор злее и отвратительнее подсудимого, пускай и формально прав. Не с прокурорами же нам заодно поносить бедную грешницу»; «Он спрашивает Мурку о мотивах ее предательства, искренне недоумевая: “Что тебя заставило связаться с лягашами и пойти работать в Губчека?” Потому что это не только утрата нравственности, но и конец эстетики — была ангел, а чем стала?»

Остается ответить лишь на один вопрос: отчего огромную долю этого «блатного пула» составляет еврейский или квазиеврейский фольклор, все эти «Раз пошли на дело / Я и Рабинович» и «На Дерибасовской открылась пивная»? Как получилось, что в роли «национальной русской песни», «слепок души народа» и проч. в какой-то момент оказались «Мурка» и «Купите папиросы», а в роли любимых фольклорных героев — Рабинович и пылкий Арончик с красоткой Розой?

Дело, видимо, вот в чем. В 1920-х происходило чрезвычайно важное для литературы движение с юго-запада в Москву — именно тогда в столицу переехали Бабель, Багрицкий, Катаев, Ильф и Петров. Разумеется, вместе с большой литературой с юга пришли и поминаемые Ильфом «халтурщики Услышкин-Вертер, Леонид Трепетовский и Борис Аммиаков, издавна практиковавшие литературный демпинг». «Одесский стиль» стал неотъемлемой частью русского языка, как в своем «высоком», так и в сниженном варианте. В этом сложносочиненном компоте и варились те песни, о которых пишет Александр Сидоров. А популярности их способствовало, не исключено, не только то, что «полстраны сидело, полстраны охраняло», но и тот еще факт, что упоминаемые Евтушенко врачи, артисты и артистки, а также писатели с атомщиками в значительной доле приходились внуками Енте и раввину.

В общем, смыслов тут много. Как много пользы в книге, что рассказывает нам об истории русско-еврейско-советско-российского блатного фольклора. Как бы мы к нему ни относились — ведь у еврейского народа достаточно поводов для гордости, кроме сомнительной славы воровских и бандитских песен.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Àéáí Áàüþ

Í áñò íÿò áëüñò áà, 3: Í àí ðàáéáí í íñò è ñéíáà «ááðé»

Ñàñëüü Áéí òáð

Áíñí íáñò áòþ ùáá í çí á: àþ ùáá í í áí ò áð è é óáá

Í áð. ñ óð. Í. Ð. Ááí äáò

Ñí á: Àéáááí èÿ èññéááí ááí èÿ éóéüò óóü, 2009 — 144 ñ

ÁÁÐÁÉ Í ÀØÁÁÍ ÁÐÁÌ ÁÍÈ

В примечании к одному из текстов сборника приводится известный исторический анекдот. Когда Геринг уговаривал Фрица Ланга остаться в Германии, тот ответил: «Я же еврей!» «Здесь мы решаем, кто еврей, а кто нет», — возразил летчик режиссеру.

Многообразию смыслов, содержащихся в слове «еврей», и посвящены «Обстоятельства» Алена Бадью, а также печатающаяся в книге статья Сесиль Винтер.

Из других сборников политических статей Бадью у нас переведено только два — рецензируемый, об аспектах «еврейского вопроса» и ставшая во Франции бестселлером книга о феномене Саркози. За рамками издательского интереса остаются книги о Косово и 11 сентября, а также об Ираке.

Автор, известный философ и математик, автор обсуждаемого труда «Бытие и событие», не любит компромиссов. Его полемика с Делезом и Лиотаром о марксизме была весьма жесткой (зато «Делез. Шум бытия» Бадью сегодня читают все), в свое время он отдал должное маоизму (видимо, ему кинозрители обязаны увлечением героев Годара текстами председателя Мао), выступал в защиту красных кхмеров и Пол Пота. Его называют левым радикалом, но вряд ли его позиция выглядит эксцентрикой — скорее, специфическим поворотом философской мысли, решившей, что она обязана быть политически ангажированной. Здесь Бадью наследует Сартру, видевшему в вовлеченности философа в политическую современность его важнейшую задачу. Эта вовлеченность позволяет не только говорить об острых проблемах, но и предлагать нестандартное их описание, решения, которые могут повергнуть в шок консерваторов и ортодоксов.

Тексты «Обстоятельств» печатались в периодике, в том числе израильской, как интервью газете «А-Арец» в 2005 году, где автор заявляет о том, что «существование израильского народа не может больше иметь в качестве основания исключительно слово “еврей”, пусть даже это слово и остается основным». В докладе «Против негационизма» (1996) рассматриваются аргументы тех, кто отрицает реальность нацистского геноцида евреев и газовых печей в концлагерях. Мир, в котором возможны подобные утверждения, — «это мир, где в отрицании собственных деяний процветает преступная политика». А из начала 10-й главы труда «Апостол Павел. Обоснование универсализма» возникла статья «Апостол Павел и евреи», где Бадью отклоняет обвинения Павла в антисемитизме. Помещена и кинокритика: о фильме Уди Алони «Ангел места» Бадью рассказал на камеру самому режиссеру, затем текст был расшифрован и отредактирован автором. Философ включил в сборник и фрагменты своей прозы. Из романа «Безмятежный блокнот дальнего мира» (1997) он извлек диалог еврея из Дарзии и араба из Эпира (названия воображаемых государств не лишают беседу политической злободневности).

Некоторые тексты уже печатались по-русски. Сейчас их перевели заново, «с принятием во внимание» прежнего перевода, «однако наш вариант перевода выполнен с учетом контекста настоящего издания» — увы, сравнение не всегда в пользу новой версии.

Контекст «Обстоятельств» сложен и порождает нешуточную полемику. «Будущее Израиля, — утверждает Бадью, — можно осмыслить в рациональном ключе только в том случае, если перестать

оправдывать его существование — что, тем не менее, делается (и что бы ни говорили — в ущерб палестинцам) — постоянными воспоминаниями о зловещих эпизодах европейской истории». Об этом же пишет и Сесиль Винтер.

Бадью напоминает, как «нестерпимо быть обвиненным кем бы то ни было в антисемитизме лишь потому, что факт истребления евреев не приводит вас ни к выводам об особой — с трансцендентной предпосылкой — ценности предиката “еврей” и его религиозного и общественного измерения, ни к необыкновенной терпимости в отношении израильских репрессий, колониальная природа которых очевидна и банальна. Я предлагаю больше никому, ни публично, ни внутри себя, не оставлять без внимания политический шантаж подобного рода». Именно поэтому, обсуждая вопрос, что означает быть евреем сегодня, он говорит, что ответ — «не сохранение и не возрождение некоторой существующей идентичности, но и не отказ от такой идентичности. Ответ таков: еврей нашего времени еще только грядет».

Всем важно определить его черты. Бадью начинает свой сборник с реакции премьер-министра Франции в 1980-м на взрыв у парижской синагоги на улице Коперника. Пострадали не только евреи, но и «безвинные французы», заявил тогда Раймон Барр. Но и сегодня вопрос «еврей ли он?» вызывает самую неожиданную реакцию. Например, у Джона Гальяно, который из-за антисемитских высказываний был уволен с поста дизайнера дома моды Christian Dior (случай Гальяно напоминает, как много материала готова предоставить действительность для подобных эссе). А недавно я послал запрос в один немецкий музей: кто по национальности герой их новой выставки. Может...?! «Что вы! — написали в ответ, — он не еврей, он католик. И какое это имеет значение?» Мейл пришел из Дахау.

Александр И. Гедрица

Â × ÂÌ ÂÈÌ ÎÂÀÒ ÆÈÐÀÔ?

Зная о репутации Алена Бадью, от его книги об Израиле ожидаешь какой-нибудь особо выдающейся дикости — вроде призыва утопить израильских евреев в море, запретить их в резервацию, расселить обратно по странам, откуда пришли, и т. д. Но ничего такого здесь нет. «Обстоятельства» Бадью неожиданно оказываются не столько отвратительны, сколько скучны. Скучны настолько, что, оказавшись перед необходимостью написать на них рецензию, пребываешь в некоторой растерянности: не очень понятно, о чем тут, собственно, писать. Мононациональные государства не имеют права на существование, одна страна для двух народов, антисионизм не то же самое, что антисемитизм, — практически каждый их тезис легко обнаруживается в любом номере левой французской газеты, даже не «Юманите», а «Либерасьон», скажем. Разве что некоторые из этих положений высказываются у Бадью в форме вольтеровского диалога — но газетная передовица от этого веселее не становится, да и Бадью, по правде говоря, тот еще Вольтер.

На самом деле это тот самый случай, когда контекст куда любопытнее текста. И проходная, казалось бы, книжка дает повод задуматься о действительно серьезных и принципиальных вещах.

Например, о фигуре публичного интеллектуала как таковой. Мы много говорили и говорим о традиционном русском литературоцентризме: поэт в России больше чем поэт, стоит ли воспринимать Толстого и Солженицына как пророков или от этого один вред, имеет ли писатель право в свободное от сочинения романов время пасти народы и т. д. Но специфически русского здесь мало. В той же Франции, например, всяческие гуманитарии всегда проявляли исключительную активность в публичной сфере и были властителями дум. А уж в последние лет 70 не было, кажется, ни одного известного философа или даже теоретика литературы, который по совместительству не выступал бы с регулярными заявлениями на всякие общественно-политические темы. И что в результате?

Коллега и единомышленник Бадью, популярный словенский клоун Славој Жижек, в одной из своих книг с остраненным иронией восторгом писал про иракского министра информации Мухаммеда Саида аль-Сахафа: «Было что-то освежающе избавительное в его выступлениях, которые отражали стремление вырваться из-под власти фактов» — и тут же про необходимость бороться с «соблазном ложной конкретности». Ничуть не хочу умалить заслуг покойного саддамовского министра, но совершенно непонятно, зачем Жижеку понадобилось так далеко ходить в поисках подходящего примера. Сходный эксперимент давно проводится по всей Европе, и результаты вполне впечатляющие. Никакой конкретности, ни ложной, ни истинной, мы не найдем ни у Сартра, ни у Бодрийера, ни у Деррида, ни у тех же Бадью с Жижеком, сплошные теоретические конструкции, полностью вытеснившие «первую реальность».

Виноваты ли они в этом? Да, конечно. Но с другой стороны, кто велит миллионам людей посещать их открытые лекции, смотреть телепередачи с их участием, раскупать сборники их статей? Никто, разве что давний предрассудок, что человек, добившийся чего-то в одной сфере интеллектуального труда, автоматически становится экспертом и в остальных. Природа популярности Сартра или Бадью как политических мыслителей на самом деле схожа с природой популярности исторических сочинений Фоменко или Шафаревича: «Они же крупные математики, разве могут они нести чушь, когда пишут об истории?» Могут, как видим, и еще какую феерическую!

Я не могу оценить значение Бадью как философа и математика. Но более или менее способен оценить, скажем, Хомского как лингвиста. Хомский — гений, возможно, самый крупный лингвист XX века. И что, поэтому я должен с пиететом воспринимать всю чушь, наговоренную им про Вьетнам и Палестину? Или вот Варгас Льюса, замечательный писатель, только что заявил, что если правые победят на президентских выборах в Перу, то может случиться страшное: экс-президент Фухимори будет освобожден из тюрьмы, где

отбывает 25-летний срок за спасение страны от гиперинфляции и разгром левацкой террористической группировки «Сендеро Луминосо». И что, нужно это заявление воспринимать с особым почтением оттого, что мне нравится роман Льосы «Разговор в “Соборе”»?

В общем, как всегда, виновен не жираф, а тот, кто крикнул из ветвей. Но и жираф далеко не безгрешен. Во-первых, если ты называешься философом, то не худо бы придумывать что-то свое, а не повторять леволиберальные штампы с многодесятилетним стажем. Допустим, Бадью пишет об израильских репрессиях (в отношении палестинцев, разумеется), «колониальная природа которых очевидна». Памятуя о «соблазне ложной конкретности», не станем разбирать это утверждение по существу. Но, коль скоро ты философ, то отчего бы не отрефлексировать хотя бы такое весьма неоднозначное понятие, как «колониализм», а не использовать его как «готовую вещь»?

А во-вторых — еще проще. Вот поддерживал ты в свое время Пол Пота. Потом тебе показали по телевизору штабеля трупов, сооруженные Пол Потом при твоей поддержке. Так не стоит ли на будущее — не говорю уйти в монастырь замаливать грехи, но, как минимум, заречься от политических высказываний и перестать поучать окружающих? Не пытайся остаться почетным красным кхмером, а по нечетным — цветом европейской мысли.

Ī ēōāēē Ýāēūō òāēí

ЖИДОМАСОНСКИЙ ЗАГОВОР УМБЕРТО ЭКО

Adesit Eades

*È oàé, Òi áadóï Yéi áyáñý áñáñi íñáñi ðñi áñá «Í ðáæñéñá èèáááéñá» [1] çá ááðñéñéð òáñ ó
×éðáððáéð íá í óæíí ñ ðáðéááðñíñáý, èáéñáá òðáéðíáá: óæ, éñíá-íí, íá áñðéñáñi èðñéáý. Í í è òáñ, èðñí
íáááðñíñý ðñéñáðñíí ò ì áññòðñí èçñíðáñí ì è íá íááððé ááðáññéñé íáðéé, íæéááð ðáçñ-áðñáñí èá Ááðñé á
ðñí áñá íá í ðñýáéýð ñ íáññ-áðð, íá í ðñééááðð ñ íáñé ñáá ñá èññíðéð è áññáñá áááðð ññáý ò èðá áñáñ
è íéæá òðááñ, íéñéñéñéñí íá í áðáý ññí íáñí ñ òí íáññòáñáñéð.*

Òi áadóï Yéi

Главный герой, отвратительный капитан Симонини, ведущий род от пьемонтской знати (дедушка — роялист и антисемит, отец погиб за республику в отрядах Гарибальди), на протяжении всего романа создает для различных секретных служб фальшивые документы, компрометирующие то иезуитов, то евреев, то масонов.

От «Пражского кладбища», как и от других романов Эко, не следует ожидать серьезности (пожалуй, за исключением тех страниц, что посвящены детству героев, — вспомним хотя бы «Маятник Фуко»). Лучше всего эти тексты работали бы вкупе с комиксами на дидактические темы — они в Италии очень популярны. Маэстро всегда склонялся к тому, чтобы в доходчивой форме пересказывать различные исторические эпизоды, щеголяя при этом эрудицией. Приемы, используемые Эко, складываются в отчетливую систему: он неизменно ироничен и в полной мере придерживается доктрины постмодернизма.

Яркое исключение составил роман «Таинственное пламя царицы Лоаны»: огромный, неуклюжий, наивный, сентиментальный, прощальный и на самом деле серьезный. Автор очень солидно анализирует генезис итальянского фашизма, что нам, русским, без надобности, потому что там, где у Эко двадцать страниц рассуждений и теорий, у нас высечен в глазу все это вобравший в себя иероглиф.

В «Пражском кладбище» Эко остался верен себе. Пародийность на сей раз задается тем, что все крутится вокруг бульварных романов: они вдохновляют провокаторов, фальшивками провокаторов вдохновляются литераторы. Разумеется, и сам роман строится как стилизация под бульварную литературу XIX века. Только вот мешает вопрос: а это правда стилизация? Или привычная авторская маска, которую уже не отодрать — только оправдать? И оправдание имеется: Эко проговорился. В одном из интервью он заявил, что пишет такой роман, от которого смогут получать удовольствие даже читатели Дэна Брауна. Возможно, они и получают — надо у них спросить. Но вернемся к евреям.

Ничего более интересного, чем эта краткая справка, вы в романе Эко о Таксиле не найдете.

Но мы совершенно забыли про Пражское кладбище! Где оно? Как описано? Извольте:

Αὐτὸ γὰρ πάλαι Νιτάλασεε εὖ πᾶν ἀνιδοῦσάν: «Ἰδοῦεῖ μοι εἶδὸ ἢ ἰασηε ἰνῆαίαιε ἀνοδα:ε. Ἰοεῦαα αὐ εἶπᾶ ἰδοῦσάνγυαοά?» Ἐ πᾶνῖα ἰῖ ἰ:αῖαε ἰοῖα:απο: δαῖαε Ἐῦαα εἰ Ἀἰ πῶδαῖαι ἂ δαῖαε Ἀεῖγυῖ εἰ εἰ Ὀῖεῖαῖ, δαῖαε Ἐῖα εἰ Ἀἰδῖ ἡ, δαῖαε Ἀῖα εἰ Ἐδαεῖα, δαῖαε Ἀῖ εἰ Ἐῖνῶαἰοεἰῖεῖ, δαῖαε Ἀοῖα εἰ Ἐῖῖαῖα. Ὀῖαα οἰεῖαῖαοῖε πᾶν εἰ πᾶδασεεῖγ ἰα:εἰαῖο ἰῖα:εοῖαῖοῖ ἀῖαῖοῖαῖ αῖαῖεεεο ἰαῖεἰ, ἂ οἰεῖαῖ Ἰδοεῖεῖαῖ εἰ αῖαεο ὀπᾶοῖαῖ αῖεεεῖα Ἰαῖεῖαο ἰῖε:αοῖγ ἰῖ οἰαῖοῖ οῖγ: οἰεῖαῖ ἰα εἰαῖαῖ εἰ οἰαῖ ἰεεεῖεῖα αεῖαεο ἂ Ἀῖαῖα αῖαῖα «Ἰῖεῖ αῖοῖ ἰαῖπῶαοῖ:ἰῖ, — εἰ ἰ αῖοεεῖα οἰεῖαῖαοῖε πᾶν — αῖαῖ οἰε:οἰεεοῖ αῖαῖε οἰαῖαῖαο ἰγῶῖ ἰεεεῖεῖα οἰεῖαῖ. Ἰῖ γῶῖαῖ αῖπῶαοῖ:ἰῖ, αῖαῖ ἰα:αοῖ».

При всей моей любви к Умберто Эко его последний роман я рекомендовал бы детям младшего и среднего школьного возраста для чтения в летних лагерях перед сном.

- [1]. Umberto Eco. *Il Cimitero di Praga*. Bompiani, 2010.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Ī ĀĪ ĒÄĀĪ ÑB ĀĀÇ ĀĪ ÑŌĪ ĀĀÑĒĪ ĀĪ

Ñāiō ēāī ā Ōāī āđōī Ī

Ī ēēpēē ñ: āñō ūŷ

Ī .: Ōāēñō; Ēī ēēī ēēē, 2010 — 474 ñ (Ñāđēŷ «Ī đī çā āāđāēñēĪ ēēēēē».)

За этот роман лучше бы приниматься, совсем не зная, о чем в нем пойдет речь. Зависнуть над первыми двумя главками вместе с автором, до поры не пуская будущее в уютную картинку: «чудесная семья» во главе с папой-«викингом», с тремя послушными сыновьями и лохматой собакой в одно из последних зимних утр из по-барски удобной и просторной квартиры дружно шагает на только что расчищенный снегоуборочной машиной каток... Обещанное в заглавии счастье без остатка вылилось на первые страницы, героиня-рассказчице трудно не позавидовать: соскочила с колеса российской сансары, зажила за мужем-европейцем, как под рождественской елкой. А ведь были в ее жизни и послевоенный Ленинград, и эмигрантский Израиль, и первый муж-предатель, и сиротское детство.

На параллели двух миров — коммунального, нищего Ленинграда и укомплектованного городка в шведской глубинке — строится роман. Героиня то и дело соступает с надежной тропы настоящего в туманные болота прошлого: в болотах покоятся ее бабушка и дед, загубленные в гетто, от блокадной сырости угасла мать, в топях тоски захлебнулся отец. У героини множество ассоциаций, воспоминаний на русскую тему — таких, какие не снились ее новым европейским знакомым, чихающим, едва просквозит малейшее неудобство.

Доминирующий образ России в романе, однако, даже не блокадный город-герой, а Достоевский. И это единственное, пожалуй, что способно решительно оттолкнуть от книги чуткого читателя. Зачем Шенбрунн понадобилось самой трактовать свой роман, жирно проводить параллели между «Пилюлями счастья» и «Игроком»? Ее писательское дело — рассказывать историю. Безболезненной редактурой Достоевский (а вместе с ним вся навешенная на него литературщина — заигрывания с темой автора и героя, попытки втиснуть роман в прокрустово ложе классического, но совсем чужого сюжета) удаляется из повествования — оставляя правдивую, крепкую, справедливую историю о переломах судьбы.

Если уж говорить о литературных аналогиях, книга Шенбрунн куда ближе оказывается к современным и широко читаемым романам «Асфальт» Евгения Гришковца и «Елтышевы» Романа Сенчина. Все три произведения — о внезапно поехавшем с горы семейном благополучии, но одновременно — о пробуждении, новом знании, которое может подарить человеку роковая перемена участи.

С «Асфальтом» у романа Шенбрунн еще одно совпадение — в них поворот начинается с трагического известия, которое заставляет героев пересмотреть привычки и отношения с близкими. Героиня

правило читающих со словарем) его творчество было заведомо ненужно и неинтересно, как и вообще вся светская словесность.

В то же время Суцкевер был (с конца 1940-х) гражданином молодого, проникнутого искренним пафосом государства, с которым он имел все основания себя отождествлять (после безвозвратной гибели литовского «идишланда»), участником победоносных войн, свидетелем возрождения пустыни под рукой возвратившегося туда человека. Только вот язык, на котором Суцкевер писал, литература, к которой он принадлежал, были в этом молодом еврейском государстве не то чтобы гонимы, но не очень желанны. Сам он, конечно, был на особом положении: герой-партизан, выступавший свидетелем на Нюрнбергском процессе... Суцкевер получил Государственную премию Израиля и даже был номинирован на Нобелевскую — как раньше чуть не был выдвинут на Сталинскую (но оказался достаточно предусмотрителен, чтобы, воспользовавшись первой же возможностью, унести ноги из СССР).

Все эти обстоятельства сказались на особенностях пути Суцкевера. Он был, несомненно, модернистом, причем представителем «правого» крыла высокого модернизма — ближе к Ахматовой, чем к Хлебникову, к Одну, чем к Целану, к Арсению Тарковскому, чем к обэриутам. В мировом (точнее, в евроамериканском и сформировавшемся под его влиянием израильском) контексте 1960–1990-х годов такая поэзия могла бы показаться «архаичной». Головокружительное мастерство просодии (с пристрастием к редким метрическим фигурам), многослойность и тончайшая разработка языковой фактуры — все это могло сойти за старомодную изысканность в эпоху, когда от поэтов требовалось, казалось бы, искусство иного рода. Однако Суцкевер не шел ни на какие компромиссы с эпохой: в его случае и соблазна таких компромиссов, вероятно, не возникало — его поэзия была словно выключена из времени.

Но нет у него и ноток уныния, отчаяния, горького нигилизма, которых русский читатель, помнящий о «парижской ноте», естественно, ожидает от поэта с такой судьбой. Не то чтобы подобные ноты были чужды еврейской поэзии на идише, в том числе в вершинных ее проявлениях (вспомним хотя бы некоторые стихотворения М.Л. Гальперна), но завершилась она — случайно или закономерно — иначе: трагическим приятием бытия.

*Èòí ì ðááúúàò? × òí ì ðááúúàò?
Ááò ðà ì ààòà*

*Íàò ñèáí òà á ì ì èí á
íí ì ðááúúàò ñèáí òà*

*Ì ì ðý çí àè ì ðááúúàò:
Í è ò è à ì áí ù ì á áí è í á*

*Çàòáí è á ò è ñíí ì á è á è í
ì ðááúúàò ì á ñíí á*

*Èòí ì ðááúúàò? × òí ì ðááúúàò?
À ì ðááúúàò Ñèí á*

*È çí á: à è ù ù è, ÷ ò í á Òáí ðáí ù ÿ
áí ðááò è ò ù ðí ò ì é,*

*Ðí çà ñè ð è í è à á ÷ á ò ù ñá ÿ
ñáí ì é ì ðááúúàò áí ðááú*

*È ç ò ðááú è è ò ù ñáí ù ò ðááé í é
ì ì á ò á è ì í áí á ò ù*

*À ñòááú çá çá, ì ò ñáá
à è áí ñáááí ù ò è è ð ò,*

*Ὁὰ γὰρ ἰ δὴ ἀλλὰ,
:ὀὶ ἄ τῆ ἀεὶ εὐ οὐ ἀλλὰ.*

*Ἄ τῶν ἀεὶ ἰ ἀ εὐ οὐ ἀ—
γὸὶ ἀε ἰ τῶν*

*Ἐὸὶ ἰ δὴ ἀλλὰ? Ἄ-ἄ ἰ δὴ ἀλλὰ.
Ὁὰ ἀεὶ εὐ οὐ ἀλλὰ?*

Суцкеверу повезло с русским переводчиком: Игорь Булатовский, сам прекрасный поэт, при том умеет быть чутким к чужой индивидуальности и как будто растворяться в ней. Поэта странно хвалить за «виртуозность», но поэта-переводчика — можно и нужно; Булатовский истинно виртуозен: он передает сложнейшие ритмические и интонационные ходы оригинала, не теряя буквально ни одного слова и ни одного слова не прибавляя.

При переводе на русский обнаруживаются какие-то неожиданные и самим поэтом не предусмотренные параллели. «Был мой отец шестипалым» — так начинаются знаменитые «Дактили» Ходасевича. И так же начинается «Баллада о шестипалом» Суцкевера. Я уж не говорю о совпадающем метре и совпадающих мотивах «Сибири» Суцкевера и «Звезд» Ивана Елагина (и опять же речь и там, и там идет о погибшем отце).

Украшением книги является автобиографическое интервью, взятое в 2001 году у Суцкевера израильским поэтом Яковом Бесером, переведенное и подробно откомментированное Александром Френкелем. Там тоже можно прочесть о многом, особенно интересном для русского читателя, — например, про общение Суцкевера с Эренбургом (тесное) и Пастернаком (случайное). Между прочим, именно Эренбург отговорил Суцкевера от мысли во время Нюрнбергского процесса убить Геринга (почему именно Геринга?).

Но этот безумный поступок, которым бывший герой Виленского гетто мог бы прославиться на весь мир — в сослагательном наклонении. Как и Нобелевская и Сталинская премии. В реальности — только стихи, лишь немногие из которых пока переведены (и еще ждущая перевода проза). И если чтение книги «Буквоцвет» — праздник, то ему сопутствует предвкушение праздников предстоящих. Мир большого поэта и великой поэтической культуры лишь начинает приоткрываться русскому читателю.

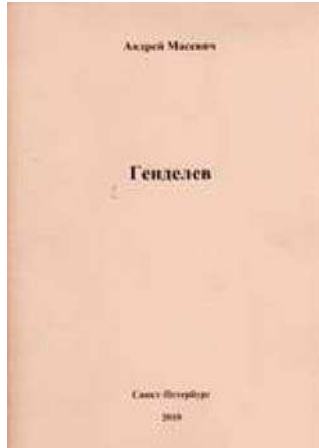
Ἄ ἀεὶ εὐ οὐ ἀλλὰ

ÀÁÏ ÄÄËÄÄ ÈÇ ÑÀÏ ÄÈÈÄ

Äí ääâé Ì äñäâ÷

Äáí ääèäâ

ÑÏ á, 2010. — 72 ñ

Про Михаила Генделева написано немало. Он того заслуживает. Удивительный, странный, ни на кого не похожий (еще десяток эпитетов того же рода) поэт. Поэт, однажды обмолвившийся в своем интервью: «Способ меня шантажировать — вспоминать мои юношеские сочинения, в частности, успехи на песенном поприще. Одна из моих первых песен написана к спектаклю “Бег”. Тема была белогвардейская, что весьма полезно еврейскому мальчику...» Кто бы другой гордился, а Генделев... шантажировать. Помню как сейчас, Сережа Капаруллин в стройотряде рычал под гитару: «Корчит тело России / от ударов копыт и подков / непуतेвою силой (у Генделева «непутевы мессии», но Сережа пел по-другому) / офицерских полков. // И похмельем измучен, / от жары и точки сатанел, / пел о тройке поручик / у воды Дарданелл». Знать он не знал, что поэт, это написавший, сейчас на маневрах в Бейт-Джубрине. «А я совсем не молодой / И лекарь полковой / Я взял луну над головой / звездюю кочевой...» И дальше, по-моему, еще лучше: «И головой в пыли ночной / Я тряс и замирал / И мотыльки с лица текли / А я не утирал...» Про такого поэта должны быть написаны не только статьи, но и книги.

Вот одну уже и написали. Так и называется: «Генделев». Автор — Андрей Масевич, соученик поэта по Санитарно-гигиеническому институту в Питере, Сангигу. Эпиграфы из Достоевского («Братья Карамазовы») и Леонида Леонова («Пирамида»). Содержание? Воспоминания? Можно и так сказать. А можно применить ученый термин: рецепция жизни и творчества поэта тем, кто знал его с юности, с 17 лет. Тем, кто помнит его ранние стихи и поэмы, которые сам поэт хотел бы забыть. Настоящие поэты всегда слишком строги к себе. (Иначе они не были бы настоящими поэтами.) Бродский не хотел, чтобы в его сборниках печаталось стихотворение «Народ», о котором Анна Ахматова записала в дневнике: «Или я ничего не понимаю, или это гениально...» Так что всегда интересно узнать даже те стихи настоящего поэта, от которых он отказался. А если нам еще сообщают, как читал эти стихи молодой поэт и как они воспринимались, скажем, членами Союза писателей, то это вдвойне интересно.

«Каин и Авель», — объявил Генделев. Это стихотворение я потом слышал много раз. Даже пытался пародировать авторское чтение. Там в конце камень сорвался с горы, и это был — Каин. «А Авеля не было», — на этом месте Миша всегда застывал с открытым ртом. Еще пауза. Рот опять-таки открыт. (Стихи привожу по памяти, никогда не видел их напечатанными.) <...> «Холодные песенки, что пели киноактрисы»... «Кружились на синем экране красные люди Матисса». Член Союза писателей чуть поморщился. А Генделев начал следующую вещь: «Жил-был мальчик, обыкновенный мальчик, / чудный, северный город устало уснул, / положив тяжесть скул на сжатый кулак собора».

Тон книги, ее интонация? Вы ее уже почувствовали. Нервная, многословная, достоевская, бесстыжая.

«Я хочу сделать тебе подарок. Магнитофон есть? Неси. Я начитаю тебе кассету». <...> Меня разозлило его самомнение. Он читал свои стихи, будто одаривал такой ценностью. Мне еще пришло в голову, что вообще он разыгрывает роль поэта, притворяется, причем играет плохо, фальшиво, и я пьяными словами, запинаясь, высказал вслух это свое тонкое психологическое суждение. Мишка даже, кажется, растерялся. «Так это же только наигрыш, я как композитор...» Я продолжал нести свое. Он нажал кнопку и стер начитанную запись. Утром я решил, что с Генделевым теперь рассорился навсегда. Весь день это меня грызло, а вечером я решился ему позвонить. Он, на удивление, оказался дома. Я забормотал не то чтобы извинения, а объяснения... «Не могу понять, что тебя мучает?» Он не помнил того, что я наговорил. Не помнил! Я не был удостоен обиды. И записи стихов у меня не осталось. Впрочем, все равно тот мой магнитофон давно не работает, а чинить я его не умею...

Странно, но этот тон, эта интонация не злят и не раздражают. Как не злит и не раздражает слишком частое поминание черта в тексте Масевича. Прием оправдан. В юношеской поэме Генделева «Фаустов», которую обильно цитирует и пересказывает Масевич, Черт — главный положительный персонаж. Также не злят и не раздражают рефреном проходящие через всю книгу сообщения, сколько за время ее написания автор выпил водки «Зеленая марка». Это же русско-еврейские поминки. А как на них без водки? Масевич поминает и вспоминает не только Генделева, но и всю ту среду, всю ту компанию, в которой рос поэт. Руководителя ЛИТО при Сангиге, преподавателя кафедры инфекционных заболеваний Николая Воджи-Петрова и строчки его стихов «И солнце в небе, как медаль за оборону Ленинграда», приятелей Генделева по КВНу того же Сангига Льва Щеглова, ныне профессора психотерапии и телеведущего, Шуру Пурера, драматурга Александра Галина, Сашу Рюмкина, просто талантливому парня, ныне бизнесмена, приятельницу Генделева Ларису Герштейн, лучше всех певшую его песни.

Лариса пела «Трефовую польку»: «Кони губернаторской коляски / По булыжной мостовой в опор...» Даже теперь, когда пишу это, я в голове слышу эту песню. Особенно припев: «А жандарм растасовал колоду, / Вновь в раскладе туз и снова трэф, / Ведь всегда находится, и это стало модой, / Ведь всегда находится на одну колоду / Один маленький, маленький Азеф, / Такой маленький, маааленький...» Помню, шел по проспекту Смирнова, фальшиво, по-другому не умею, напевал: «Сдохли кони лаковой коляски, / Смыта кровь, асфальтом залита...» Потом в Израиле Лариса занялась политикой и стала, говорят, чуть ли не мэром Иерусалима...

Это та среда, что формировала поэта. С ней он спорил, из нее он вышел. К ней он возвращался во время приездов из Израиля в Питер.

Генделеву надо было возвращаться. Были опять проводы, их в этот раз устроили у Льва: «Вы чудные, вы теплые, — сказал Миша, — других таких нет. Только не умирайте, пожалуйста».

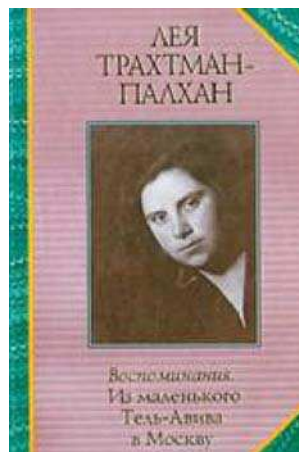
Генделев Лариса

СОРОК ЛЕТ В ПУСТЫНЕ

Ēāy Ōðāðòì àí-Ī àēōāī

Āīñîì èíàí èy. Ēçì àēāí ūēīā Ōāēū-Āāēāā ā Ī īñēāó

Ī.: Ī īñòú éōēūòōðū; Ēāðōñēèì : Āāøāðèì, 2010. — 312 ñ

Вся судьба автора этой книги, Леи Трахтман-Палхан (1913–1995) полна крутых поворотов, она прожила несколько совершенно непохожих жизней в разных мирах. И сумела захватывающе об этом рассказать, хотя не была профессиональным литератором. Социально и психологически она принадлежала к тому молчаливому большинству, которое мемуаров не пишет, была самая обыкновенная, не выделяющаяся из толпы женщина — тем интересней ее читать. Совершенно без литературных амбиций. Истории для своих, для близких — типа бабушка, расскажи, как ты была маленькая. Это потом уже дети пустили рассказ в большой мир.

Первая жизнь (с 1913-го по 1922-й) — на Украине, откуда семья ее бежала через Румынию в Палестину. Вторая (1922–1931 гг.) — в подмандатной Палестине; маленький, песчаный, барачный Тель-Авив. Третья (1931–1971 гг.) — в СССР. Четвертая (1971–1995 гг.) — опять Палестина, на сей раз уже не подмандатная — Израиль. На самом деле о четвертой жизни не пишет, но была еще необыкновенная для того времени поездка в гости в Израиль в 1956 году. Четыре месяца, по насыщенности — отдельная жизнь.

Детство Леи совпало с ужасами Гражданской войны. Семья ее несколько раз находилась в полушаге от смерти. Девочка видела и переживала то, что в детстве лучше не видеть и не переживать. Да и во взрослом состоянии — тоже. В ее сознании неразрывно слились красота, страх и непрочность бытия, которое в любой момент может прерваться: сейчас появятся страшные люди — «и тогда наступит тьма». Сознание, что родители не в силах защитить, — опыт ужасный для ребенка.

В книге есть элементы авантюрного романа: погони, нелегальный переход румынской границы, тюрьмы (палестинская, батумская, одесская), пароходы, побеги, коммунисты-нелегалы, даже одно кораблекрушение и необитаемый остров. Тогда еще начинающий (в Палестине), а впоследствии великий разведчик Лейба (Леопольд) Треппер, «Красная капелла», исторический человек. Именно он, отсидев срок за заслуги перед своей социалистической родиной, помог Лее — сантимент юности — с невозможным визитом в Израиль в 1956-м: вчерашний зэк стал референтом в ЦК.

Есть нежная, романтическая, полудетская любовь. Любимый жертвует своими чувствами ради борьбы за освобождение пролетариата. Звучит сегодня едва ли не комически, а как сердце рвалось! Меир перед отъездом из Москвы говорит, что не любит ее, что у него другая любовь. Говорит неправду — потому что понимает: больше не увидеться, чтобы не думала о нем, строила свою жизнь без оглядки на него. Муки неразделенной (она так думала) любви. Вгоняет одинокую, несчастную девочку в совершенную депрессию.

Из Палестины выслали Лею в СССР британские власти — за подрывную коммунистическую деятельность. Вполне, впрочем, невинного свойства. Охмурили девочку коммунисты. Конфликт головных

убеждений с сердечной привязанностью к стране (к Стране). Треппер — среди этих растлителей. Чувствовал ли вину?

Про жизнь в СССР ничего не знала, совершенно искаженный образ — от старших палестинских товарищей по борьбе за освобождение пролетариата. Одесса. Сутки в тюрьме ОГПУ — для проверки. Русского не знает. Допрос на идише — родном языке следователя. Еще один гэпэушник — тоже на идише — интересуется, в какой тюрьме условия лучше: в советской или в империалистической? Глупая девочка говорит правду. Конечно в империалистической! Даже и сравнения никакого. Не может быть! Гэпэушник искренне поражен.

Дальше завод, рабфак, пединститут, общежития, талоны, очереди, чистки, как не угодила в ГУЛАГ с ее-то биографией — чудо, эвакуация, скудная, голодная, на грани выживания, жизнь, двенадцатичасовой рабочий день. Двое детей и взятый в семью маленький сын репрессированной подруги. Это когда самим есть нечего. И опасно.

Отношение к евреям — отдельная песня. Для русской заводской подруги Лея была первой встреченной еврейкой, мать ее евреев тоже (слава тебе, Г-споди) не встречала, но ругала детей за проступки «жидами». В сибирской эвакуации Лея с мужем взяли участок для огорода — без него бы не выжили. Русская знакомая: «Зачем вам?» Евреи же и так хорошо живут — общее сознание: «ташкентский фронт», хорошо живут. А мы бедствуем. А они шикают. Заводские туалеты — даже для начальства — расписаны лозунгами: «Бей жидов — спасай Россию!» Война. Не немцев — жидов. Разумеется, среди русских были разные люди. Обобщения опасны. Но то, что был (и есть) такой важный вектор в русском национальном сознании, — несомненно. Она пишет без осуждения — эпически. Вообще, отношение к жизни — без осуждения.

Воспоминания об Украине и Палестине — цветные, об СССР — черно-белые. Вторая часть книги называется «Сорок лет моей жизни в СССР». В ивритском издании по-другому, более точно: «Сорок лет жизни израильтянки в СССР». Всегда чувствовала себя израильтянкой. Чужой в чужой стране. Тоскуя об оставшихся в Палестине близких.

Вся эта история — притча о девочке, оказавшейся вдруг в странном заколдованном лесу. Художественное совпадение: сорок лет в пустыне. Сорок лет в железных башмаках, грызла железные сухари — искала дорогу домой. Из дома рабства — в Страну обетованную. Нашла. Из советского ада — в израильский рай. Из ада — в рай. Это не я говорю — это она так говорит и чувствует. И не разочаровалась.

И еще. Это книга о нравственной целостности и стойкости. О том, что давать лучше, чем брать. О семейной любви. О радости. О том, что свет во тьме светит. В черном бархате советской ночи. Какой уж там бархат! Муж был замечательный человек. Под стать ей. Прожили долгую совместную жизнь. Благая весть в эпоху постмодернистского релятивизма.

В сущности, провиденциальный сюжет. Хорошо, что Меир предпочел тогда революцию. А ведь как горевала! За свою детскую ошибку заплатила высокую цену. «Но, — как говорил братьям Йосеф, бросая взгляд на прошедшую жизнь, — Б-г обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть» (Берешит, 50:20).

Самая обыкновенная, не выделяющаяся из толпы — это да, но она была величественная женщина.

И ебдее Агддее

РЕЧЬ К СОВЕРШЕНОЛЕТИЮ

Àèàèíàííèíèàí èè à ñèààýí ñèíè è ààðàèíèíè èóèùòòðííè òðààèòèè. Ñáíðí èè ñò àò àè

Ì.: Ñýòáð; Èí ñò èòòò ñèààýí íááááí èý ÐÀÍ, 2010. — 432 ñ (Ñýòáð Àèàááí è: àíèàý ñàðèý. Áúí óíè 29.)

В предисловии к сборнику составители пишут: «Конференция стала тринадцатой (таким образом, это возраст зрелости проекта — “бар мицвы”, чем в значительной степени и был обусловлен выбор темы!) в ряду ежегодных встреч ученых, с 1995 года работающих над многолетним международным проектом “Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия”». Принимая игру, скажем, что справляющий бар мицву должен произнести «дроше», публичную речь, в которой объясняется какое-либо место Талмуда. Искусство оратора тем выше, чем больше разнохарактерных цитат он вплетет в эту речь, со— или противопоставляя их друг другу. Если считать рецензируемый сборник такой «дроше», то следует сказать, что она вполне удалась.

Всякое событие проигрывает в сенсационности столько же, сколько выигрывает в стабильности и надежности. Российская иудаика давно уже не сенсация. Не сенсация и ее неперменная интегральная часть — «декабрьские посиделки», или, говоря официальным языком, ежегодные конференции «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия». Через год после конференции обязательно (постоянство — признак мастерства!) выходит сборник докладов, темно-синяя книжка с узнаваемой золотой надписью. У меня уже целая полка этих уютных синих томов. Последний по счету — тринадцатый — вышел в свет в конце прошлого года и содержит доклады позапрошлогодней конференции.

Сборник этот, как и все его старшие братья по серии, устроен слишком сложно, чтобы можно было сразу поймать и предъявить «главную мысль». Действительно, в предметном плане объектами собранных под одной обложкой статей стали не только еврейские (разных стран и эпох) и славянские (тоже достаточно разнообразные), но и финно-угорские материалы. Методологическое разнообразие еще шире. Вместе собраны статьи, относящиеся к самым разным дисциплинам: религиоведению, истории, лингвистике, этнографии, фольклористике, литературоведению. Кстати, сравнивая последний сборник с предыдущими, следует заметить, что от года к году и предметное, и дисциплинарное разнообразие нарастает. Ядром первых «славяно-еврейских» чтений были доклады фольклористов и антропологов, специалистов по народной культуре, но с тех пор профессиональный спектр участников заметно расширился, что, между прочим, свидетельствует о растущей популярности этих собраний.

Нужно отметить и еще одну устойчивую тенденцию. Несмотря на увеличение «славянской» и, шире, вообще «нееврейской» компоненты сборников, их основой остаются исследования, относящиеся к академической иудаике. Это естественно, если вспомнить, что инициатором и конференций, и сборников выступает не только Институт славяноведения РАН, но в первую очередь Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». И сверхзадача организаторов состояла, на мой взгляд, именно в том, чтобы поговорить на «еврейские» темы в компаративном контексте.

Хотя «еврейская наука» насчитывает уже около двухсот лет, она все еще во многом остается в этническом и/или конфессиональном «гетто». Сильно огрубляя ситуацию, можно сказать: евреи изучают евреев для евреев. Конечно, эта тенденция понемногу размывается в последние годы, но тем не менее... Между тем наука как метод, как мировоззрение, как способ организации знания — это не еврейское изобретение, а плод современной западной цивилизации. «Сэфер», отчетливо понимая эту проблему, сознательно тратит усилия на встраивание Jewish Studies в широкий гуманитарный контекст. Компаративный характер чтений, декларированный с самой первой конференции, касается не только материала, но и методов и позволяет сделать «еврейские» исследования равноправной частью гуманитарной науки.

Конечно, за 14 лет вокруг декабрьских конференций сложился более или менее постоянный круг участников, а значит, постоянный круг тем и подходов. Но среди авторов рецензируемого тома есть и молодые исследователи, которые в то время, когда выходили первые «синие сборники», еще учились в младшей школе. Особенно интересен и значим вклад тех ученых, которые «мигрировали» из славянских штудий в еврейские или сочетают их в своей исследовательской практике.

Лучший пример здесь — статья Светланы Амосовой и Светланы Николаевой «Практика перемены имен у евреев Подолии и Буковины в советский период». Это первая попытка обобщить и осмыслить на широком полевом материале отлично известное каждому повседневное явление: внука или внучку называют «нееврейским» именем в память о предке, носившем другое, отчетливо еврейское имя. Расположенное на соседних страницах интереснейшее исследование Игоря Семенова «Традиция имянаречения у горских евреев Дагестана: изменения последних десятилетий» прекрасно корреспондирует со статьей Амосовой и Николаевой. Вместе они образуют смысловой блок, как бы отдельную главу внутри сборника. И таких глав в нем немало. Именно эти «диалоги», а не только заявленная тема придают сборнику «Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции» отчетливое внутреннее единство.

Академія Аїї сєї

ГЕНДЕЛЕВ ИЗ САНГИГА

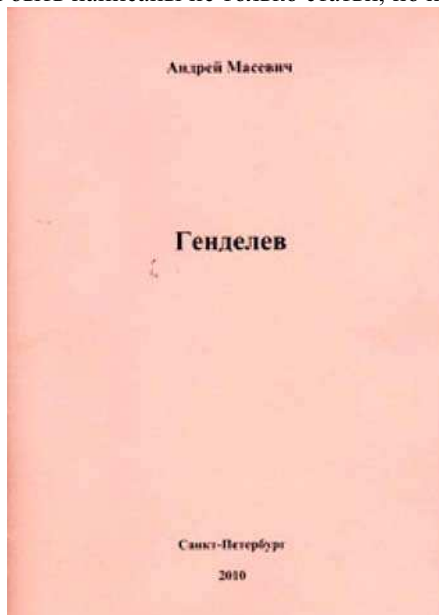
Андрей Масевич. Генделев

Никита Елисеев

Про Михаила Генделева написано немало. Он того заслуживает. Удивительный, странный, ни на кого не похожий (еще десяток эпитетов того же рода) поэт. Поэт, однажды обмолвившийся в своем интервью: «Способ меня шантажировать — вспоминать мои юношеские сочинения, в частности, успехи на песенном поприще. Одна из моих первых песен написана к спектаклю “Бег”. Тема была белогвардейская, что весьма полезно еврейскому мальчику...» Кто бы другой гордился, а Генделев... шантажировать. Помню как сейчас, Сережа Капаруллин в стройотряде рычал под гитару:

«Корчит тело России / от ударов копыт и подков / непутевую силой (у Генделева «непутевы мессии», но Сережа пел по-другому) / офицерских полков. // И похмельем измучен, / от жары и точки сатанел, / пел о тройке поручик / у воды Дарданелл». Знать он не знал, что поэт, это написавший, сейчас на маневрах в Бейт-Джубрине. «А я совсем не молодой / И лекарь полковой / Я взял луну над головой / звездю кочевой...» И дальше, по-моему, еще лучше: «И головой в пыли ночной / Я тряс и замирал / И мотыльки с лица текли / А я не утирал...»

Про такого поэта должны быть написаны не только статьи, но и книги.

Вот одну уже и написали. Так и называется: «Генделев». Автор — Андрей Масевич, соученик поэта по Санитарно-гигиеническому институту в Питере, Сангигу. Эпиграфы из Достоевского («Братья Карамазовы») и Леонида Леонова («Пирамида»). Содержание? Воспоминания? Можно и так сказать. А можно применить ученый термин: рецепция жизни и творчества поэта тем, кто знал его с юности, с 17 лет. Тем, кто помнит его ранние стихи и поэмы, которые сам поэт хотел бы забыть. Настоящие поэты всегда слишком строги к себе. (Иначе они не были бы настоящими поэтами.) Бродский не хотел, чтобы в его сборниках печаталось стихотворение «Народ», о котором Анна Ахматова записала в дневнике: «Или я ничего не понимаю, или это гениально...» Так что всегда интересно узнать даже те стихи настоящего поэта, от которых он отказался. А если нам еще сообщают, как читал эти стихи молодой поэт и как они воспринимались, скажем, членами Союза писателей, то это вдвойне интересно.

«Каин и Авель», — объявил Генделев. Это стихотворение я потом слышал много раз. Даже пытался пародировать авторское чтение. Там в конце камень сорвался с горы, и это был — Каин. «А Авеля не было», — на этом месте Миша всегда застывал с открытым ртом. Еще пауза. Рот опять-таки открыт. (Стихи привожу по памяти, никогда не видел их напечатанными.) <...> «Холодные песенки, что пели киноактрисы»... «Кружились на синем экране красные люди Матисса». Член Союза писателей чуть поморщился. А Генделев начал следующую вещь: «Жил-был мальчик, обыкновенный мальчик, / чудный, северный город устало уснул, / положив тяжесть скул на сжатый кулак собора».

Тон книги, ее интонация? Вы ее уже почувствовали. Нервная, многословная, достоевская, бесстыжая.

«Я хочу сделать тебе подарок. Магнитофон есть? Неси. Я начитаю тебе кассету». <...> Меня разозлило его самомнение. Он читал свои стихи, будто одаривал такой ценностью. Мне еще пришло в голову, что вообще он разыгрывает роль поэта, притворяется, причем играет плохо, фальшиво, и я пьяными словами, запинаясь, высказал вслух это свое тонкое психологическое суждение. Мишка даже, кажется, растерялся. «Так это же только наигрыш, я как композитор...» Я продолжал нести свое. Он нажал кнопку и стер начитанную запись. Утром я решил, что с Генделевым теперь рассорился навсегда. Весь день это меня грызло, а вечером я решил ему позвонить. Он, на удивление, оказался дома. Я забормотал не то чтобы извинения, а объяснения... «Не могу понять, что тебя мучает?» Он не помнил того, что я наговорил. Не помнил! Я не был удостоен обиды. И записи стихов у меня не осталось. Впрочем, все равно тот мой магнитофон давно не работает, а чинить я его не умею...»

Странно, но этот тон, эта интонация не злят и не раздражают. Как не злят и не раздражает слишком частое поминание черта в тексте Масевича. Прием оправдан. В юношеской поэме Генделева «Фаустов», которую обильно цитирует и пересказывает Масевич, Черт — главный положительный персонаж. Также не злят и не раздражают рефреном проходящие через всю книгу сообщения, сколько за время ее написания автор выпил водки «Зеленая марка». Это же русско-еврейские поминки. А как на них без водки? Масевич поминает и вспоминает не только Генделева, но и всю ту среду, всю ту компанию, в которой рос поэт. Руководителя ЛИТО при Сангиге, преподавателя кафедры инфекционных заболеваний Николая Воджи-Петрова и строчки его стихов «И солнце в небе, как медаль за оборону Ленинграда», приятелей Генделева по КВНУ того же Сангига Льва Щеглова, ныне профессора психотерапии и телеведущего, Шуру Пурера, драматурга Александра Галина, Сашу Рюмкина, просто талантливого парня, ныне бизнесмена, приятельницу Генделева Ларису Герштейн, лучше всех певшую его песни.

Лариса пела «Трефовую польку»: *«Кони губернаторской коляски / По бульажной мостовой в опор...»* Даже теперь, когда пишу это, я в голове слышу эту песню. Особенно припев: *«А жандарм растасовал колоду, / Вновь в раскладе туз и снова треф, / Ведь всегда находится, и это стало модой, / Ведь всегда находится на одну колоду / Один маленький, маленький Азеф, / Такой маленький, маааленький...»* Помню, шел по проспекту Смирнова, фальшиво, по-другому не умею, напевал: *«Сдохли кони лаковой коляски, / Смыта кровь, асфальтом залита...»* Потом в Израиле Лариса занялась политикой и стала, говорят, чуть ли не мэром Иерусалима...

Это та среда, что формировала поэта. С ней он спорил, из нее он вышел. К ней он возвращался во время приездов из Израиля в Питер.

Генделеву надо было возвращаться. Были опять проводы, их в этот раз устроили у Льва: «Вы чудные, вы теплые, — сказал Миша, — других таких нет. Только не умирайте, пожалуйста».

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ

Алҕаһа Аһиэһиһэ

В Третьяковской галерее открылась выставка Александра Лабаса. Мы уже писали об этом замечательном художнике XX века в связи с двумя выставками в Московском музее современного искусства и галерее «Проун», приуроченными к 110-летию мастера (см. об этом: Евгения Бродская. Стальная эпоха Лабаса // Лехаим. 2011. № 1). Выставка в Третьяковской галерее «Александр Лабас. На скорости века», открывшаяся больше года спустя после 110-летнего юбилея художника, выглядела бы безнадежным опозданием, если бы не была первой его выставкой в этих стенах. Любовно подготовленная ГТГ и Фондом содействия сохранению творческого наследия Александра Лабаса, она стала практически первой масштабной ретроспективой мастера, где собрано более 150 работ из коллекций ГТГ, Русского музея, ГМИИ им. А. С. Пушкина, Театрального музея им. А. А. Бахрушина, частного собрания и даже Политехнического музея. Выставка позволяет почувствовать, насколько органично вписано искусство Лабаса в историю искусства XX века. Свое единство с веком Лабас ощущал как дар. Мало кто мог сказать так же, как он: «Я рожден был удивительно точно во времени, мне этот век подходит, как ни один другой». Невероятная фраза для человека, которого в середине 1930-х критика изобличала как формалиста, чьи работы почти тридцать лет не выставлялись и не приобретались музеями, чья первая (и единственная при жизни) персональная выставка после полувека работы открылась только в 1976 году на Кузнецком мосту. Что стоит за этим удивительным признанием?

Александр Лабас.

Город Будущего.

1935 год.

Из собрания Государственной Третьяковской галереи

Ї І Ђ Æ Ò Û Í Ì Ñ Ò

Вначале кажется, речь идет о «точности» попадания в художественную эпоху. Творчество Лабаса, который прошел отличную академическую выучку в Строгановском училище, а после революции оказался в самом центре «громокипящих» Государственных свободных художественных мастерских (его мастером был Кончаловский), уходит корнями в модернистский проект русского искусства. Как он сам вспоминал, «в годы моего студенчества нас, вхутемасовцев, могли увлечь только люди сильные, смелые в своих дерзаниях, открыватели нового в искусстве, говорящем о нашей жизни. Такими были в первом ряду — Мейерхольд, Маяковский и с ними Татлин. Его башня родилась как наша мечта, как поэма о будущем. Мы тогда, сидя в мастерских и общежитиях у железных дымящихся печек с трубами, уходящими в форточку, говорили об этой Башне. Мы восприняли ее с подъемом и надеждой — эту небывалую, спиралью уходящую в небесную высь конструкцию».

Казалось бы, перед нами типичные мечтатели. Только не «кремлевские», как у Уэллса, а «вхутемасовские», голодные и замерзшие, каждый день решавшие «вопрос, как прожить на копейки и вместе с тем стоять у мольберта и быть в курсе всех событий в искусстве». Но речь не только о Башне, но и о том типе людей, на которых ориентируется 17–18-летний Лабас, на кого хочет быть похожим. Сегодня мы сказали бы, о ролевой модели. Гораздо важнее, что эти голодные мечтатели жаждают быть не только наблюдателями, но и участниками событий. В воспоминаниях Лабаса есть рассказ о диспуте, посвященном новому искусству, на котором он и его друг оказались рядом с Мейерхольдом. Выступавший художник, а им, кстати, оказался отличный оратор и художник Д. Щербиновский, бывший учитель Лабаса, на голову разбил «левое футуристическое искусство». Мейерхольд явно не собирался выступать, и тогда двое друзей с жаром начали умолять его выступить. «Мне казалось тогда, что от этого зависит судьба нашего искусства и, конечно, наша жизнь. Так мы воспринимали события того времени — каждую минуту, казалось, решались судьбы Мира, Вселенной».

*Ἐδαῖν τίε εἶν αἱ ἀεὶ Ἀ. Ἀ. Ἐαῖν (ἀδὰὸ ὀβῆται ἑεα).
1932 ἄἄ*

Ἐς ἡ ἀδὰί εὐ Ἀεαῖν αἰὰ Οἱ ὀεῖαδα

Но участие в «судьбе Вселенной», конечно, не могло быть исчерпано сидением на диспутах. В 1918 году Лабас заявляет руководству Государственных свободных мастерских о своем желании уйти на фронт. Его не отпустили, а предложили поговорить с Давидом Штеренбергом, который был тогда председателем

Комитета по делам искусств. Штеренберг ему тоже отказывает. И что делает возмущенный Лабас? «Потеряв свойственную мне тогда застенчивость, я написал заявление на имя Штеренберга с просьбой меня отпустить. Штеренберг очень рассердился и целый день заставил меня ждать в коридоре. К концу дня он вышел и, отругав меня, дал мне подписанную бумагу. Я запомнил Давида Петровича — в этот момент он был недобр ко мне... Но когда спустя два года он увидел меня живым и здоровым, то встретил очень тепло».

Можно понять мрачное недовольство Штеренберга. Сумасшедший талантливый мальчишка, вместо того, чтобы учиться, лезет в самое пекло войны. Трудно отделаться от мысли, что образцом для подражания для Лабаса были не только «футурист» Маяковский, но прежде всего собственный старший брат, музыкант Абрам Лабас, который во время Гражданской стал комбригом и командовал на Дальнем Востоке одним из легендарных корпусов, которые дошли до Спасска и Волочаевки. В 1937-м комбрига Лабаса, заместителя начштаба Киевского военного округа, расстреляют. А в 1932-м его брат нарисует его портрет — черноокого красавца в буденовке со звездой. Никаких бытовых деталей. Тем более никакого намека на жестокость войны. Из мягкого светло-серого фона выступает нежное лицо музыканта, который стал воином. Это, конечно, не Давид, который вышел сражаться с Голиафом, но образ, по интонации ему близкий. Любопытно, что библейский образ отважного певца, чувствующего зов истории и стремящегося откликнуться на него, по-видимому, близок и младшему брату.

Это бесстрашие также отчасти связано с пылким любопытством к жизни и всему новому. В начале 1920-х, едва успев вернуться из 3-й армии Восточного фронта, где он работал в бригаде художников при Политотделе, Лабас немедленно ввязывается в новое приключение. «Как только открылась воздушная трасса Москва—Харьков, я сразу же купил билет», — сообщает он. Ну, еще бы! Из 12 пассажирских мест самолетика «Дорнье» занято было только... три. Плюс летчик и бортмеханик. Самолет вначале вместо Орла приземлился где-то в поле под Курском, а взлетев, вскоре снова нырнул. И — оказался в реке. «Все пять человек, насквозь мокрые, в пальто, куртках, ботинках вылезают на берег. Мы изумленно смотрим друг на друга. Самолета не стало, как будто его и не было, только спокойная гладь воды. Мы потрясены. Вдруг нам становится смешно, вернее, нас начинает душить смех. И тут мы видим, что к нам бегут люди с перекошенными от ужаса лицами». Остаток пути до Харькова трое бывших авиапассажиров преодолели на поезде. Но только Лабас из Харькова в Москву снова полетел на самолете. Как он вспоминал, «я же горел желанием скорее опять испытать эти удивительные ощущения полета».

Пожалуй, Лабас совпадает с веком в этом бесстрашном принятии и полета, и крушения, и готовности, несмотря ни на что, продолжить движение в неизведанное. Рожденный почти одновременно с XX веком, он был истинным сыном эпохи модерна.

Γὰρ ἰδοῦστέ τὸ ὄντι.

*1929 ἡἷ
Ἐς πᾶσαι εὔ Ἀἰνῶν ὁ δᾶν ἰτέ
Ὀδοῦ ἑταῖρῆ ἄνδρα*

РОЖДЕНИЕ БУДУЩЕГО В ЦВЕТЕ

Из всех художников, вдохновлявшихся идеями прогресса, Лабас был, пожалуй, одним из самых необычных. В его творчестве соединились то самое «предчувствие будущего», которое жило в поисках мастеров авангарда, вдохновляло невероятно смелые архитектурные проекты 1920-х Леонидова и Крутикова, и восхищение наукой, космическими исследованиями, столь актуальное в 1960-х. На выставке можно увидеть эскизы 1935 года, где изображен не только «Город Будущего», но и «Полет на Луну»... А в 1979–1980 годах наряду с «Архитектурными фантазиями» появляется серия «Жители отдаленных планет». Тут единороги встречаются с зелеными человечками, русалками с крыльями и вполне сказочными героями с «песьюми головами». Эти работы открывают блистательного рисовальщика, фантазера и поэта.

Но еще интереснее, когда ошеломленное осознание современности как стремительного прорыва в будущее Александр Лабас стремится передать чисто живописными средствами. В его воспоминаниях есть рассказ о переживании осени 1917-го. Лабасу было тогда 17 лет, и, как нормальный мальчишка, он, конечно, метался по Москве, наблюдая за грузовиками с солдатами, артиллерийским обстрелом «Метрополя», уличными боями... И даже умудрялся делать по горячим следам акварели. Но переживание связано не с этим, а с утренним видом из окна его дома на Сретенке. Собственно, видно было мало что. «Осень, загорелся рыжий клен, а вдали туман, сквозь него видны дома, большие каменные и деревянные, видны фигуры бегущих людей» — так он опишет этот вид позже. Тем не менее напряжение и чувство затишья перед бурей запомнились на всю жизнь. Его и попытается передать на картине 1929 года художник.

Эта картина с нейтральным названием «Наш переулок утром» и сегодня поражает. Контуры домов и улицы размыты. Все поглощает цвет — приглушенный, мягкий, высветленный. Коричневатый тон перетекает в голубой, зеленоватый. Картина, написанная маслом на холсте, производит впечатление почти акварельной легкости, воздушности. В сущности, она тяготеет к живописной абстракции. Притом что перспектива едва

намечена, пространство дышит. «Мне хотелось передать рождение еще неизвестного будущего», — признается Лабас.

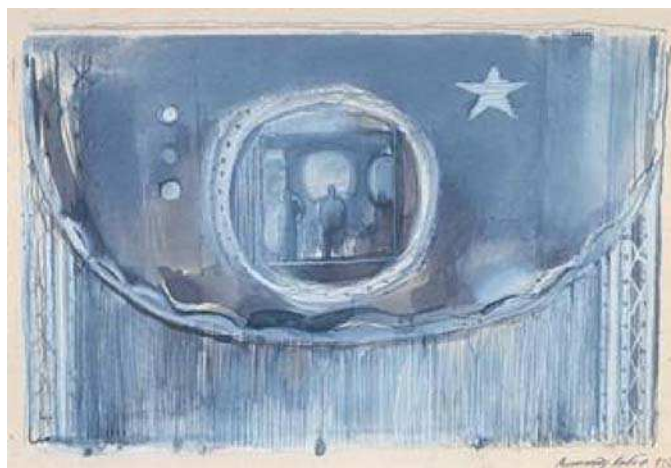
Ἄ εἰς τὴν ἀγνοίαν

1928 ἄ ἄ

*Ἐς τὴν ἀθάνατον ἄνθρωπον ἀπὸ τῆς
ὄψης τῆς ἀνάστασης*

Казалось бы, это любимая тема 1920–1930-х годов. Конструктивисты, не говоря уж о грядущих соцреалистах, заботились о том же самом. Будущее, которое определялось техническим прогрессом, индустриальной мощью, требовало резких ракурсов, восхищения силой машины, ритма механизма или конвейера. Всего этого не сыскать у Александра Лабаса. Он даже сюжет «Электрификация в новом районе» (1930) умудряется написать так, что не только квадраты освещенных домов вдали едва видны, но даже и электрический столб на первом плане, на котором работают электрики, не слишком виден. «В кабине аэроплана» (1928) силуэты пассажиров словно зависают в воздухе. Короче, никакого пиетета перед строгой красотой конструкции у художника нет. И это притом что, работая художником в театре им. В. Ф. Комиссаржевской на спектакле «Армия мира», Лабас провел много времени в конструкторских бюро, изучая дирижабли изнутри и снаружи. На картине «Первый советский дирижабль» технические сложности воздухоплавательной техники тоже никак не отражены. В конечном счете Лабаса интересовала не машина, а человек в ней. Точнее, его переживания. Лабас заключает: «Ни в какой академии, ни в какой школе не учили художника, как надо писать эти чувства и ощущения преодоления пространства с большой скоростью, какими красками писать, как ими управлять. Меня это увлекло, и я искал способы, как это выразить». Отсюда — лирическая энергия полотен, темы которых вполне себе эпические.

В его работах пейзажи настоящего приобретали зыбкость внутренних видений. Взаимосвязь перехода от лирического, внутреннего начала к внешнему, эпическому становится важнейшей темой художника. На склоне лет он запишет в своих дневниках: «Я хочу разобраться, что снаружи и что внутри, в самом глубоком смысле: в природе и философии, искусстве. Внутренние процессы, внутренняя динамика, внутренний ритм: все, о чем я говорю, — это невидимо, но оно существует».

Υνέες ε μ' αέο αέερ «Αοί εγ i εδā»

1932 μᾶ

*Ἐς ἀδὲεᾶι
Ἴ. Ἀβᾶκουβίτς-Ἐᾶᾶᾶν*

Для живописца изучение ритмов и внутренней динамики естественным образом оказывается связано с изучением цвета и его восприятия. И к этому Лабас подходит с неожиданной для художника научной основательностью. Он слушает курс лекций по оптике и механизмам зрения. Позже сам начинает преподавать художникам «цветоведение». Его интересовали механизмы зрительного восприятия цвета и формы, распознавание образов. Как свидетельствует его сын, биолог Юлий Лабас, многие из его научных интуиций, например, о том, что наш глаз видит только движущиеся относительно него изображения, подтвердили позднейшие исследования.

Иначе говоря, Лабас был тем редким живописцем, который гармонию художественной интуиции умел поверять строгой алгеброй научного наблюдения и исследования.

«ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ВЕНЕРА» ЗАЖИГАЕТ ОГНИ

Идея синтеза науки и искусства в 1920-х годах витала в воздухе. «Мы уходим в науку... Мы великие пророки. Мы воспитываем свой разум, углубляем наблюдательность посредством анализов и собираем разложенное в динамические формы. <...> В искусстве многозначнее тихо. Какое своеобразное время пред нашим молодым поколением. Все уходит в изучение точных наук». Это цитата не из письма молодого ученого, это... декларация художественной группы под названием «Электроорганизм». Она была написана в декабре 1922 года Климентом Редько и предназначалась для выставки в Амстердаме, которую, как и предыдущую выставку в Берлине, организовывал Давид Штеренберг. Лабаса, который дружил с Редько и участвовал в выставках вместе с этой группой, также интересовал поиск гармонического соединения понятий из области точных наук с чувственным восприятием окружающего мира.

Отголоски этих идей можно обнаружить в спорах даже во времена ОСТА. Так, Лабас вспоминал, как Штеренберг, будучи уже председателем ОСТА, говорил ему: «Ваши картины, хоть и электродинамические, но очень хорошие, потому что Вы тонко чувствуете цвет <...> , но я не сторонник изображать обстановку с этой сумасшедшей техникой. Хватит того, что она есть в жизни». Определение работ Лабаса как «электродинамических» явно отсылает к поискам времен «декларации» Редько.

Самое смешное, что «электроорганизм» таки был создан — как ему и полагается, из металла, стекла и дерева. В 1930-м для павильона электрификации и механизации Сельскохозяйственной выставки в Белоруссии Александр Лабас сделал четырехметровую скульптуру «Электрической Венеры». Ее новую версию — реконструкцию по наброскам и фотографиям художниками объединения «ВХУТЕМАС–XXI век» — даже можно увидеть на выставке в ГТГ на Крымском валу. Венера, которую в 1930-м называли «символом нового искусства», выглядит на первый взгляд вполне конструктивистской дамой. Вся из острых динамичных углов — и с лампочками. Но трудно отделаться от мысли, что она посылает дружеский привет не только в будущее, но и

в прошлое — Клименту Редько, Соломону Никритину и другим участникам продвинутой группы «Электроорганизм».

Yéàòò òò-àńàý Ááí àdà

Òńò áí íàèà àéý í ààèéúí í à yéàòò òò èèàòèè í à Áńńń pçí í è ñàéúí èí òí çyèñò ááí í è áńńò ààèà á Í èí ñèà

1930 ãã

Èç àðèèá Ì. Ááńèèí è-Èáááń

Любовь к «алгебре» не меньше пригодилась Лабасу при работе над панно, панорамами и диорамами, которыми он зарабатывал, когда борьба с «формализмом» набрала обороты. К тому времени у него был немалый опыт росписей больших объектов. Во время войны он в составе бригады из девяти художников расписывал поезда и даже стены домов. Так что можно считать, что стрит-арт — изобретение Гражданской войны. В начале 1920-х, оказавшись на мели, как он выражался, Лабас с радостью брался рисовать панно для клуба «Швейной фабрики Коминтерна», рабочие которой эмигрировали из США в СССР. Тогда же молодые художники расписывали под мрамор и малахит интерьер кинотеатра на Триумфальной площади. В 1924 году они с Александром Тышлером и Иосифом Чайковым расписали трамвай в честь конгресса Коминтерна. Тогда же, в 1924-м, Роберт Фальк приводит его в театр им. В. Ф. Комиссаржевской, где он подрабатывает художником-постановщиком. Позже он оформляет спектакли в театре им. М. Н. Ермоловой и ГОСЕТе, где знакомится с Соломоном Михоэлсом.

Но даже при опыте Лабаса задание, которое ему предложили выполнить для Всероссийской сельскохозяйственной выставки, выглядело в принципе невыполнимым. Нужно было сделать диорамы 11 Союзных Республик для главного павильона ВСХВ. Задача действительно выглядела несколько странной. «Как, например, показать на одной диораме РСФСР, с одной точки зрения, где Москва, где Ленинград, Свердловск, Томск, Арктика, — и тут же сельское хозяйство, народ, исторические даты и т. д.?» Как выяснилось потом, все, кому эту работу предлагали до него, от предложения отказались. Тут-то Лазарь Лисицкий, который, собственно, и придумал такое оформление, вспомнил о Лабасе. За изумленным «формалистом», братом недавно расстрелянного комбрига, на Мясницкую прибыло авто, которое его увезло на ВСХВ, где шло совещание.

Лабас за задание взялся. «Я люблю трудные проблемы, — признавался Александр Аркадьевич. — Мое воображение разыгралось в направлении синтеза». Лабас отказался от муляжей, вообще «натуралистической иллюзии», использовал светотехнику, автоматику и придумал, как соединить скульптуру, барельеф, витражи... Иначе говоря, сделал ставку на «объемно-пространственное синтетическое искусство». На выставке в ГТГ можно увидеть эскизы самых известных его панно и панорам. Например, панно «Авиация СССР» для советского павильона на Всемирной выставке в Париже (1937 год) или панорамы «Артек» для Всемирной выставки в Нью-Йорке (1939 год).

Позже, упоминая о плюсах этих выставочных работ, он говорил: «Я имел возможность искать и экспериментировать». Страсть к поиску и эксперименту, равно как и желание синтеза — искусств, науки, производства, быта, были теми парусами, которые помогали ему улавливать ветер будущего. Лабас имел ту смелость воображения и мысли, которая позволяла двигаться навстречу будущему без страха. Не отсюда ли ощущение, что настоящее (даже то, что зовется XXI веком) всегда оказывается на шаг позади него?

ЕЩЕ ПОСМОТРИМ!

Ááí îé Ñááèöéîî ó

Î îñéáá, ãéáðáÿ Ááéáááá,

ãî 1.06.2011

*Î éðáéé Áíã áí.
Î îðòðáò éáçáðá*

*1936 ãá
×áñò íáÿ éîééáéöéÿ, Î îñéáá*

Выставка в Москве памяти директора музея в столице Каракалпакии? Да еще директора советской поры?! Но Игорь Витальевич Савицкий (1915–1984) занимает слишком важное место в истории русского искусства, чтобы чему-то здесь удивляться. Киевлянин с русско-польско-еврейскими корнями, долгие годы живший в Москве, он собрал и сохранил множество работ 1920-1930-х годов, спас от забвения немало имен, от уничтожения — сотни произведений. Основанный Савицким музей русского искусства в Нукусе носит сейчас его имя — и одновременно пребывает в странном состоянии. Обладая одной из крупнейших в мире коллекций русского авангарда, музей практически не выдает своих работ для временных выставок в других городах и странах, что происходит с его запасниками, понять трудно. День работы в фондах стоит «для всех категорий граждан» 2 тыс. рублей, сообщает музейный сайт.

Галерея Галеева так и не смогла получить хотя бы два десятка работ из Нукуса. В итоге здесь сделали выставку памяти Савицкого на основе работ из частных коллекций тех авторов, которых собирали в Каракалпакии. Среди них Фальк и Соломон Никритин, Александр Волков и Меер Аксельрод, а также сам Савицкий (он был неплохим художником). Жаль, что так и не стали возможны замечательные сопоставления и сочетания. У Валентины Марковой (1907–1941) могла бы вновь объединиться семья: два портрета ее мужа (из музея в Нукусе и ташкентской коллекции И. Булкиной) соединились бы с портретом матери художницы из петербургского собрания Д. Кауфман (она предоставила еще несколько работ, в том числе графику Михаила Курзина). Точно так же и работы Льва Гальперина (1886–1938) прибыли бы в Большой Козихинский из разных городов: не только с берегов Невы, из коллекции Ю. Кроля, но и из Нукуса.

Большинство этих произведений впервые оказываются доступны зрителю, они не публиковались раньше, так что каталогу к выставке уготована судьба раритета. Есть в нем и литературный раздел: публикуемые по рукописям тексты самого Савицкого, воспоминания его коллег и друзей. Много архивных материалов и в статьях о самих художниках. Но ничто не заменит общения с оригиналами. Идущие от них токи репродукции передавать еще не научились.

«Î áðááò æèòü Î áðèæ»

Î îñéâ, ãñéáðáÿ «Ëîá:áñ»,

ãî 3.07.2011

Î èðáüËèèéí. Õðñí à èðááè (òðáá áíò). 1946 ãä

×áñòíáÿ èíèèáèèéÿ

Париж в XX веке стал «городом-светочем» — и городом-магнитом. Сюда устремлялись не только путешественники, но и поэты, и художники: учиться, общаться, жить. О нем грезили на всех континентах; название московской выставки — строчка из песни Юрия Кукина, которую в 1960-х распевали геологи.

Галерея «Ковчег» собрала из частных коллекций около сотни работ, посвященных Парижу. Здесь и русские, и французские художники, от ставших классиками авторов начала века до наших современников, навестивших «столицу мира» раз-другой или живших там годами, оставшихся навсегда. Почти у всех — чувства, как у Анастасии Цветаевой: «Я не помню моих первых ощущений в Париже... Никакого „ознакомления“ с ним. Точно я всегда жила в нем, им дышала!» Список участников впечатляет не меньше, чем сами виды: от Редона и Утрилло до Дерена и Марке, от Фалька и Григорьева до Затуловской и Сутягина. Есть здесь и работа Михаила Кикоина (1892–1968), друга Хаима Сутина, с которым они сперва вместе учились в Вильно, а затем поехали на берега Сены, где стали мэтрами парижской школы. Кикоин остался в Париже навсегда, в 1924 году получил французское гражданство, но еще в середине 1930-х выставлялся не как французский, но как русский художник. Он выжил в оккупированном немцами городе, хотя носил желтую звезду (из-за этой звезды даже поссорился с Сутиным). Позднее Кикоину удалось уехать в свободную зону в Тулузу, а после войны вновь вернуться в столицу. Он умер во время работы в мастерской — судьба, о которой мечтают многие.

Ì àdè Oààné è òúúúéé àààí ààà
Àdàí íàéù, Ì ócáé ègýùí úò èíéóííòá

ãí 13.06.2011

Àéàéíé óíí Bãéáí íééé.

Àèçáí òèáò ñ áéááí úí è áúáàí è.

Ì ócáé ègýùí úò èíéóííòá Àdàí íàéù

Вот уже много лет парижский Центр Помпиду показывает свои сокровища в рамках проекта «Вне стен». Это позволяет увидеть его огромную коллекцию в музеях всей Франции, для выставок открывают запасники Центра.

Среди полутора сотен произведений, представленных на выставке «Марк Шагал и русский авангард», тоже немало редкостей, в том числе из полученного не так давно французским государством в виде налога на наследство огромного фонда Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова.

Кураторы воссоздали контекст эпохи Шагала, начиная с русского периода его творчества (Витебск и Петербург). Показаны также картины, графика, скульптура и фотографии его современников, от Ивана Пуни до Александра Родченко. Еще одним героем выставки стал Василий Кандинский. Он тоже начинал с интереса к фольклору, отличному от увлеченности примитивизмом Гончаровой и Ларионовым и уж тем более Шагалом.

В Гренобле не обошлись без парижского периода, когда Шагал прививал фольклорному миру еврейских местечек, с его проникнутой фантазмами и фантастикой атмосферой, новейший язык парижского авангарда, пытавшегося радикализацией синтаксиса обновить всю семантику искусства. Портреты с перевернутыми головами, надписи, становящиеся частью рисунка (вроде «Шагал надоел мне думал Пикассо»), — эпоха влияет на важнейшие детали, не лишая шагаловский дух самобытности.

Dié Èèòáí ñò àéí. Black & White

Ááí à, Àëüíáðò èí à,

ãî 15.05.2011

Рой Лихтенстайн.

Чашка кофе.

1961 год.

Альбертина, Вена

В начале 1960-х в Рое Лихтенстайне, когда ему было уже далеко за 30, произошла революция. Он увлекся комиксами и газетными иллюстрациями, Микки Маусом и Дональдом Даком, причем настолько, что перестал заниматься картинами в духе царствовавшего абстрактного экспрессионизма, а начал рисовать огромные черно-белые рисунки, имитирующие офсетную литографию и ставшие сегодня классикой поп-арта. С ними напрямую связана его живопись, полная не только икон массовой культуры и откровенных цитат из рекламы, но и простодушных и бессмысленных в своей обыденности предметов вроде мячика для гольфа. Пустяк, казалось бы, безделушка, но в мире, павшем жертвой консюмеризма, уже нет неважных вещей. Рисунки никогда не рассматривались художником как подготовительные, это отдельный жанр. В целом он похож на «классического» Лихтенстайна, заявившего однажды: «Это выглядит механическим, то есть антиискусством, потому что искусство должно обладать чувствами. Но это и есть, конечно же, моя страсть: бесстрастный стиль».

Выставка подготовлена Изабель Дерво из нью-йоркской Библиотеки Моргана. Работы отбирались из европейских и американских собраний, включая частные.

АБСТРАКТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ááí à, MUMOK,

äï 29.05.2011

Ááááá Çàááá

*Áááááèèò Ðàòéüü
Òáááá áíí áííçá*

1930 ä ä

Ï óçáè ñáááá áíííáá èíèçáááá, óííá Èááááá, Ááí à

Искусство классического модерна — вечный магнит для музейной публики. Именно поэтому модерну противопоставлен усталый, приевшийся взгляд. В новых залах венского музея MUMOK коллекцию модерна, обогащенную произведениями из нескольких собраний Австрии и Германии, представляет творчество Герберта Байера и Оскара Кокошки, Оскара Шлеммера и Августа Зандера. Особый интерес вызывают работы Фридерика Кислера (1890–1965). Главный австрийский авангардист, Кислер родился в Черновцах, родине многих гениальных художников и поэтов, самый известный из которых — Пауль Целан. Кислер учился в Вене, а в 1923-м стал самым молодым членом руководимой Мондрианом и Ван Дусбургом голландской группы «Стиль». В 1924-м он начинает работу над грандиозным утопическим проектом — «Бесконечным театром», рассчитанным на 100 тыс. зрителей. Как и большинство других его идей, эта так никогда и не была реализована. Что, впрочем, не помешало Кислеру оказаться в истории среди крупнейших архитекторов века, таких, как Ле Корбюзье и Фрэнк Ллойд Райт. Не помешало — а может, так даже и помогло. Неслучившееся обладает даром редкого притяжения — не только в отношении двух людей. Даже в искусстве.

Áéáééé Ï íéðíóíá

ФИЛЬМ ДЛЯ СТАРЫХ

А ТЫ ПОЙДЕШЬ В КИНО?

Pōēē Nīēāā

ТЫ ВСТРЕТИШЬ ТАИНСТВЕННОГО НЕЗНАКОМЦА

Режиссер Вуди Аллен
Комедия, США, 2010

Я видел Вуди Аллена, или, если быть совсем точным, не его, а его двойника. (Кстати, этот человек, двойник, тоже был из Нью-Йорка: пулеметные остроты, меланхоличный вид и блестящие глаза ребенка — сейчас заплачет.) Мне любопытно: это реальный тип еврея (интеллектуал с Манхэттена) воплотился в Вуди или Вуди воплотился в толпе невротиков-подражателей?

Когда-то я смотрел его фильмы примерно с такой же скоростью, с какой он снимал. Фильмов по пять в день. Меня тогда посетила мысль, что зритель должен жить в том же темпоритме, что и режиссер. Вот тогда они друг друга найдут. Какое-то время мы шли ноздря в ноздю. Но к концу 1990-х у меня от его фильмов стало возникать ощущение, как от прозы Фазиля Искандера. Внешне это выглядело так: ты смеешься шуткам, ты благодарен, находишься под впечатлением от обаяния, самоиронии и стиля, ты улыбаешься, улыбаешься, потом улыбка у тебя становится напряженной, и в конце концов понимаешь, что этот человек тебе надоел — он гонит один и тот же поток. И только у меня возникло такое ощущение, как Вуди — хоп! — и понял! И перескочил... Честно говоря, я не знаю, как относиться к его последнему периоду. Но мне нравится уже тот факт, что человек на восьмом десятке пытается подпрыгивать. Пробует выскочить из колеи. Другой вопрос: куда он подпрыгивает?.. Все говорят: «Ах, эта его легкость!..» Это такая легкость, что уже не понимаешь: то ли ты покурил, то ли радио послушал, то ли фильм такой посмотрел. Что-то дунуло — и пропало. Как сквозняк, забытье между звонками будильника.

В «Незнакомце» мне мешает приблизительность. К примеру, когда я смотрю «Энни Холл» того же Вуди Аллена образца 1977 года, я вижу штучных людей и штучные отношения. Точно переданные. А в его последнем фильме — персонажи, как в российских сериалах. Просто пенсионер (Энтони Хопкинс) нашел себе просто девушку (Люси Панч), а та тянет из него деньги. А просто бывшая его жена (Джемма Джонс) повадилась ходить к просто гадалке (Полин Коллинз) — узнать перспективы нового брака. И т. д. Просто дочь пенсионера (Наоми Уотс). Просто ее муж (Джош Бролин). Просто его любовница (Фрида Пинто). Просто марины какие-то. А отношения их тоже — простые. От всей этой «простоты» персонажи кажутся несколько не в фокусе.

В комедиях нравов (к которым формально относится и «Незнакомец») обычно вместо людей маски, но там интерес держится на сюжете. На его темпе и мощном безумии. Там, как правило, яркая в своем идиотизме завязка. А тут все камерно, неторопливо, с тихо сияющими глазами. И от этого тихого и ласкового сияния веет такой загадкой... Начинаешь вглядываться: может, мысль какую хотят сказать? Действительно говорят. У дочери пенсионера брак трещит по швам, и она срочно ищет замену мужу-романисту. А тот

осознает, что бездарь, и ворует гениальную рукопись у впавшего в кому друга... Как рыба найдет, где глубже, так человек найдет решение, и этим решением будет предательство. Найдут все — и все обломятся. Не предаст только брошенная пенсионерская жена. По той простой причине, что у нее мозгов мало. И за это ей будет счастье. Все эти «мысли» — о том, что люди пошлые и что путь к счастью всегда ищут через измену, — режиссер сообщает нам просветленно. Не острит. Он больше не острит.

Наверно, он всегда воспринимал жизнь как чистейшую тривиальность. Но раньше у него хватало сил смеяться над этим. Конформиста он превращал в человека-ящерицу, а мужчину во время оргазма уподоблял заводскому цеху. И все это доходчиво — не на словах, а в образах. Но с годами сил смеяться, видимо, все меньше. А пошлость — вот она, никуда не делась. Наплывает с экрана алленовских фильмов. Вот только без спасительных очков иронии смотреть на нее — для этого тоже надо постареть. Ощутить в себе то ли смирение, то ли последнее отчаяние.

звучащих хоров «Смерть евреям!» или «Теперь мы освободимся от евреев», да и мстительный Елеазар рождает смешанные чувства.

Французский режиссер Арно Бернар перенес действие в условно-фашистскую среду 1930-х. Военная форма напоминает нацистскую, парящий над сценой огромный орел не оставляет простора для ассоциаций (художник Герберт Мурауер). Как спектакль «Иудейка» остается холодной, но как музыка — это событие. Тут хороши все, и оркестр под управлением Петера Феранеца, и солисты — Наталья Миронова (Евдокия) и Татьяна Рягузова (Рахиль). Последняя идет на костер, так и не узнав, кто ее отец. Но царствует на сцене Елеазар в блестящем исполнении Нила Шикоффа (он пел в подлинном талите своего отца, кантора из Бруклина) — его голос придает драме поразительную глубину, искупающую известную ходульность музыки и простодушие постановки.

Само по себе «простодушие» не является оценочным словом. Пример — обаятельный спектакль питерского «Такого театра» «Главное забыл». «Менахем-Мендл» Шолом-Алейхема по-прежнему занимателен, но это повесть в письмах, что готовит постановщику трудности. Режиссер Михаил Теплицкий извлек из нее не только актуальное (культ акций и стремление делать деньги из воздуха), но и то, без чего невозможен театр: память человеческих отношений. Правда, в блистательном актерском дуэте Ирины Полянской и Александра Баргмана лишь героиня Полянской ценит эти отношения. Менахем же, уехав однажды из Касриловки в Егупец, так и не вернется к жене и детям. Иллюзия удачи приведет его на отплывающий в Америку корабль, откуда он пошлет последнее письмо жене.

По Шолом-Алейхему ставят и более изощренные спектакли, такие, как «Marienbad» Евгения Каменьковича. Но «Главное забыл» сделан со вкусом, это редкое сегодня достоинство.

Νοιά à ἐς τὴν ἀσὸ ἀεῖ «(Α)ἰτέει ἔν».

Διὰ τὴν Ἐσὸ οὐτὸ Ἀδὲεῖ ἄτῆε

Спектакль Теплицкого участвовал в конкурсе «Маски» — как и «Ничья длится мгновение», поставленный в РАМТе Мигдасом Карбаускисом по роману Ицхокаса Мераса о шахматном матче между комендантом и узником гетто. На кону — жизнь его обитателей. Умная и сдержанная режиссура позволяет избежать ненужной патетики. Сочувствие не знает крика, глубокая боль избегает публичности. «Ничья», играемая перед зрителями, сидящими на сцене, снимает границы между жертвой и наблюдателем — так, как их может снять лишь искусство. Рецензент «Лехаима» (Ада Шмерлинг. Гетто — не только в гетто. 2010. № 6) обозначил границы гамбургского счета, завершив свой текст максималистским пассажем: «В качестве эпитафии к своему спектаклю Карбаускис поставил слова Ицхокаса Мераса о том, что “гетто — не только в гетто... только и разница, что наше гетто огорожено, а там — без ограды”. Если смысловой код спектакля Карбаускиса таков, как он заявлен в программке, тогда никакой системной ошибки в “Ничьей” нет. Спектакль ровно об этом. Однако, если вы считаете, что этой мысли мало для спектакля о гибели шести миллионов евреев, сожженных в печах нацистских концлагерей <...> тогда вы вряд ли будете требовать выхода режиссера на аплодисменты. При всем к нему уважении». Но обязано ли искусство мерить себя историческими трагедиями — при всем их ужасе? Не оказывается ли груз ответственного за все чужеположенным самой природе искусства? Трагизм «Ничьей» настолько силен, что превращать спектакль в рассказ о шести миллионах кажется неуважением к истории тех героев, кому отдана сцена.

Любое обобщение исходит из конкретной судьбы и к ней возвращается. «(А)поллония» Кшиштофа Варликовского строится вокруг рассказа о польской женщине, прятаншей в годы войны евреев.

Мать троих детей, ждущая четвертого, она была казнена немцами. Десятилетия спустя, на телевизионном ток-шоу в Израиле, ее сын кричит спасенным: «Что мне в ее подвиге, если я лишился матери?!» Рассказ о польских реалиях 1940-х (о них в стране до сих пор не говорят в полный голос) накладывается на рассказ о жертве и жертвенности, о том, как ее понимали в европейской истории. Варликовский использует античные мифы об Алкесте и Ифигении, вспоминает судьбу Януша Корчака — чтобы вернуть зрителя к вопросу о человеческой природе. Второй акт начинается с научного доклада о немецких опытах над обезьянами на острове Мадера. В результате недолгих дрессировок появляется возможность повлиять на примата так, чтобы тот потерял способность к сложным решениям и деградировал к примитивному образу мысли и действия. Режиссер провоцирует, бросая вызов и современным тенденциям в культуре, и зрителю в частности. Особенно, как выяснилось, зрителю московскому. Споры, разгоревшиеся после показа «(А)поллонии» в прессе и социальных сетях, заставили усомниться в адекватности нашей публики. Кажется, Россия все больше выглядит культурной провинцией, где современный театральный язык оказывается для большинства недоступным наречием.

18 ОЛИВ ДЛЯ ЛЮБИМОВА

DAI'IA

Юрий Солодов

Фойе Театра на Таганке. Юрий Любимов встречает гостей, раскланивается со знакомыми. Вид — победительный. Дорогой костюм, пижонский черный шарфик, глаза такие живые, что кажется — плавают впереди лица. Юрий Петрович стойко выдерживает небольшой водоворот журналистов, явно получает от этой суеты удовольствие.

Da'ia q'ia'ia P de' E'ra'ia ia..

Тема вечера: «Юрий Любимов и Вечный город Иерусалим». Мой вопрос: «Что-нибудь из театрального мира Израиля вам показалось интересным?» — как будто вызывает у него удивление. Я развиваю: «Вы же видели там какие-то постановки? Что-то на вас произвело впечатление?» Любимов пожимает плечами и произносит решительно: «Нет. Впечатления сильного от их драматического искусства у меня не было». И с вызовом добавляет, что театр «Габима» стал провинциальным.

В отличие от коллег, для Иерусалима у Юрия Петровича находится гораздо больше теплых слов:

— Меня пригласил мэр города Тедди Колек, ныне покойный, — вспоминает Любимов. — Пригласил, когда я был лишен советского гражданства. Я тогда вынужден был часто менять места проживания, страны, театры... Так что его предложение было более чем кстати. Тедди — человек, который фактически создал облик сегодняшнего Иерусалима. Он отстроил его заново после Шестидневной войны. Это человек, который вставал каждый день в пять утра и проезжал по всем улицам, наблюдая, что там происходит. Как строят. Чтобы был камень, который нужен. Чтобы не было никакого безобразия. У Тедди была квартира в красивом месте — для гостей, к которым он проникся какими-то чувствами. И в этой квартире я жил. Сидел на балконе и смотрел, как восходит солнце. Как заходит солнце... Удивительные краски. Иерусалим становится вначале золотым, потом красноватым, потом сиреневым. А потом как-то исчезает. А утром он возрождается... Иерусалим вызывает разные чувства в старом человеке. Вызывает желание обдумать жизнь. И вопрос: как дальше ее строить? В нем растворяешься. Город завораживает, расслабляет. Мне говорили, что Артур Миллер приезжал сюда, хотел поработать, но потом раньше времени уехал. Сказал, что не может здесь работать: город завораживает, расслабляет. И действительно, ты просто сидишь и созерцаешь... это чудо. В какой-то момент я подумал: «Ну все. Хватит». И вернулся в Москву. Работать. Восстанавливать театр.

На вечере посол Израиля госпожа Дорит Голендер рассказала, как родилась идея вечера:

— Перед моим отъездом на дипломатическую службу в Москву ко мне обратилась Клара Эльберг, директор Русской библиотеки в Иерусалиме, с просьбой вручить книгу «Ветераны войны — иерусалимцы» Юрию Любимову. Эта книга была издана в Израиле в честь 65-й годовщины второй мировой войны, в ней фигурирует и Юрий Любимов. Так как Любимов неразрывно связан с Иерусалимом, в котором он жил и работал, мне, безусловно, захотелось передать подарок в праздничной атмосфере.

Помимо книги Юрию Петровичу был вручен также почетный сертификат на 18 оливковых деревьев, посаженных в Израиле в его честь Российским еврейским конгрессом. Количество деревьев в роще выбрано не случайно: буквы, обозначающие в иврите число 18, одновременно составляют слово «жизнь».

Выступления официальных лиц перемежались эффектными руладами еврейских молитв в исполнении актера Театра на Таганке. В какой-то момент Юрий Петрович задумчиво спросил у актера: «Саша, а не много ли ты поешь?» И улыбнулся мягкой, режиссерско-людоедской улыбочкой. Я так понял, это шутка была. Профессиональный щипок. Чтобы актеры не расслаблялись.

...Что касается собственно вечера, то, как ни странно, он не показался срежиссированным. А наоборот — спонтанным, хаотичным и каким-то клочковатым, что ли. Впрочем, не исключено, что сам Любимов и не имел отношения к его организации.

ОБ ОБЫВАТЕЛЯХ И КОЛЛАБОРАЦИОНИСТАХ

НАШ КИНОЗАЛ

Èðàíà Ì àé

Ì Ì ÑËÄÄÌ ÁÁ Ì ÁÒÐÌ

Ðàæ è ñèä Òðàí ñà Òðòóóí

Òðàí öèÿ, 1980

Я тщетно пытаюсь вспомнить, когда в СССР впервые показали «Последнее метро» Трюффо. Это был внеконкурсный — или ретроспективный? — показ Московского кинофестиваля последних предперестроечных лет. Кажется, 1983 год: Франсуа Трюффо, один из идеологов французской «новой волны», был тогда еще жив.

Впрочем, в Союзе о Трюффо почти никто не знал. Зато абсолютные звезды, даже в глазах наших людей, — Катрин Денев и Жерар Депардьё — выступали в картине в главных ролях. Она — примадонна Марион Штейнер, возглавившая театр вместо якобы сбежавшего от нацистов мужа. Он — приглашенный из театра «Гранд Гиньоль» первый любовник Бернар Гранже. Но более всего поражало место действия: военный Париж, переполненный, несмотря на присутствие в городе фашистов, театр «Монмартр» и его подвал, в котором прячется не успевший скрыться директор театра Люка Штейнер, в недавнем прошлом — польский еврей. И именно это тогда потрясло больше всего.

В последние десятилетия советской империи даже слова «еврей» не произносили публично. Для нашего ТВ существовала «израильская военщина», а «евреи» — нет. В Киеве на памятнике в Бабьем Яре (а точнее, рядом с ним) было указано число жертв — просто советских людей. Тогда как в «Последнем метро» про евреев — в каждом кадре. Актеры, подписывая в театре новый контракт, свидетельствуют, что среди их родителей евреев нет. Газеты сообщают, что первоочередная задача, стоящая перед администрацией театров, — выявить всех евреев в «Комеди Франсез». Полторы тысячи писем в день, выявляющих евреев среди соседей, знакомых и друзей, пишут в полицию толпы парижан, — сообщая эти убийственные факты, Франсуа Трюффо не жалеет никого.

Принято считать, что — да, имели место коллаборационисты, стремившиеся услужить правительству Виши, но было их абсолютное меньшинство, а все прочие французы так или иначе сотрудничали с Соппротивлением. Трюффо объяснил: все не так. В фильме в Соппротивление уходит только герой Жерара Депардьё. Рестораны и кабаре заполнены немцами и людьми, которым немцы не слишком мешают. Певица поет шлягер Шолома Секунды «Bei mir bist du schön», вставляя именно немецкие слова, а не идиш во французский текст. При этом никто не мог упрекнуть Трюффо в незнании истинной истории своей страны.

— «Последнее метро» — не тот откровенный фильм об оккупации, который я мог бы сделать и, может быть, сделаю когда-нибудь, — признавался режиссер в интервью журналу «Кайе дю Синема», — это была бы история маленького мальчика, который обнаруживает обман взрослых. Мне было восемь лет в начале войны, двенадцать — в конце ее, и в промежутке я открыл для себя мир <...> взрослых, раскрывшийся передо мной в юности как средоточие гнилости и безнаказанности.

В фильме тоже есть мальчик — сын костюмерши. Его отец — якобы несправедливо отправленный в концлагерь как еврей француз. Может быть, Франсуа Трюффо имел в виду себя. Принято считать, что он был французом. В действительности французом он был усыновлен, его настоящий отец — юрист и еврей Ролан Леви — расстался с матерью Франсуа, когда тот еще не появился на свет. Выйдя замуж, она уговорила мужа усыновить ребенка. Пошло ли это ему на пользу — большой вопрос.

Во время войны его родители увлеклись альпинизмом. Они уходили в горы, бросая мальчика на попечение бабки. Франсуа испытал на себе все пороки общества и угодил в колонию за кражу, прежде чем увлечься кино. Вопреки воле матери-антисемитки он женился на Мадлен Моргенштерн, дочери

преуспевающего продюсера, который впоследствии финансировал его первые фильмы и хорошо заработал на них. Прежде чем развестись с Мадлен, Франсуа стал отцом двух дочерей.

По большому счету, свои картины Трюффо так или иначе снимал о себе и тех, кто был ему близок. О великих женщинах — Жанне Моро, Франсуазе Дорлеак — погибшей в автокатастрофе старшей сестре Катрин Денев. Трюффо слыл донжуаном и даже заявил, что, как Гитлер и Сартр, не терпит мужского общества после семи вечера. Его последний фильм — «Соседка», с Фанни Ардан, матерью его младшей дочери Женевьевы, и Жераром Депардьё, — можно рассматривать как посвящение его собственному многолетнему роману с Катрин Денев. И то, что перед «Соседкой» Трюффо снял со своей музой «Последнее метро», — больше чем просто факт творческой биографии. Последние годы жизни Трюффо, умершего в 52 года, в 1984-м, от опухоли мозга, они были друзьями, единомышленниками, близкими людьми. Режиссер пригласил Денев, признанную иконой французского кино, чтобы из ее уст французы услышали страшную правду о себе.

«Марион Штейнер не берет в свой театр евреев», — говорит кто-то из героев. Не берет, потому что боится навлечь беду на театр, в подвале которого прячется ее муж. О тайне Марион в труппе не знает никто — у каждого здесь свои секреты. Художница Арлетт — лесбиянка, режиссер Жан-Лу — гомосексуалист. Юная Надин готова сниматься у немцев, потому что хочет играть. В театре каждый идет на свой компромисс, и Трюффо их прощает. В его фильме только один антигерой — критик Даксия, сотрудничающий с немцами и пытающийся гнобить в своей антисемитской газете независимый театр.

Этот ненавистный образ — обобщенный персонаж, «румяный критик мой...» Все самые порочные фразы Трюффо вкладывает в его уста.

— Французский театр должен быть очищен от евреев — от чердаков до суфлерской будки. Потому что если мы оставим еврея-суфлера, то очень рискуем со временем увидеть его директором театра. Пусть эти господа знают: Франция потеряна для евреев. И не значит ли это для Франции, что на три четверти она спасена?

И все-таки критик действительно был.

Жан Маре, актер, чьими достоверными воспоминаниями вдохновлялся Трюффо, собираясь снимать фильм, упоминает никчемного критика Алена Лобро, сделавшего себе карьеру при фашистах на грязных антисемитских пасквилях и с их уходом бежавшего из Парижа. Критик тоже опоздал на премьеру — в реальной жизни, как и в кино. В «Комеди Франсез», на спектакль «Королева мертва». И сцена с избиванием критика тоже слезана с него. Только бит Лобро был не за лживую рецензию — он назвал педерастом Жана Кокто. И хотя Кокто из своих сексуальных предпочтений тайны не делал, отомстил за любовника и друга именно Жан Маре. Он же фактически подарил фильму Трюффо название, рассказав о последнем поезде, на который надо было успеть после спектакля, чтобы не попасться немцам в комендантский час.

Ὅλοι πᾶ ὀφροῖ ἐ Εἰσὸδεῖ Ἀγαῖ ἰ ἰ πᾶῖ εἰσὸ δεῖν ἰ «Ἰ ἰ πᾶῖ ἰ ἰ ἰ ἰ».

1980 ἰ ἰ

— Директора и директрисы театров, — цитировал Трюффо, — всегда утверждают: «Немецкие офицеры бывали во всех театрах, кроме моего». В действительности немцы ходили во все театры, отдавая предпочтение «Комеди Франсез».

Когда фильм впервые показали в Москве, мы ничего этого не знали. Многие и имени такого не слышали — Франсуа Трюффо. Едва ли кто-то был в курсе, что, когда в 1974 году посадили в тюрьму Сергея Параджанова, Трюффо был среди тех, кто подписал петицию за его освобождение. Петиция, как известно, не помогла. А в 1983-м снобы и умники, считавшие себя посвященными, говорили: «От Трюффо мы ожидали большего». Сегодня очевидно, что не ожидали они и не поняли про один из его лучших фильмов ничего.

Новые времена все-таки пришли. Теперь, когда многократно повторенное слово «еврей» не удивит никого, можно смотреть фильм непредвзято. И понять, что история — про театр и про любовь.

— В вас живут две женщины, — говорит красавице Марион Бернар-Депардьё, — одна замужем, но не любит мужа, а вторая...

— Не надо гадать, все равно не поймешь, — отвечает ему Марион-Денев.

А про театр — потому что фильм про кино — первый из предполагаемой трилогии об основных жанрах искусства, картину «Американская ночь», режиссер уже снял в 1973 году. Третий фильм снять не успел.

Трюффо здесь — настоящий адвокат театра. Да, актеры играют на сцене и в жизни, но порядку, установленному фашистами, открыто служить в большинстве своем не стали. В отличие от многих зрителей — обычных горожан. Искусство не умирало во Франции в годы войны. Марсель Карне снимал своих «Вечерних посетителей», волшебный миф, в котором нет ни слова о войне. Но для нас он самый что ни на есть антивоенный фильм.

Трюффо любит артистов. Артисты лучше обывателей. В своей игре они честнее, талантливее, умнее. И скорее останутся в веках.

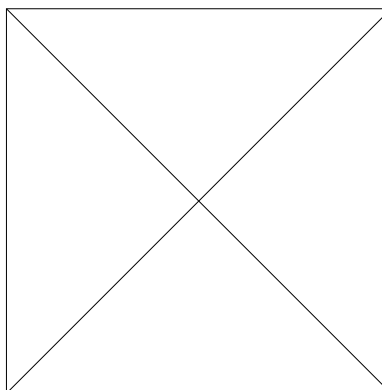
ИЗРАИЛЬ: ПОЧУВСТВУЙ СЕБЯ СВОИМ!

Аркан Карив

Когда окажетесь в Израиле, этот путеводитель станет вашим *Vademecum*. Он научит вас располагать к себе людей, адекватно реагировать в любых ситуациях, не пропасть на улице или в транспорте, заводить или отвергать знакомства и половые связи, демонстрировать глубину чувств и эрудицию, а также тонкое знание местных реалий и культурных кодов. Вскоре вы станете своим среди чужих. И возможно, некоторые из этих чужих вскоре покажутся вам своими.

יְדַעְאֵו

Израиль — солнечная гостеприимная страна. Если раньше на границе она отфильтровывала террористов, то последние лет двадцать, в связи с потеплением климата в отношениях со славянскими странами, еврейское государство озабочено отловом блядей. Под подозрение попадают практически все дамы фертильного возраста, особенно блондинки. Но и брюнеткам приходится несладко. Допрос может показаться вам возмутительным. Постарайтесь сохранять спокойствие. Озадачьте юных дзержинцев:

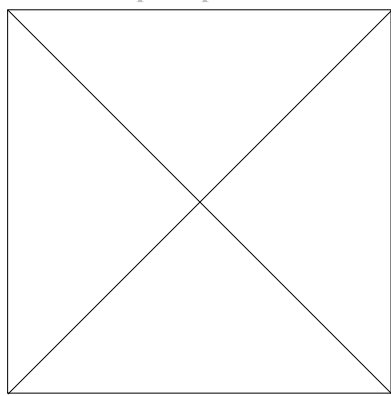

ма, ани нире'т леха' зона' о мехабе'лет?
проституткой или террористкой?

— Я тебе что, кажусь

Насладитесь эффектом и забейте на досадные неприятности, доставляемые нам СБ по всему миру. В конце концов, это всего лишь игра. Почувствуйте себя Матой Хари [1].

[1] Совсем забыл: ее же расстреляли! Но она при этом попросила не завязывать ей глаза.

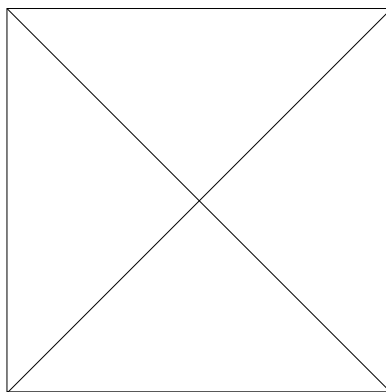

брухи'м а-баи'м!

— Добро пожаловать!

אֲוֹיָא יָא נְאִיָאֵו

Даже если вам никто не досаждал в порту имени Старика БГ[2], на выходе из него вы почувствуете облегчение и окунетесь в облако светлых эмоций. Погода почти круглый год приятная, автостряды чистые и ровные, Люди доброжелательные. А оставшиеся позади неприятности — отзовитесь о них мужественным девизом израильской десантуры:

кайф![3]

локхи'м эт а-ба'са бэ-саба'ба!

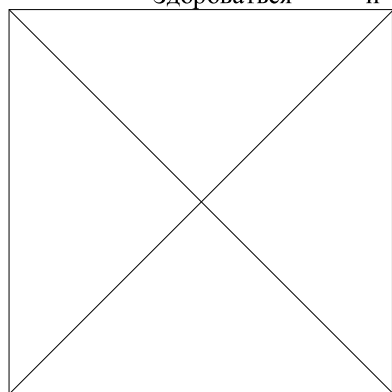
Нам обломы только в

[2]. *Áááá Ááí-Áóóéíí, íáááé íááí üüü-í éíéíóð Èçááééý. «Ñóááééíí » ááí íáçíááéé á íóéóííóóó, éíáý. Íáéí éç íáááááíáíóó éíçíááá óááá éáí éá-çáéáí! (Ñéááéé Ñóááééó «áá»!)*

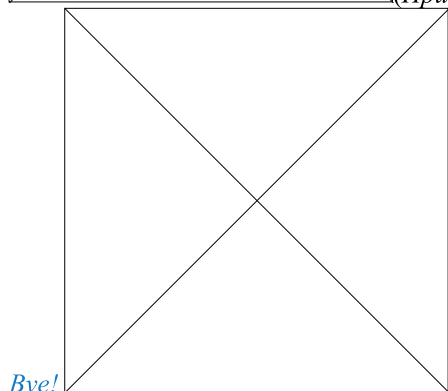
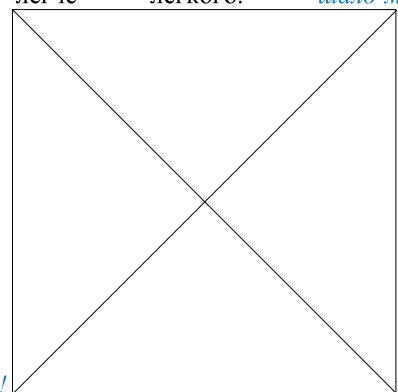
[3]. *Á íóéíóéíá, Íááóáááé óéá íáááé: «Íí ííðáçéáíüý íó ííááü óü íáí íá áíéçéáí íóéé-áóü».*

ÐÁÁÎÑÕÛ ÎÁÛÁÍÈß. ÎÁÐÁÛÁ ØÁÁÈ

Здороваться и прощаться на иврите легче легкого: *шалó'м!*

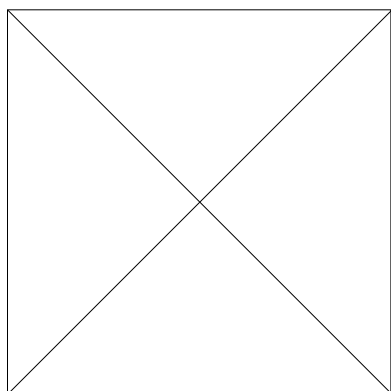
(Привет! — он же Пока!). Англицизмы *Hi!*

Bye!

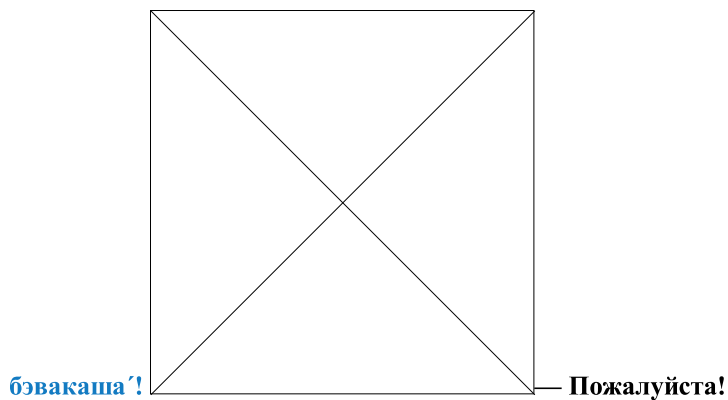
тоже котируются.

Вам понадобятся элементарные формулы вежливости:

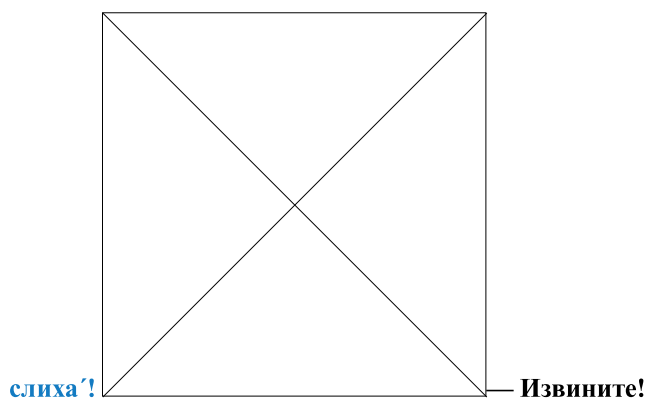
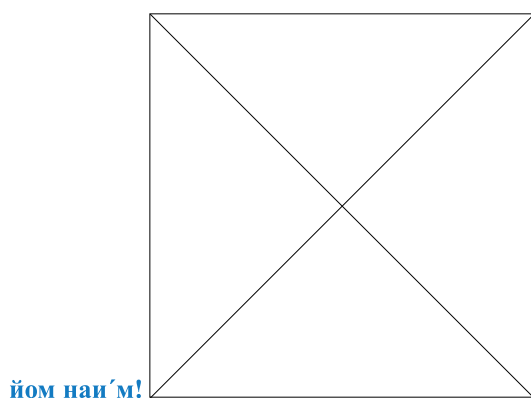

тода'!

Спасибо!

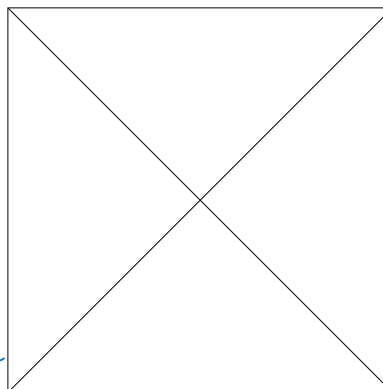
Не скупитесь на хорошие слова. В отличие от России, где лишнее «будьте добры!» вызывает подозрение, в Израиле все позитивное воспринимается с радостью и благодарностью. Расставаясь с таксистом, киоскером или официанткой, желайте им хорошего дня:

Слово мультифункциональное, значение задается интонацией:

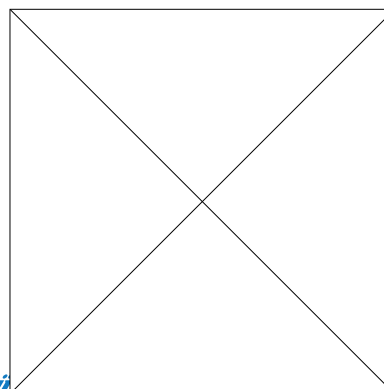
- вежливо-вопросительной, чтобы привлечь к себе внимание;
- громкой и твердой, чтобы осадить того, кто лезет без очереди. Израильяне часто норовят втереться без очереди, но, будучи в этом уличены, делают вид, что просто не заметили.
- отрывистой и сухой, если вы кому-нибудь наступили на ногу.

×ÀΘĒÀ ĒÎŌÁ — ĒÎÑĒÀŌÁ

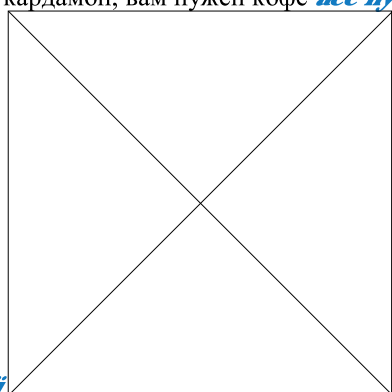

То, без чего израильян невозможно представить. Еще труднее — понять. Без нее никуда. Она — альфа и омега. Ну уж альфа — точно! Потому что с нее все начинается — с чашки кофе, *éîî éàòá* Если израильянин не выпьет утром *éîî éàòá* он будет мучиться весь день, а к вечеру помрет.

Научитесь готовить кофе по-израильски. Ведь джеззу дома почти никто из этих дикарей не держит. Возьмите невысокий узкий стеклянный стакан (он все равно будет называться *кoc* — *чашка*). Сыпаните в него, не жидясь и не жалея, черного кофе и залейте крутым кипятком. И сразу начинайте аккуратно сыпать сверху тонкой струйкой из чайной ложечки сахарный песок в количестве по вкусу. Полюбуйтесь, как медленно поглощает кофейная гуща сахаринки, а потом тонет под их тяжестью, опускаясь на дно как подбитый эсминец. Теперь десять секунд интенсивного помешивания, еще полминуты дать отстояться, и — ваш *áîö ãòîá áîö* на иврите — *грязь*. Так называется кофе ленивого приготовления. Но он очень вкусный! Особенно утром. Со сна.

Если не переносите кардамон, вам нужен кофе *áèè ħyèü* [4]. Если,

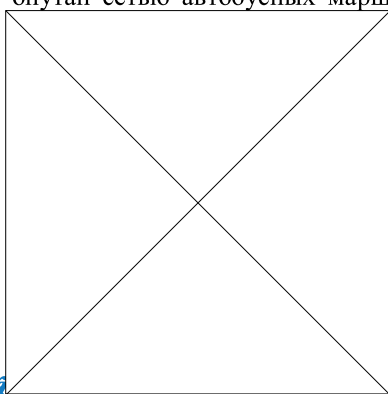
наоборот, любите, — *èì ħyèü* О симпатических свойствах *кoc кафе* мы поговорим в дальнейшем.

[4]. *h î ðîèçí îîè òîîý èàé á àí áèèéîèîî ħave*

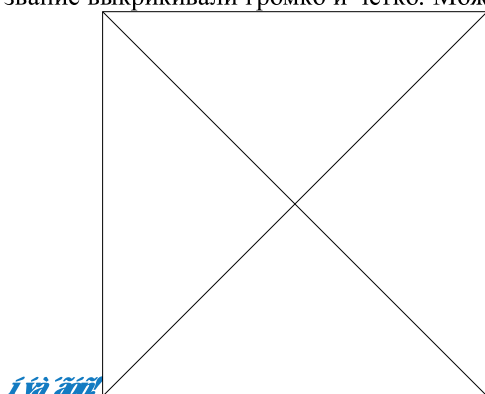

עֵאֵי אֲדָאָאֵאָאָוּנֵב

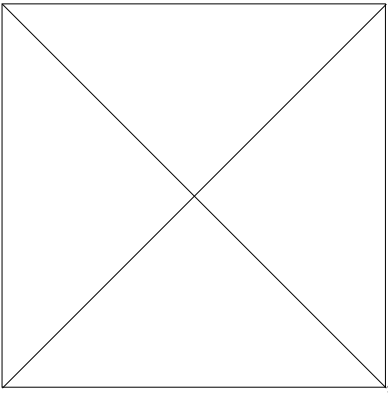
Израиль плотно опутан сетью автобусных маршрутов и набит таксомоторами. Так что главное

транспортное слово — *אי אָ*, *водитель*. Израильский *נעג* привык, чтобы его звание выкрикивали громко и четко. Можете блеснуть и обратиться к *אי אָו* в амикошонско-армейской манере:

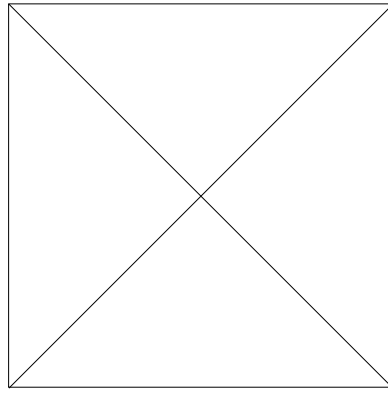

Ваше обращение к *נעג* может быть вызвано тем, что он проехал нужную вам остановку или тронулся до того, как вы вытащили рюкзак из багажника. Но вы также всегда можете свободно поинтересоваться у водителя автобуса (или *маршрутки*, которая называется *עֵאֵבֵוֹ*

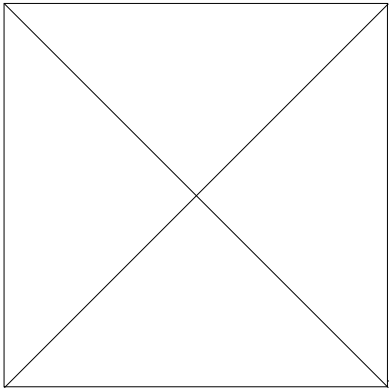
довезет ли он вас до нужного места:

не перепутайте с шерути́м

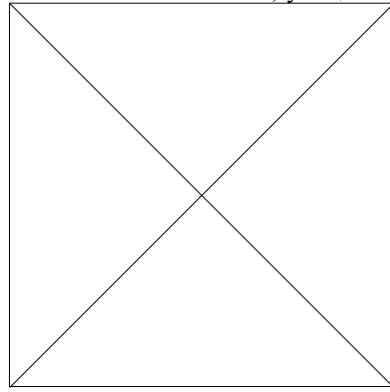

туалет),

í yáál àòà í àà à éá?.

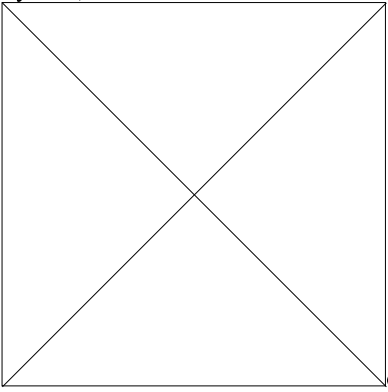
и добавьте название остановки, улицы или города. Ответ вы, я

думаю, поймете. На всякий случай:

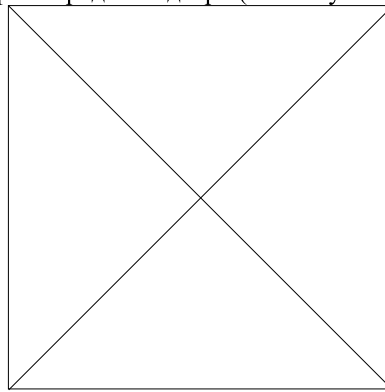
кен

означает да, лё

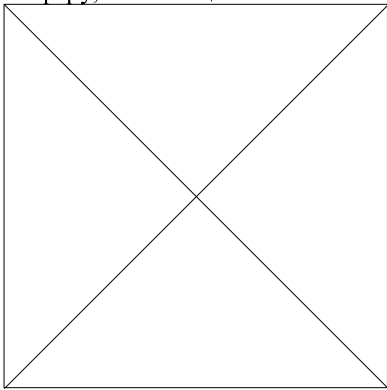
означает нет.

Заходить в автобус следует через переднюю дверь (но это уже и в Москве так) и, протянув деньги

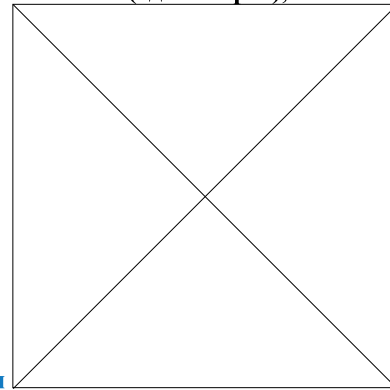

шоферу, сообщить: **па'ам** аха'т

(один раз), или **í ààì à èì**

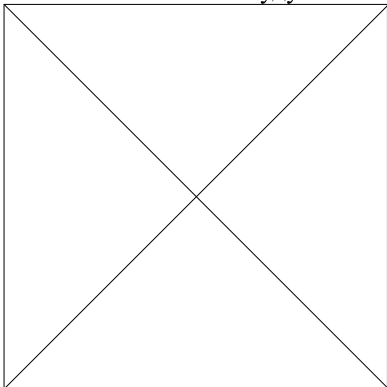
(два раза), или **шало'ш паами'м**

(три раза).

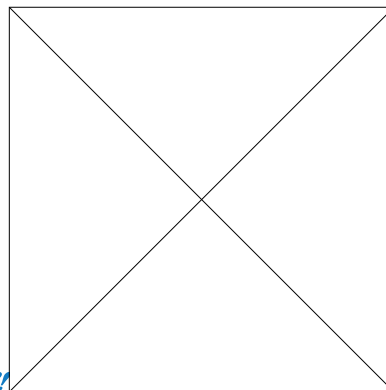
Ну и хватит.

Израильские таксисты очень болтливы. В профессиональном плане, как правило, не мухлюют. Разве что счетчик забудут включить. А потом назовут сумму — иди проверь! Пожелание **ì ííý, áýààèàà!**

(**íí-àò÷èè, ííæàèèéñòà!**) излечит водилу от Альцгеймера.

Если вы сами за рулем, то ключевая фраза для общения с другими водителями такая:

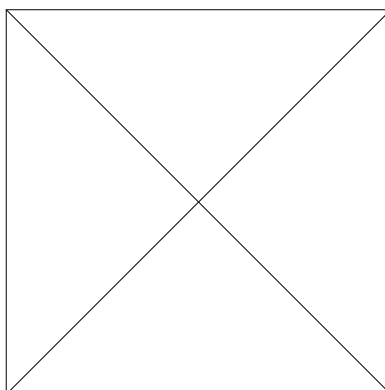
ì è íàòà í éàà' ðèèéí í?!

— Кто тебе вообще права выдал?!

При обращении к женщине вместо **éàà** употребляется **лях**.

ÍÀ ÒËÁÁÎ Ì ÁÄÈÍ ÛÌ — È" ÀËÛ ÈÁ ÕÁÌ ÈÁÁÁÎ

Это — из монолога, который произносит Моисей перед евреями, прежде чем запустить их наконец в Землю обетованную (Дварим, 8:3). Жизнь там обещает быть сытной. До этого Моисей сорок лет водил народ по пустыне и кормил по Женевской конвенции. Теперь он выражает надежду, что этот долгий team-building привил избранному планктону ценности более возвышенные, нежели просто желание пожрать.

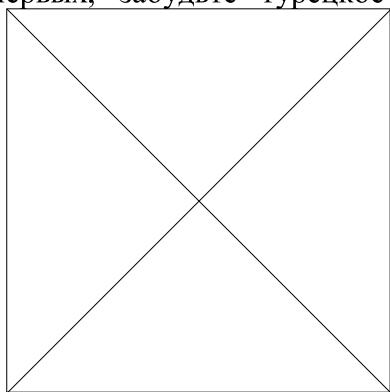

лё аль ле'хем левадо' (хай ада'м).
(жив человек).

— Не хлебом единым

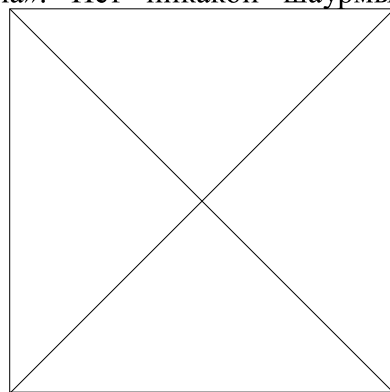
Про духовное у нас с вами еще так много дискурса впереди, что давайте-ка пройдемся пока по израильской улице и поглядим, чем на ней можно и нужно поживиться из конкретных даров общепита.

Во-первых, забудьте турецкое слово «шаурма». Нет никакой шаурмы, есть

шава'рма

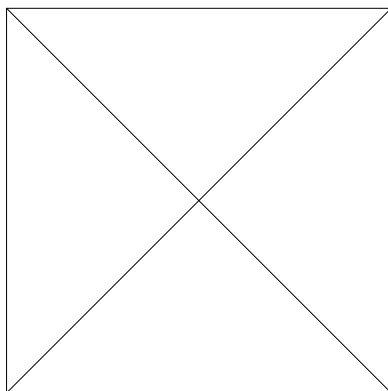
или *шва'рма*

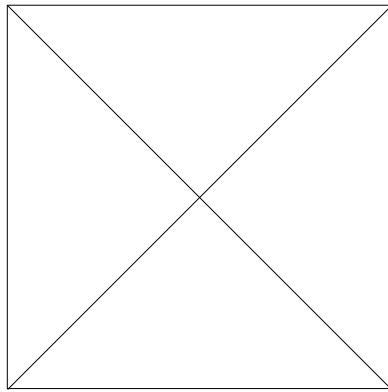
Она

продается на каждом шагу и существует в трех ипостасях:

а) В *ни'те*. *Пита* — полая лепешка, в которую укладывается *шаварма* и наполнители.

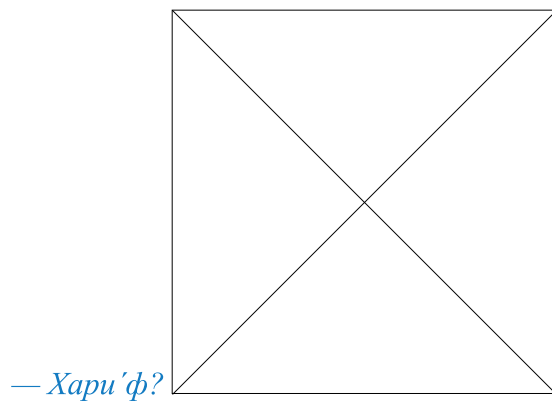
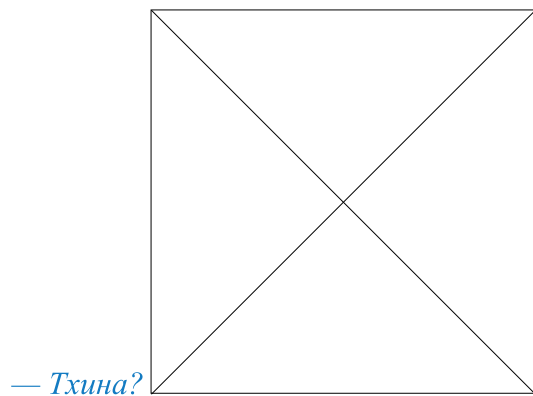
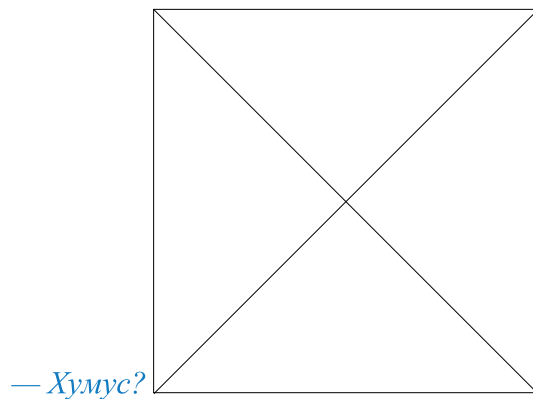

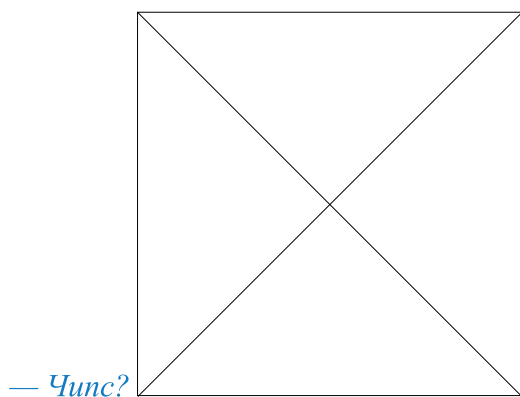
б) В *ля'фе*. *Ляфа* — иракская лепешка, напоминает лаваш, но другая. В нее *шаварму* и наполнители заворачивают.

в) *Ба-цала'хат* *На тарелке.* Не брать никогда! Тот же контент, только в полтора раза дороже.

Прежде чем выложить *шаварму* в *питу* или в *ляфу*, продавец задаст вам следующие вопросы (все или некоторые из них):

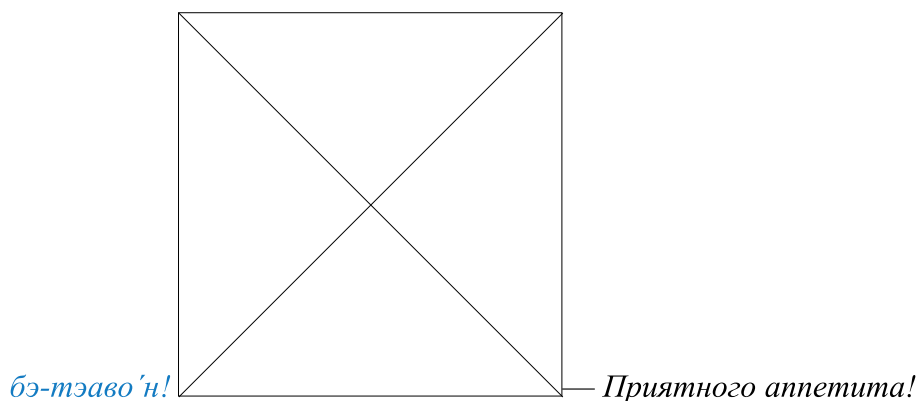

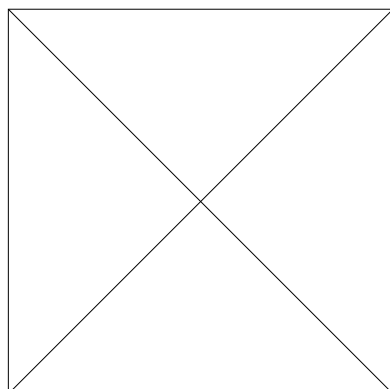

Что тут непонятного? Ответы *кен* и *лѐ* вы уже знаете. *Хумус* и *тхина* — это такие неострые приправы, даже в Москве в некоторых супермаркетах продаются. В крайнем случае, попробуйте на месте — они, как правило, стоят на столиках в больших тубиках, как для кетчупа. *Хариф* — адски острая смесь, и, если вы все-таки захотите рискнуть, не

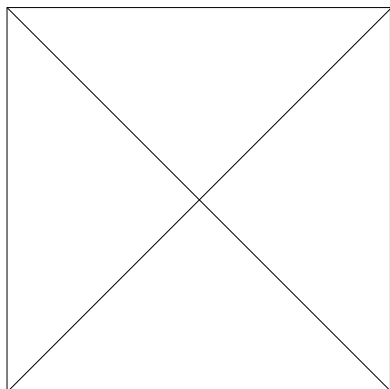

М. В. Все салаты, выставленные в свободном доступе, совершенно бесплатны. Поэтому самый эффективный способ такой: откусили кусочек — подложили салат; откусили следующий — подложили еще. И *тхину*, *тхину* халявную не забывайте сверху подливать!

Фала'фель — вегетарианский брат *шавармы*. Все то же самое, только вместо ломтиков индейки — шарики растительного происхождения.

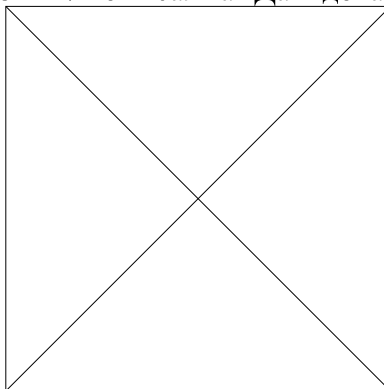

Сабих. Из уличных блюд он хоть и незатейлив по составу (яйца, овощи), но на него можно запросто подсесть и сделаться зависимым. Вот сюжет о сабиховых чарах:

Ī, ĒĀDŌŃĀĔĔĪ!* — *Ī, ĒĀDŌQĀĔĀĔĪ!

Очень надеюсь для вашего же блага, что вы поселились в Тель-Авиве, недалеко от моря, где-нибудь в районе улиц Яркон-Дизенгоф, в недорогом отеле, а еще лучше — у друзей, у которых не дом, а проходной двор и парочка очаровательных деток в памперсах, но уже умеющих скрутить косяк. Но даже если судьба оказалась благосклонна и все примерно так и сложилось, вам все равно не избежать посещения Иерусалима.

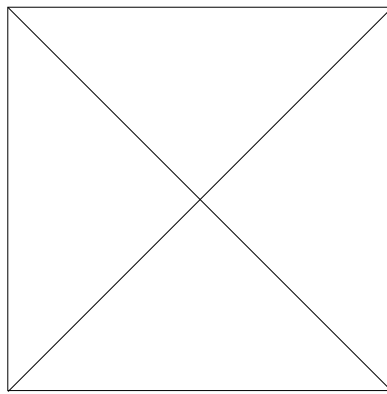
По дороге в единую и неделимую столицу еврейского государства нет смысла глазеть по сторонам — там сплошные луга да коровки, прямо Белоруссия какая-то! Выучите лучше знаменитый стих из 127-го псалма Давида: *Если я забуду тебя,*

Иерусалим! (им эшкахэх йерушалаим!)

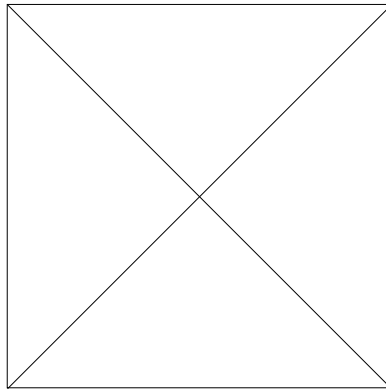
И вот каких проклятий желает себе царь, если забудет Иерусалим:

тишка 'х йемини!

— Пусть забудет меня десница моя!

тидбак льшони ле-хики!

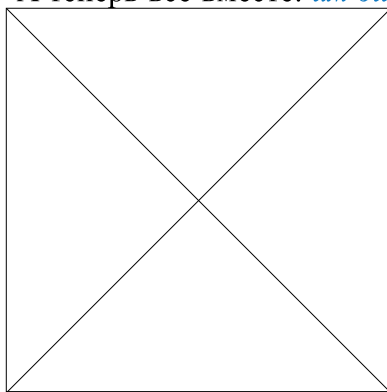

— Пусть язык мой прилипнет

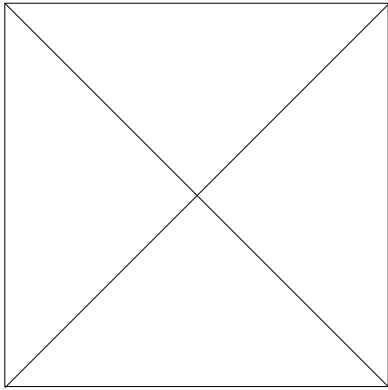
к гортани!

А теперь всё вместе: *им эшкаэ 'х йерушалаим, тишка 'х йемини, тидбак льшони ле-*

хики!

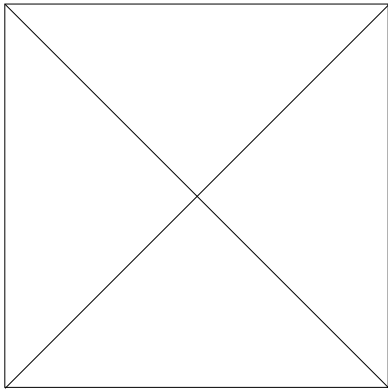

После Войны за независимость в 1948 году Восточный Иерусалим остался за Иорданией. Граница проходила прямо по улице. Не Берлинская стена, конечно, но много колючей проволоки. Однако евреи Иерусалим не забывали. И когда в июле 1967 года разразилась Шестидневная война, то десантники полковника Моты Гура взяли Старый город на третий день. Самой большой святыней Иерусалима считается для евреев одна-единственная стена, оставшаяся от Второго храма. Его разрушил в 70 году Тит Флавий. А первый Храм, построенный сыном Псалмопевца, царем Соломоном Давидовичем, задолго до этого снесли вавилоняне. Оставшаяся от Второго храма стена называется *котель*

Прорвавшиеся к ней десантники Гура были в такой ажитации от всамделишного библейского перформанса, что разрыдались на месте.

А сам полковник передал по рации: *а-ко'тель бэ-ядэ'ну!*

(Котель в наших руках!) Этой культовой фразой вы сможете импровизнуть во многих ситуациях. Для начала произнесите ее прямо там, напротив *котеля*, и вы увидите, как блеснут слезы благодарности в глазах ваших чичероне.

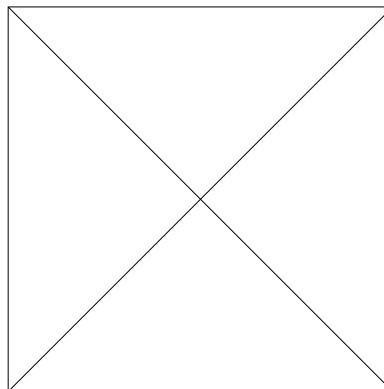

Вам, может, интересно знать, почему евреи молятся у останков дряхлой стены, вместо того чтобы отстроить brand new Третий храм? Да потому, что, пока они осваивали Европу, мусульмане освоили Палестину, а на Храмовой горе возвели две мечети. На одну из них, Аль-Аксу, перенесся на своем крылатом коне пророк Мухаммед. Там он имел совместную молитву и сердечную беседу с пророками Мусой и Исой[5]. Из Большой Тройки монотеистических религий ислам был в те времена самым толерантным. Иудаизм сегодня

тоже довольно толерантен и мечеть Аль-Акса с целью постройки Третьего храма сносить пока не собирается.

[5]. Муса — Моисей, Иса — Иисус.

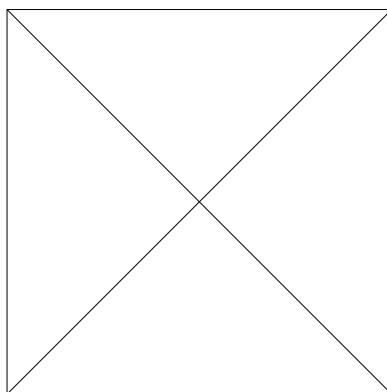
Во время прогулки по другим кварталам Старого города, с преимущественно арабоязычным населением, вам пригодятся две фразы. По-арабски. Одна — факультативная. Просто если вам любопытно, что именно кричат со своих минаретов муэдзины во всем мире. Они кричат:

— Нет

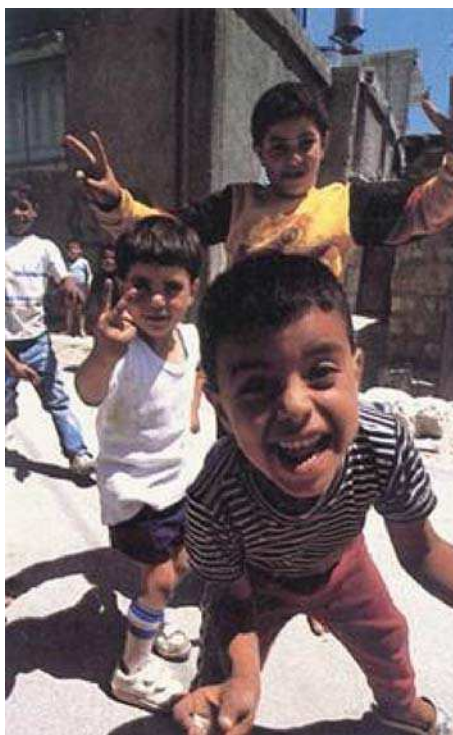
лѐ алла' ил-алла'! у-муха'ммед рассу'л алла'!
Бога, кроме Аллаха! И Мухаммед — пророк Его!

Другая фраза совершенно необходима, чтобы отваживать назойливых мальчишек-торговцев. Взгляните мальчишке строго прямо в глаза, желательно сквозь темные очки, и вкрадчиво спросите:

— Хочешь иметь проблемы?

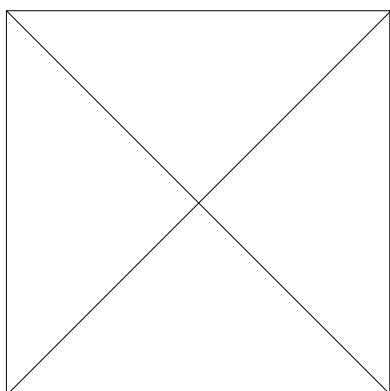
би'ддак муша'кель?

Безошибочно узнав в вас сотрудника ШАБАКа[6], ребенок поспежит раствориться в толпе, и больше вы его никогда не увидите.

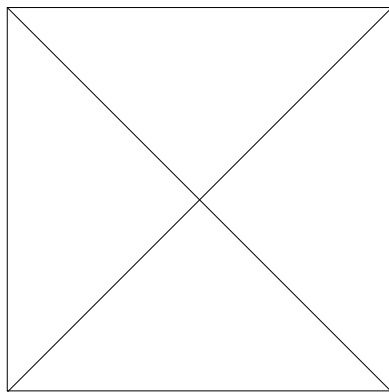
ТИЮ́ЛЬ И ХАВАЯ́

Формообразующие понятия израильской жизни. И вы только что к ним приобщились.

тию́ль

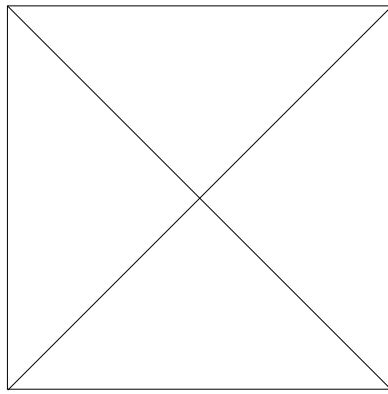
прогулка, прогулка с собакой, туристический поход, краеведческая вылазка, экскурсия, заграничная поездка. Внутренний туризм, в том числе пеший, очень популярен в Израиле. В определенном смысле, это часть идеологии. Поскольку моральное право евреев на Землю Израиля зиждется на боговдохновенной Книге, им жизненно важно помнить, как у них тут все было обставлено в библейские времена.

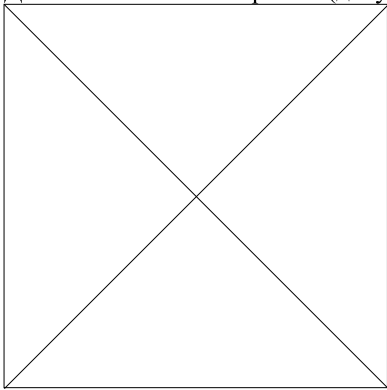
да эт арцеха!

(Знай свой край!) — этот лозунг последовательно

проводится в жизнь всей системой образования. В конце учебного года, школьников, например, обязательно во-

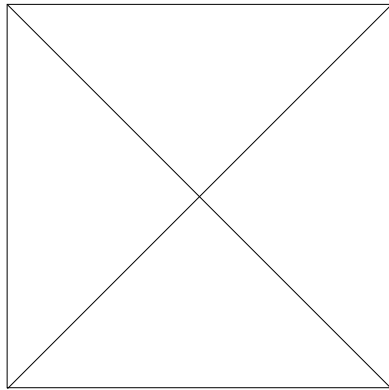

зят на *тиоль инати'* (ежегодная экскурсия) на несколько дней по стране.
 Дембеля после трех (девушки — двух) лет в армии отправляются в *тиоль-шихру'р*

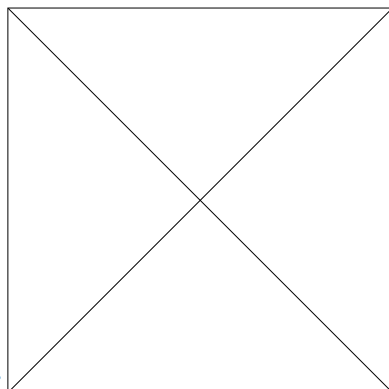

(постмобилизационный вояж). Кто куда: в Европу, в Америку, в Антарктиду.
 Посмотрите маленький сюжет о только что дембельнувшихся израильтянах в Индии[7]:

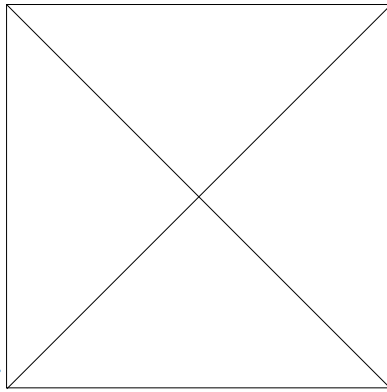
[7]. Из сатирической программы эрец неэдерет («Прекрасная страна»).

хавая' — впечатление, приключение, новый опыт. Как правило, с положительным оттенком, если не указано обратное.

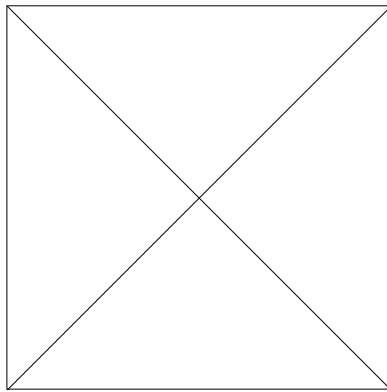

— эх *хайа'* (бирушала'им)? — Как было (в Иерусалиме)?

ἰῖὸδῖσ! *ὄτ ἰ γθ ὀτᾶ! ἰ ἄ σᾶσ ἄγῖτῖᾶ!* — *Ἰὸεε:ἰῖε ἰὸἄὸὸ! Ἰὸ:εε*

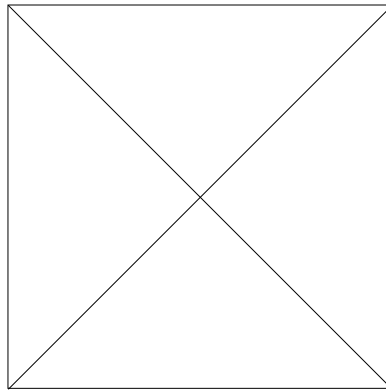
Во время курения по кругу настаивайте на своих гражданских правах. Если кто-то слишком надолго прилип к косяку, заметьте ему:

йа'лла! таави'р! зэ лё гли'да! — **Передавай давай! Не мороженое!**

Вскоре возникнет необходимость поставить музыку. Моя личная рекомендация — «Бустан Авраам». Это лучший фьюжн всех времен и народов. Начать знакомство можно здесь:

Попросите хозяев:

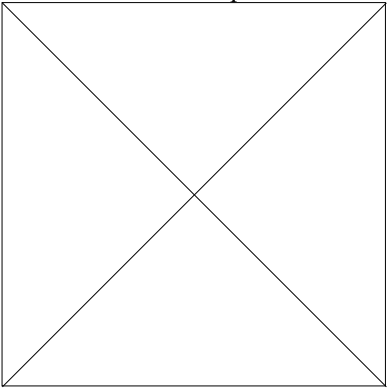

эфша'р буста'н авраа'м, бэвакаша'? — **Можно (поставить) «Бустан Авраам»?**

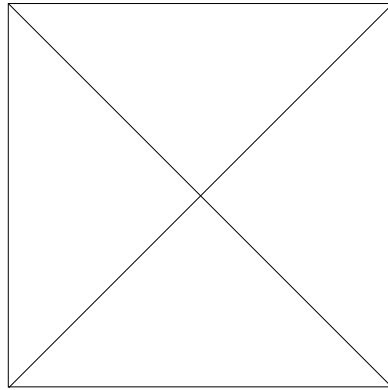
Если у них есть, вам не откажут. Если нет, будете слушать Вертинского.

Ἰὸἄεῦᾶᾶὸ

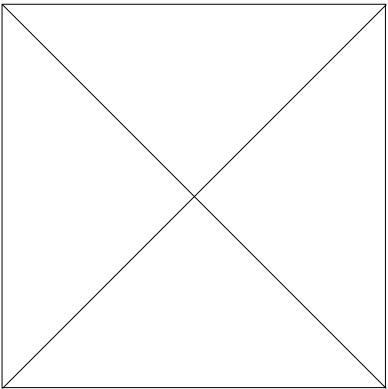
Вы развалились в шезлонге на пляже *ôðèèì àí — òîô ôðèèì àí*

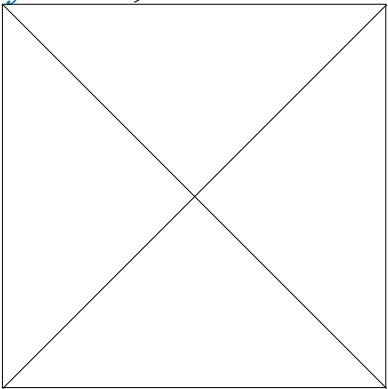
Вы наблюдаете за опускающимся в море солнцем.

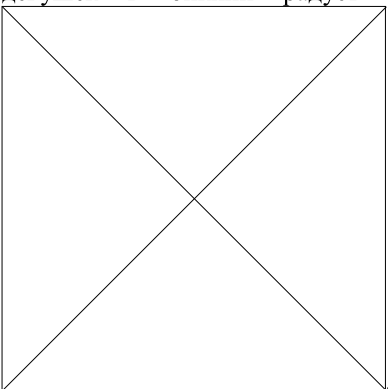
Вы пьете бочковое пиво — *áè òà ì ÿ-à-òààè ò;* *0,3 — èèèè*

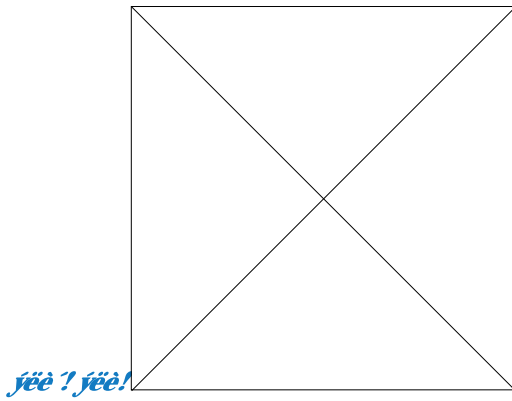
èèè 0,5 — ôÿ'òè

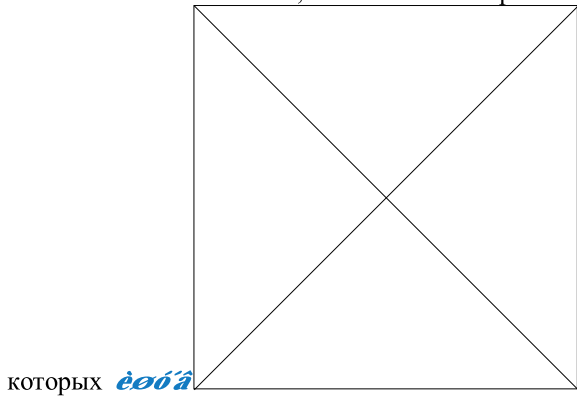
У вас на животе покоится раскрытый том «Улисса», но читать его лень. Скрутить косяк тоже лень, но не так, как читать «Улисса». Вид девушек в бикини радует и умиротворяет. Ваше состояние называется на иврите **стальбет**

Песок, шум моря и сумерки навевают одну мелодию. И одну историю.

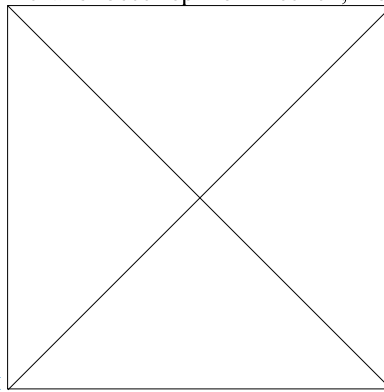

Хана Сенеш, 23-летняя венгерская еврейка, была в числе тех четырех десятков парашютистов,

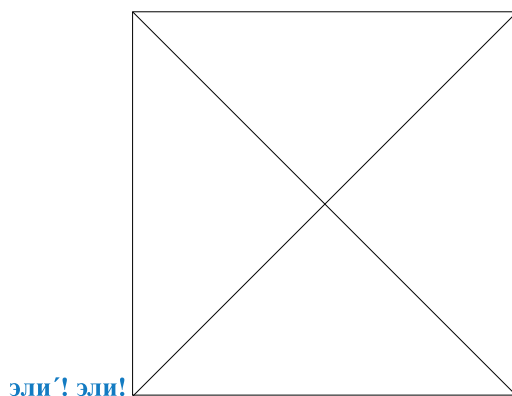

которых (прообраз Государства Израиль) десантировал в 1944 году в разных регионах Европы из понятных соображений, но с непонятной миссией.

Соображения были просты: евреи Палестины считали себя обязанными отреагировать на массовые уничтожения своих соплеменников в Европе. Но что могли сделать несколько молодых ребят в нацистском тылу? Поднять восстание? Освободить Европу от немцев? Как себе все это представляло сионистское руководство? Как фильм «Бесславные ублюдки»? Бен-Гурион произнес перед добровольцами пламенную речь. Голда Меир хранила молчание, а к концу встречи разрыдалась. Было совершенно очевидно, что все они погибнут. Хану Сенеш схватили и расстреляли в будапештском гестапо. Уже после гибели одно ее маленькое стихотворение было положено на музыку. И стало бессмертной песней, которую знает и любит каждый

израильтянин. Называется **алиха ле-кейсария** («Прогулка в Кейсарю»).

Г-споди! Г-споди!

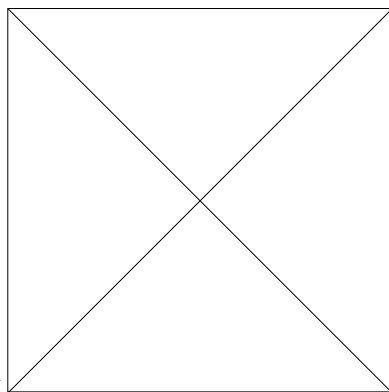
ше-лѣ-игамэ'р ле-оля'м — Пусть никогда не кончается

һа-холь вэ-а-йам — Песок и море

ришру'ш шель һа-ма'им — Журчание воды

бэра'к һа-шама'им — Гроза в небе

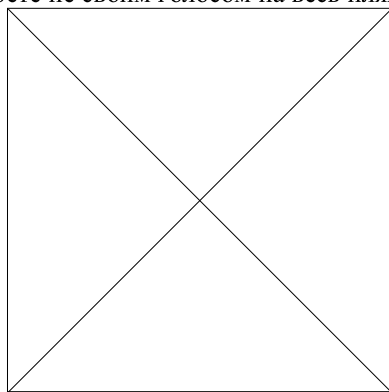
тфиля'т ха-адам

— Молитва человека.

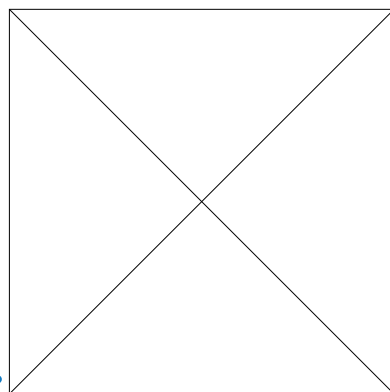
ÔËËÐÒ (ÆÁÍ ÑÊÀß ÁÂÐÑËË)

Даже если вы сидите на том же **хоф фришман**, кормите с двух сисек близнецов, тыркаете ногой в коляску с голосащей двухлетней, чтоб заснула, и орете не своим голосом на весь пляж старшенькому, чтобы не

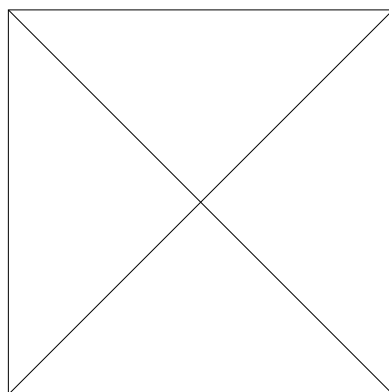
лез сам в воду, в глазах израильского **арса** вы все равно являетесь подходящим объектом для пикапа. **арс** — это наглый, тупой, самоуверенный и самовлюбленный израилитос, украшенный двухкилограммовой голдой на волосатой груди. Для начала поинтересуйтесь:

ата' дафу'к о ма?

— Ты придурок или что?

Если **ади** не обидится и не отвалит, а сочтет этот вопрос авансом и прелюдией, сообщите ему деловому:

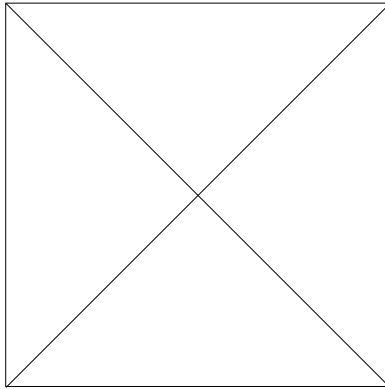
баали' кан. ну йаһаро'г отха'!

— Мой муж здесь. Он тебя

убьет!

И арса как ветром сдует. хавая? хавая!

Если же вы не обременены мужем, детьми и любовником и готовы к приключениям, вам и делать особо ничего не надо. Вы себе загорайте — к вам обратятся. Напомню еще раз: *лѣ* — *нет*, *кен* — *да*. И возможно, вам захочется выразить такую вот эмоцию:

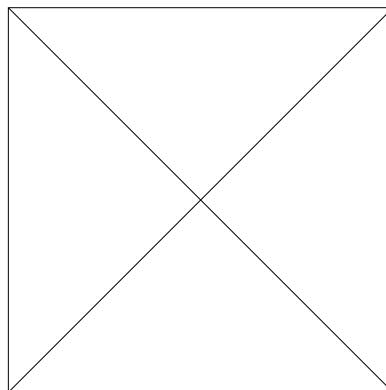
ани мэ'та аль зэ![10]

Круто! Улет! Ташусь!

[10]. *Yòt i'ðtēçí tēò xatùeíá Á i óeñēi ðtāz átē i yò àēü ç!*

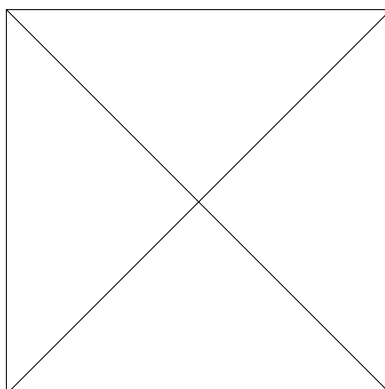
ÔËËÐÒ (Ì ÓÆÑÊÀß ÁÁÐÑËß)

Помните, я говорил вам о магических свойствах чашки кофе? Так вот, если в Израиле вы приглашаете девушку на *éññ éàóá* и она соглашается, это, конечно, еще не означает, что она готова вам отдаться, но указывает на то, что она рассматривает такую опцию. Ребята, если честно: я не знаю никаких петушинных слов. Я знаю только, чисто эмпирически, что иногда это происходит. И у меня есть подозрение, что женщины любят комплименты. Вот вам парочка:

бо'йна, а-эйна'им шеля'х!

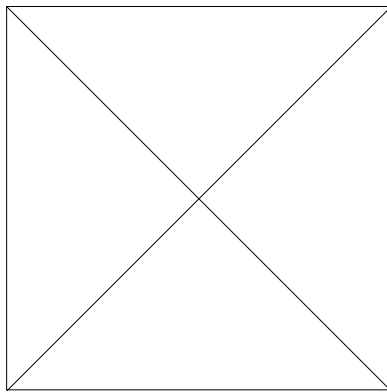
Слушай, у тебя такие глаза!

ат пашу'т мадñима'!

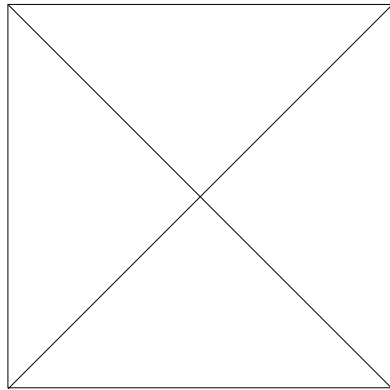
Ты просто потрясающая!

ат мэо'д мэюхэ'дэт!

— Ты очень особенная!

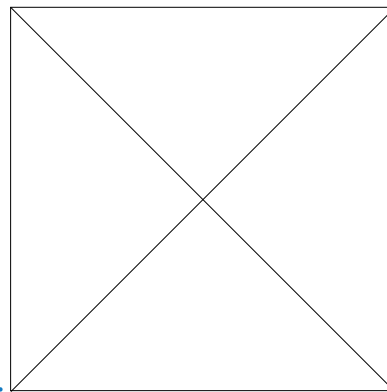
ат мама'ш ку'сит!

— Ты реально сексапильная!

К этому можно добавить:

ани марги'ш кэ-и'лю ана'хну макири'м арбэ' зман.

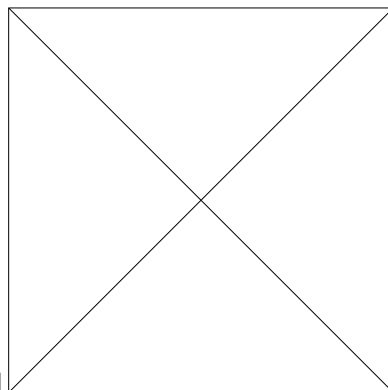

— У меня

ощущение, как будто мы давно знакомы.

Не знаю, правильный следующий вопрос или, наоборот, вредный, но, на всякий случай, умейте его задать:

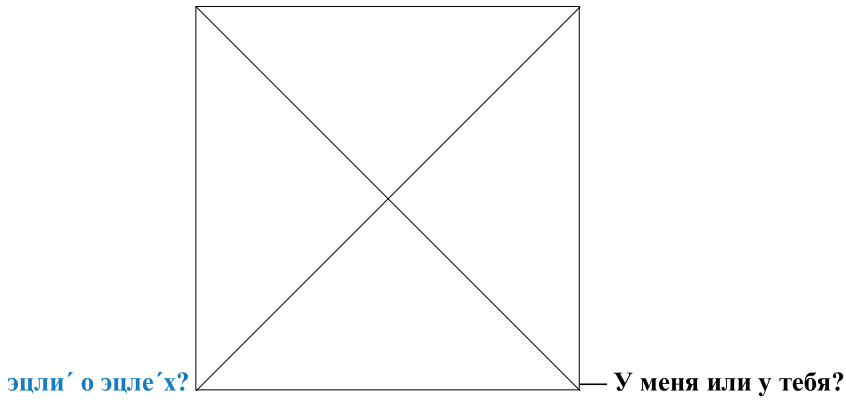
йеш лях хавэ'р?[11]

— У тебя есть бойфренд?

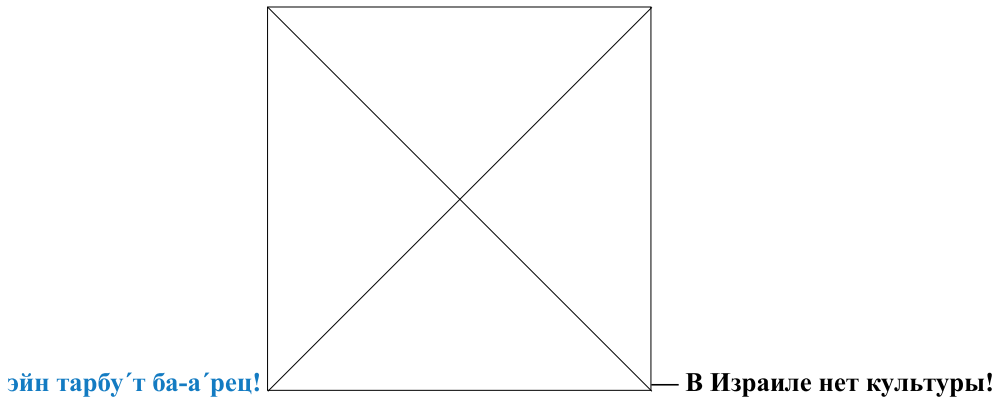
[11]. *Εαί τι εἶ ἀπὸ δῖπλῶ ἰσσε:εἰ ὁ ἀπὸυἱεὲ ὁ ἰ ἀπὸ ἀααααεα, ὁ αε: εαε εααα ὁααυα?*

Если вдруг увидите, что все действительно срастается, переходите к практической части:

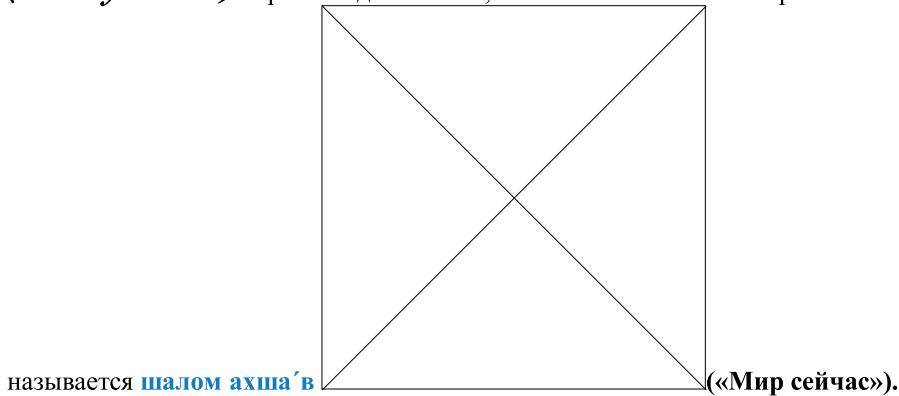
Некоторую полезную информацию о том, что именно нравится израильтянкам, вы найдете в бесхитроном отчете вот этой реальной тель-авивской девушки:

Переходим к культуре. Ознакомьтесь с основным тезисом русской интеллигенции:

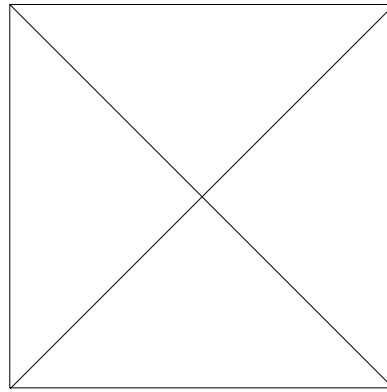
ÈÈÒÀÐÀÒÓÐÀ — ÑÈÓÐÓ Ò

Ну, ее, в общем, и нету. Можете почитать самых именитых: Амоса Оза, А. Б. Йегошуа, Давида Гроссмана — все они переведены на русский. Довольно тоскливый нарратив. Особняком от них стоит Меир Шалев. Он рассказчик, затейник, изысканный стилист и очень умен. Переводчику Рафе Нудельману, кажется, удалось передать все это в русском тексте. Помимо беллетристики, Шалев написал чрезвычайно увлекательную и остроумную книгу (тоже переведена), посвященную нескольким библейским историям: *òàíà õ àóòà á* («*Àéáèèÿ ïñé-áñ*»). Ирония здесь в том, что самая известная израильская организация, борющаяся за мир,

ÈÈÍ Î — ÈÎËÛ Î À

Î õñòîí èáòáñòõòá! Áóáòà íáññèáòõèèçàèèññèá èèí î, òáé ñáçó è ñááèèòá

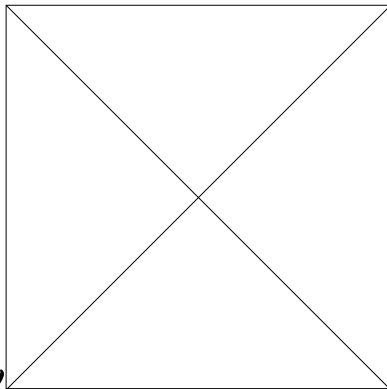

*éféúúí à éññáyéé' hó éféúúí à í yáú' ñ
ééí àí àó íááó í réí ññóúñ àí ááééóíááí.*

— *Èçññéúúééé*

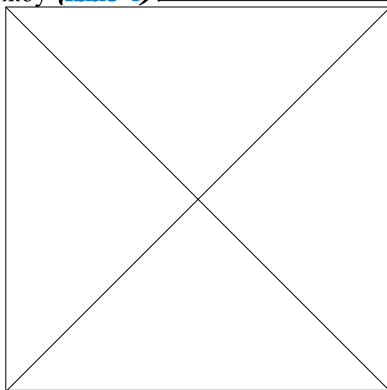
Денег мало, а режиссерам хочется наград и премий. Почесать дремучей общественности ее заскорузлую пятку во все времена было одноходовкой. Наши дни не исключение. Делаем кино о непростых отношениях между израильтянами и палестинцами, и уж какая-нибудь завалыщая международная награда нам обеспечена.

Но по-настоящему интригующий феномен израильского кинематографа — это тотальный отказ от жанра военного боевика. Казалось бы, страна бряцает оружием не переставая с момента своего основания. Сюжетов, фактуры, человеческих историй, исторических людей и баталий — хоть отбавляй. В Голливуде бы уже сто фильмов сняли про Шестидневную войну и триста — про Войну Судного дня. Но для израильтян война вообще не имеет романтической притягательности. Война — это бытовуха. Ведь израильтяне всю жизнь не вылезают из армии. В восемнадцать лет они идут на

действительную службу (*íááé' ó*)

, потом до сорока призываются каждый год

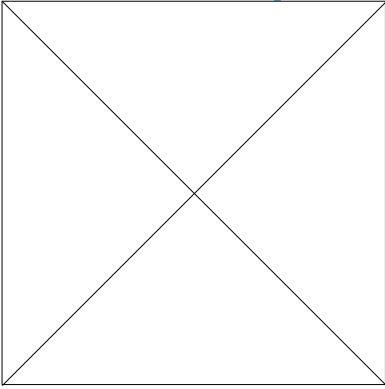

на месяц в *милуи' м*

(*резервистская служба*), потом ждут из армии детей на

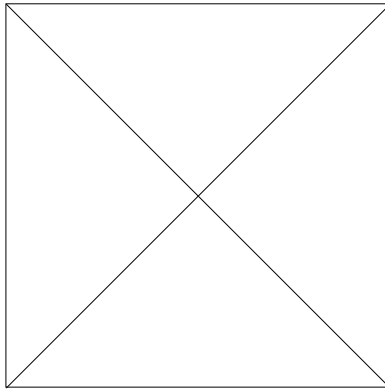
выходные. В Израиле полстраны ходит по улице в форме и с оружием. А подвиг требует исключительности. Известный израильский писатель Эфраим Кишон застолбил крылатую фразу:

зо'ни э'рец ше-ба коль бэн-адам хая'ль вэ-коль хаяль — бэн-адам.

— Это страна, в которой каждый человек солдат и каждый солдат — человек.

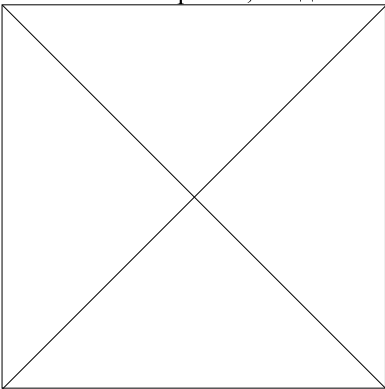
Взгляд, конечно, очень пафосный, но верный. Да только какой после этого боевик?

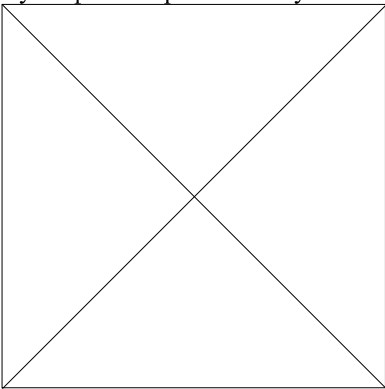
ха'ра шель сэ'рэт!

— Говно кино!

Впрочем, один израильский фильм я вам горячо рекомендую: **клара а-кдоша'**

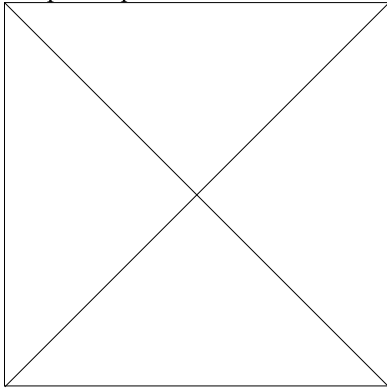

(«Святая Клара»). Это настоящее свободное талантливое кино![12] Сюрное, смешное, трогательное. И что примечательно: во всех израильских фильмах сразу видно, где что снято, — страна-то маленькая, и поэтому все время ощущение, что это не игровое кино, а документалка. А в «Святой Кларе» создан свой, сказочный пейзаж. Тот же режиссер, Ари Фольман, снял потом довольно необычный мультфильм про Ливанскую войну, где все тексты — аудиозаписи рассказов реальных людей: **вальс им башир'**

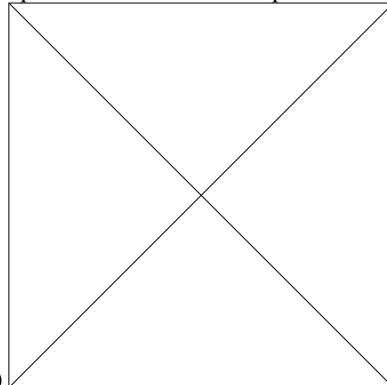

(«Вальс с Баширом»)[13]. Очень интересная работа и, в общем, честная. Но

В Израиле религия не отделена от государства. В армии и общественных институтах соблюдается

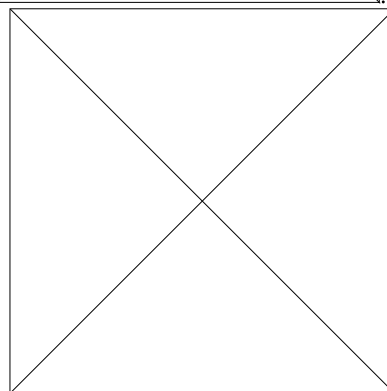

кашру'т[15], по субботам не ходят автобусы, браки и разводы заключаются только на небесах, то есть только через раввинат. В идеале религиозному лобби Израиль видится как

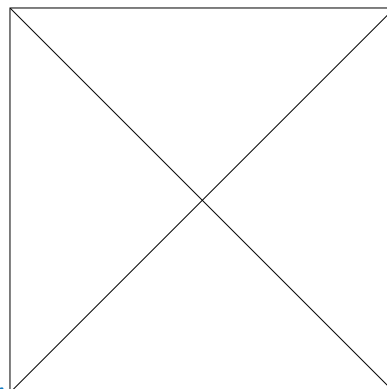
шариатское государство (**и аля** 'о алаха')

Светское лобби всячески борется

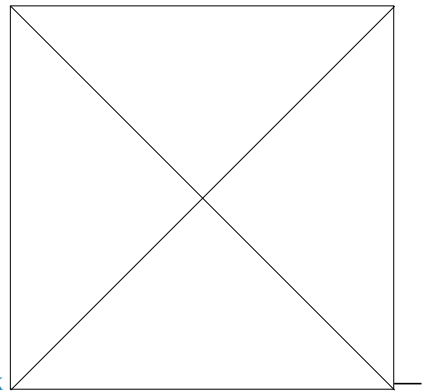

с религиозным засильем — **кфия датим**. Лазейки находятся благодаря муниципальным законам, поэтому существуют некошерные магазины и рестораны, такси ездят, когда им вздумается, а ночные клубы по пятницам ломаются от народа. Пятница-суббота — особые дни израильской недели. Мы расскажем о них после того, как закончим с политическим лексиконом.

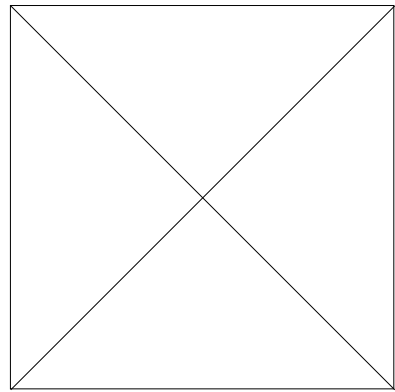
[15]. *Í ááíð í ðááëé í òíí, ÷òí í ðéááíí éëë íáí ðéááíí á íèùá Ñàí úá èçáííò í úá èç íèõ: çáí ðáò í á ñéí èí ó è ñ áóèáí éáí ÿñ íá ñí íèí-í úí.*

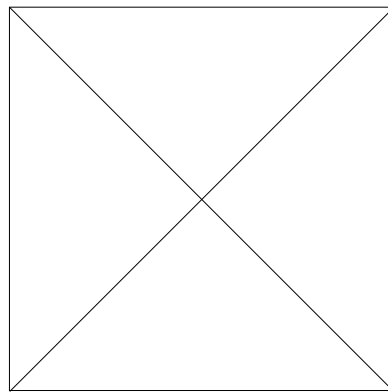
Крайний левый скажет о крайнем правом: **о а а а а**.

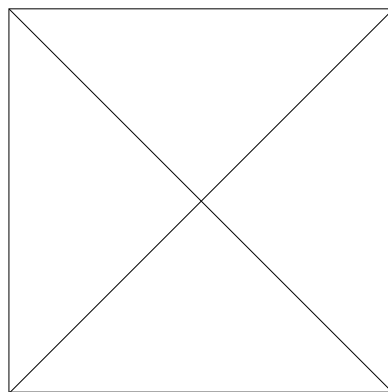
Крайний правый скажет о крайнем левом: **смоляни́ масри́ах**
вонючий левак.

Религиозных называют **досами**. Стишок: **дрос эт а-дос!** (Задави
доса!)

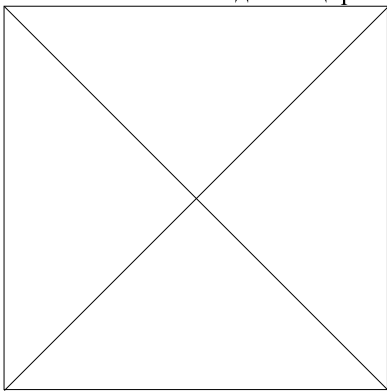

Лозунг левых: **штахи́м тмура́т шалом!** (Территории в обмен
на мир!)

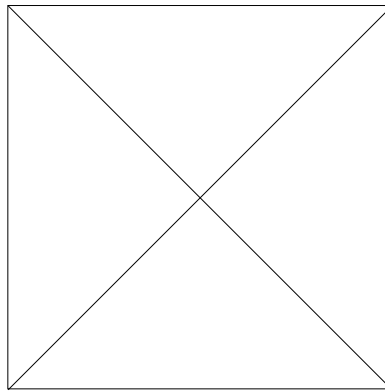

Клич крайних правых: **ма́вет ле-арави́м!** (Смерть арабам!)

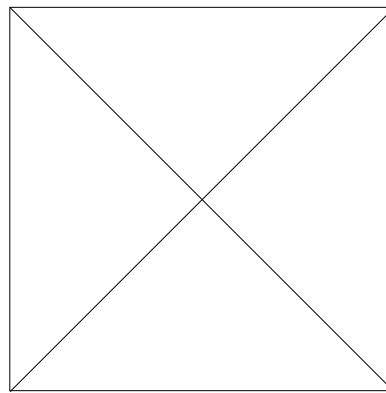
Чтобы дистанцироваться от политики и политиков, используйте фразу **ку-у'-лям ото дава'р!**

(Все они одинаковые!)

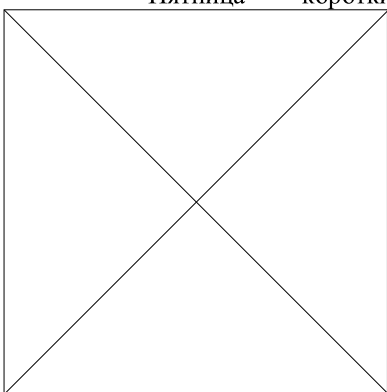
Только партию **але' яро'к** («Зеленый лист») следует выделить отдельно, как партию в высшей степени порядочную. Во-первых, она ставит перед собой одну-единственную, но благородную цель — легализацию легких наркотиков. Во-вторых, ей еще ни разу не довелось пройти в кнессет, потому что в день выборов редкие экземпляры из ее обширного, но обдолбанного электората добираются до урны, чтобы опустить бюллетень.

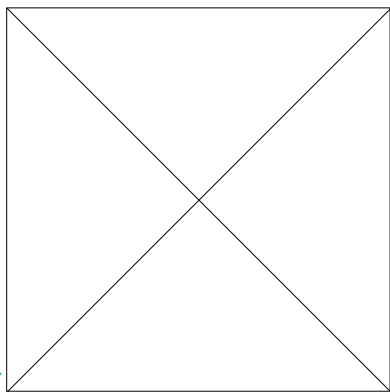
Лозунг партии: **але ярок о але ля-найе'дет!** (Зеленый лист или — в менты!) Обратите внимание на игру слов.

י'בויל עווא-נוואיל וואל — שעוע-שאלל ו

Пятница — короткий день. К вечеру, с первой звездой, он переходит в субботу — **שבת**

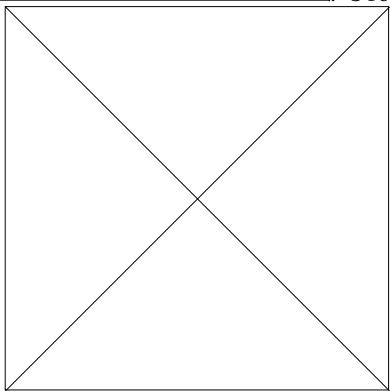

Евреи называют дни недели без астрологической ерунды — просто по номерам: первый, второй... шестой, **шабат**. Если у Стругацких понедельник начинается в субботу, то у

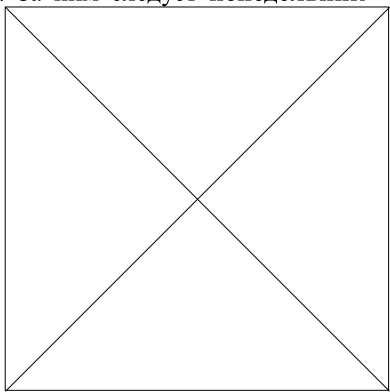
израильтян он начинается в *воскресенье* — *éiî deoî'î*

Это первый день

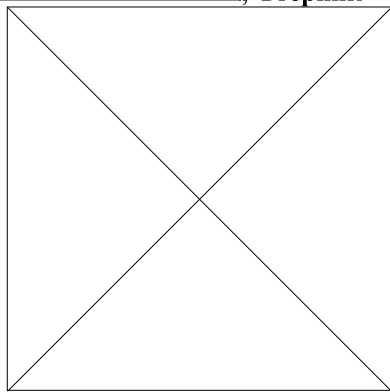
рабочей недели. За ним следует **понедельник** — **йом шени'**

; **вторник** —

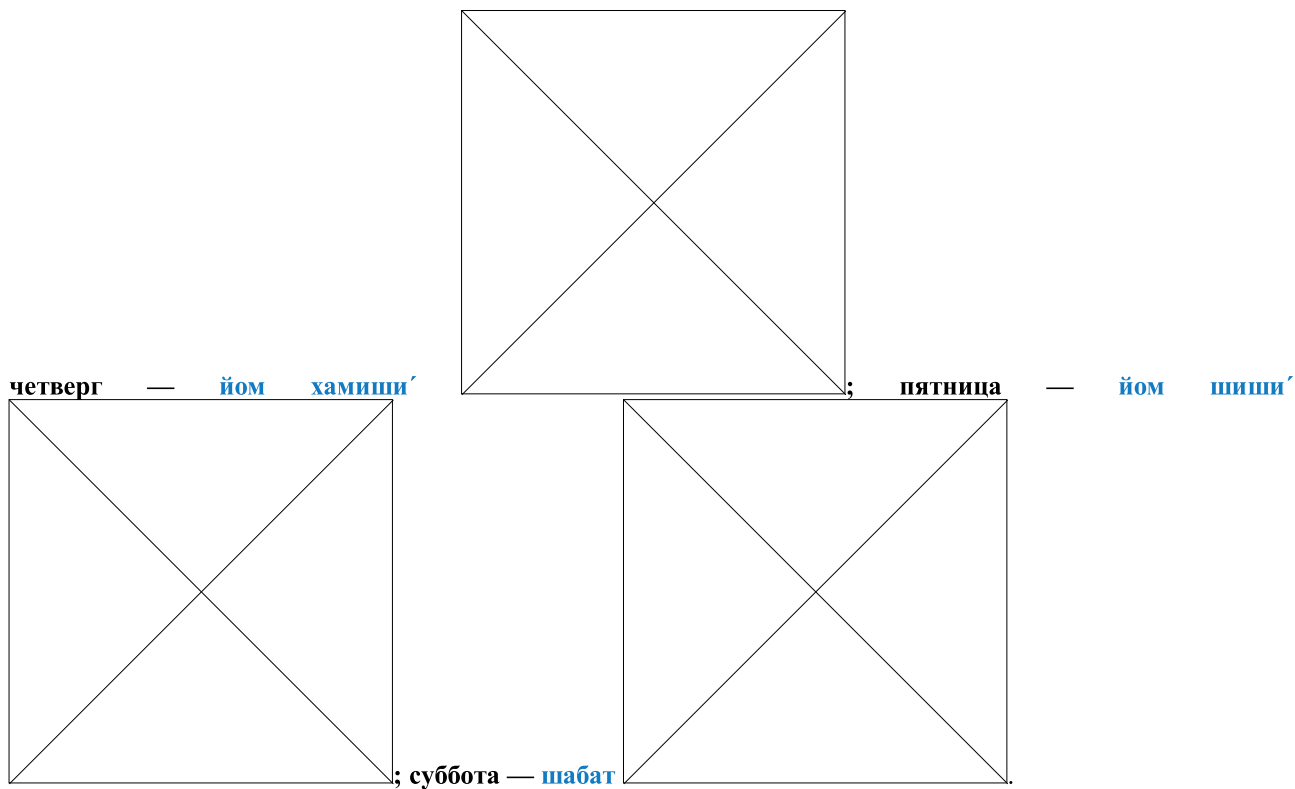

йом шлиши'

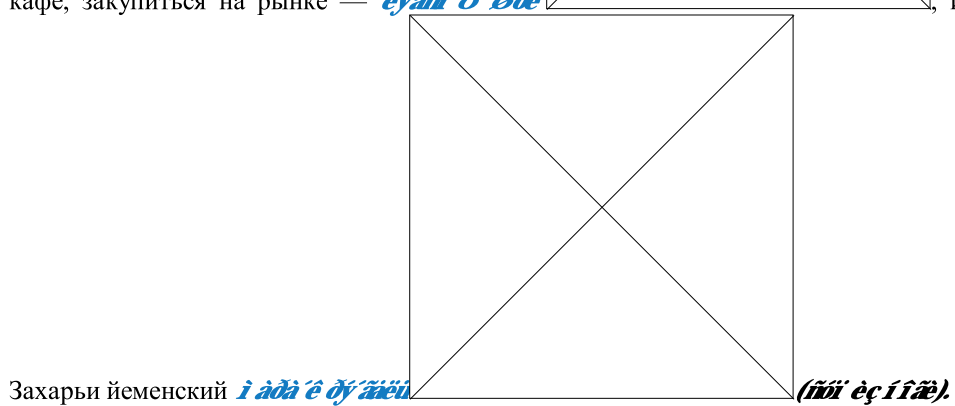
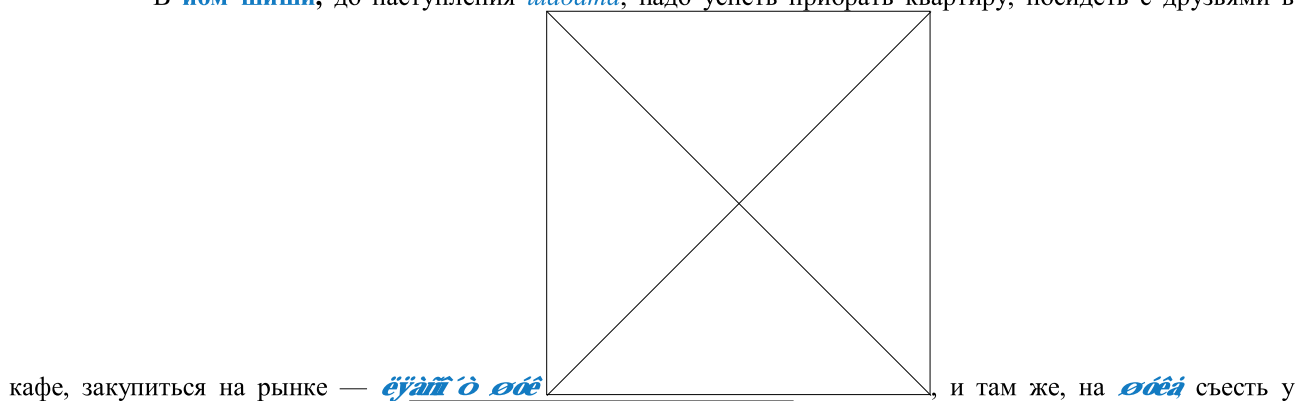
; **среда** — **йом рвии'**

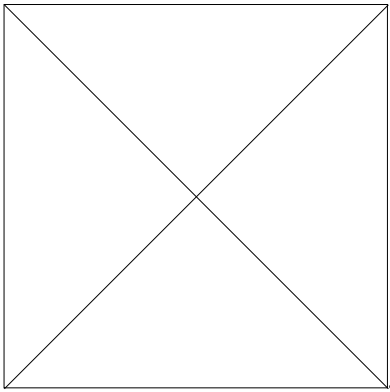

;

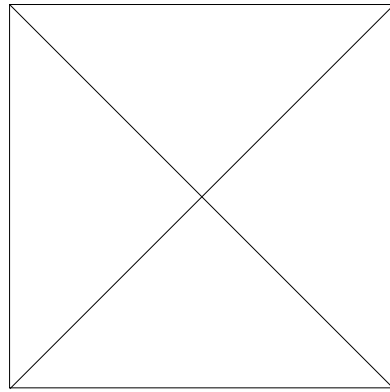

В йом шиши, до наступления *шабата*, надо успеть прибрать квартиру, посидеть с друзьями в

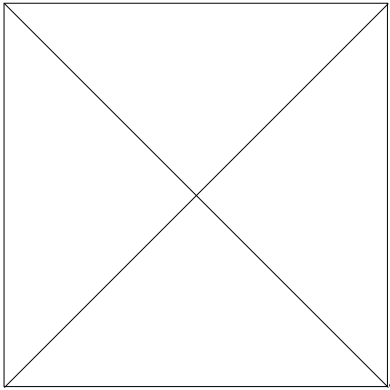

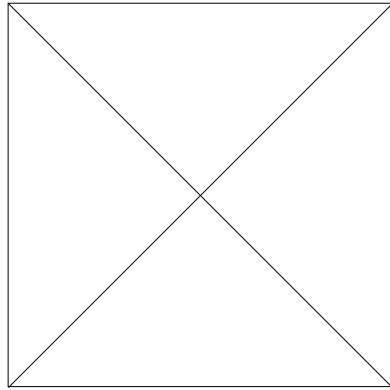
Пять — хамэ'ш

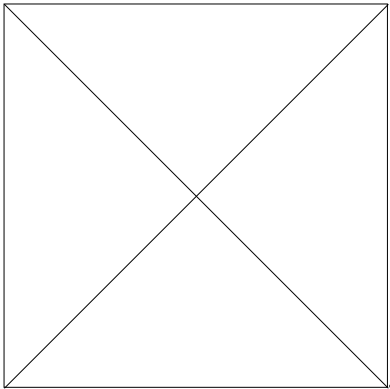
Шесть — шеш

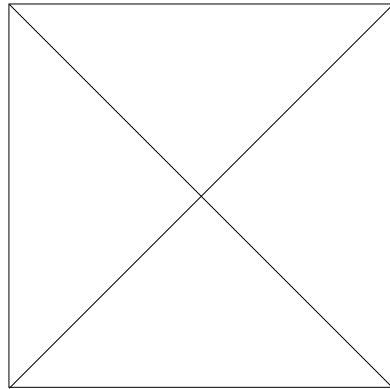
Семь — ше'ва

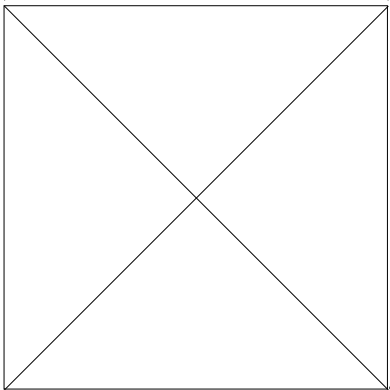
Восемь — шмо'нэ

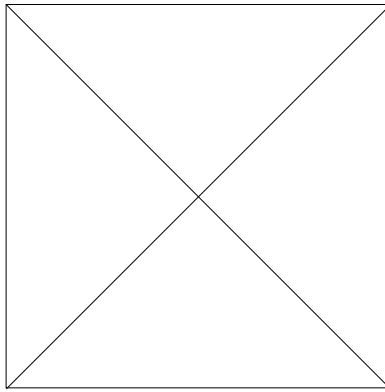
Девять — тэ'ша

Десять — э'сэр

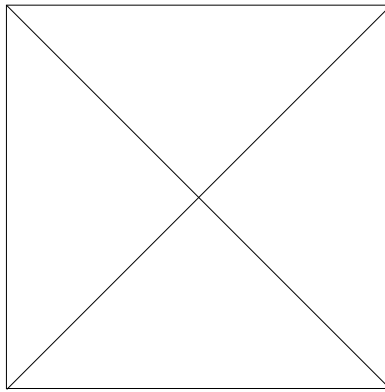

И еще у вас есть половинный шаг — ва-хэци. Восемь с половиной,

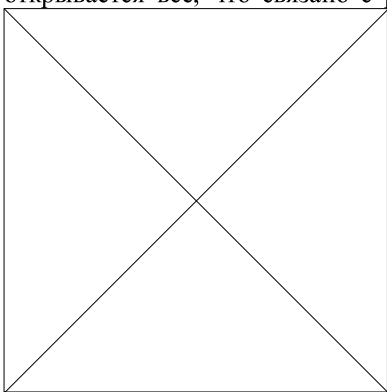

таким образом, — **шмонэ ва-хэци**. Хотите верить, хотите нет, но именно так и называется на иврите знаменитый фильм Федерико Феллини.

С названиями некоторых овощей и способами их приготовления вы можете ознакомиться в следующем сюжете, который называется «Аль Пачино в овощной лавке»:

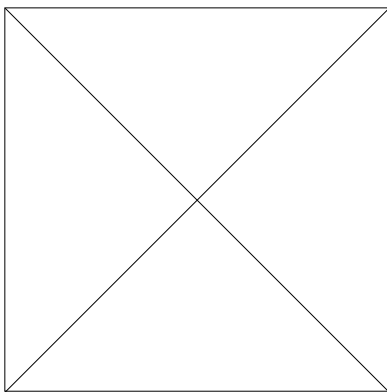

К вечеру **йом шиши** закрывается все, что связано с работой. И открывается все, что связано с развлечениями. Здраваться и прощаться теперь нужно так: **шабат шалом!**

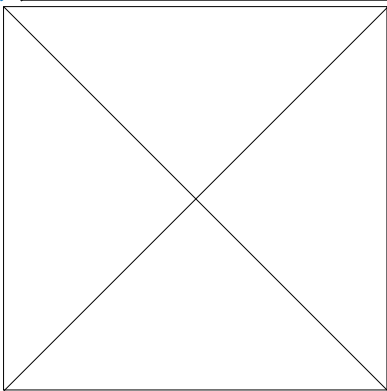
(Мирной вам субботы!)

Шабатний *стальбет*

продлится сутки и окончится вечером в

исход субботы — *моце'й шабат*
кого она есть.

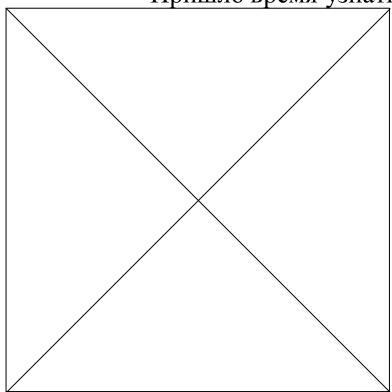

А в воскресенье — снова на работу. Тем, у

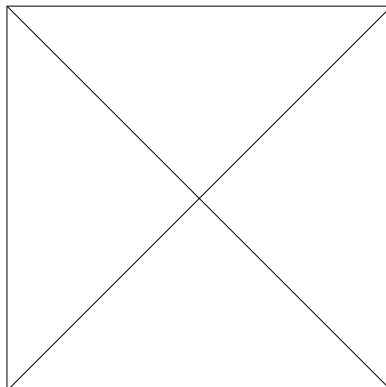
ÒÎËÛËÎ ÎÀ ÈÂÐÈÒÀ — ÐÂË ÈÂÐÈÒ

Пришло время узнать настоящую волшебную формулу. Одно словечко вы уже усвоили: *áÿââââââ!*

(Ï Îæââââââ!) Но это еще так, Гарри Поттер голимый, многого с ним не добьешься. А вот если вы оказались в ситуации, когда нужно серьезно объясниться, получить точные сведения,

но вашего иврита пока еще не хватает и даже *על אף שיש להם ידע* не ввернешь, то, где бы вы ни находились — в автобусе, банке, магазине, секс-шопе, — оглядитесь вокруг и произнесите громко и отчетливо:

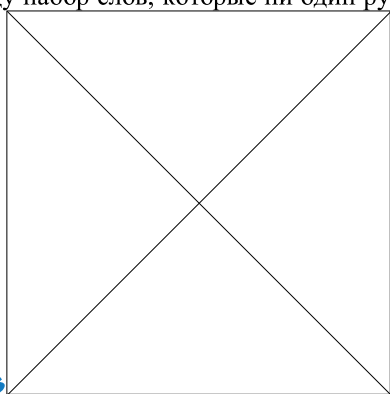

מי'שהו קאן מאדאב'ר רוסית?
по-русски?

Кто-нибудь здесь говорит

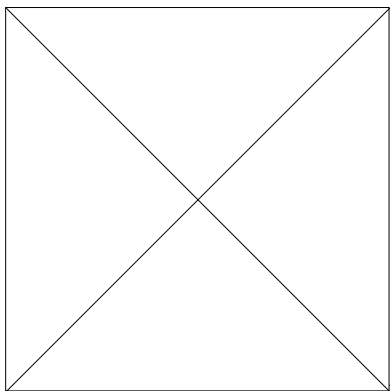
Уверю вас: откликнутся! Главное, чтобы они еще и на иврите умели.

По-русски говорит почти пятая часть населения Израиля, не считая **арсов**, многие из которых овладели отдельными элементами русского фольклора (услышите от таксиста что-нибудь вроде «Натasha, три рубля и — наша!» — не пугайтесь). Но для того, чтобы без проблем понимать даже русскую речь в Израиле, необходимо иметь в виду набор слов, которые ни один русский израильтянин не произнесет по-русски: *только*

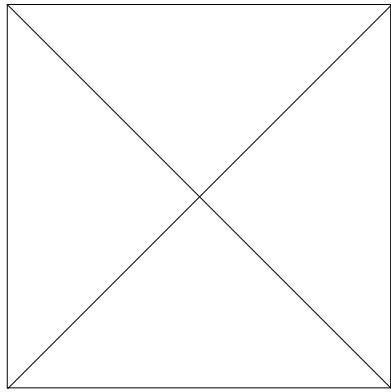
на иврите — *דאע עאדעו*

Привожу неполный, но окончательный список:

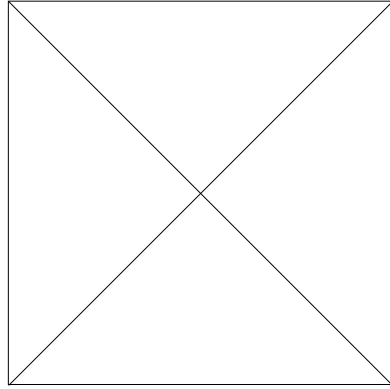

אבירה'
что мне там авира не нравится. //

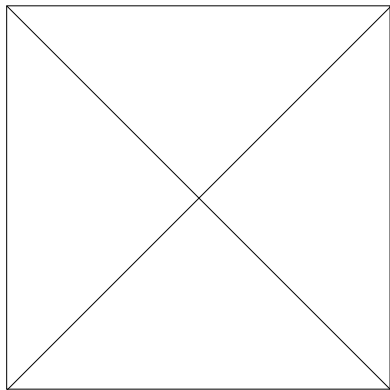
атмосфера, обстановка. // Я к ним не хожу, потому

бэ-сэ'дэр — хорошо, ладно, о'кей, договорились. // **бэ-сэдэр**, я все понял. // Она же страшенькая... — Ну, **бэ-сэдэр!** Зато человек хороший. // Останешься? — **бэ-сэдэр.** //

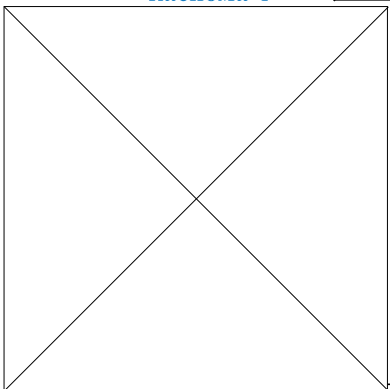

инсталя'тор — не художник-авангардист, а водопроводчик. Хотя в сегодняшнем мире все дефиниции так расплывчаты...

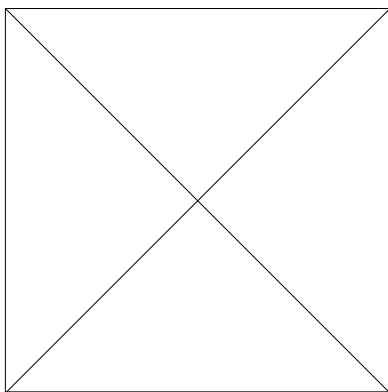
каспома'т

банкомат. От слова **кесэф**

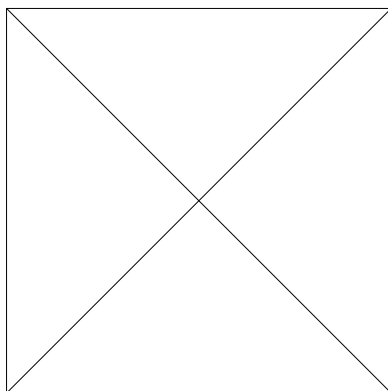
деньги.

ле-ха'им!

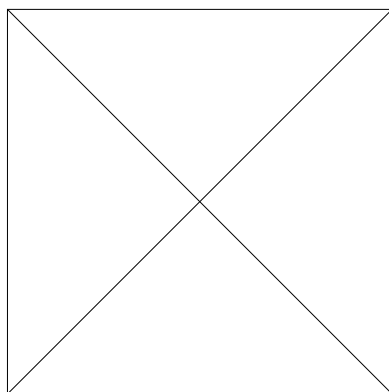
Будем здоровы! (Если кто-то выпивает.)

ля-бриу'т!

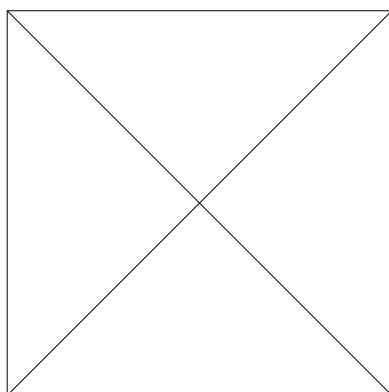
На здоровье! (Если кто-то чихает.)

мазга'н

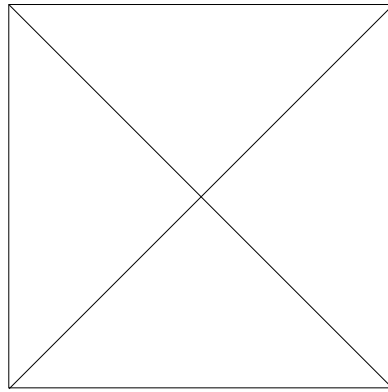
кондиционер. В следующей ивритской фразе вам уже знакомы все слова: // нэаг! эфшар мазган, бэвакаша? — Водитель! Можно (включить) кондиционер? //

мако'лет

сэдэр! //

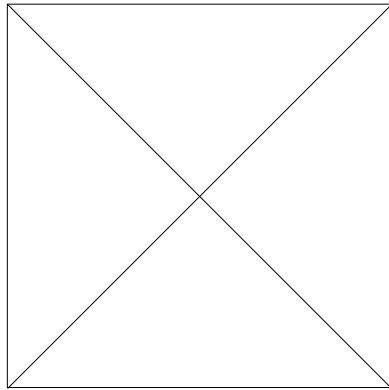
продуктовая лавка. // Сходишь в маколет? — бэ-

машка́нта

— ипотечная ссуда. // Ну, возьмем мы **машканту**.

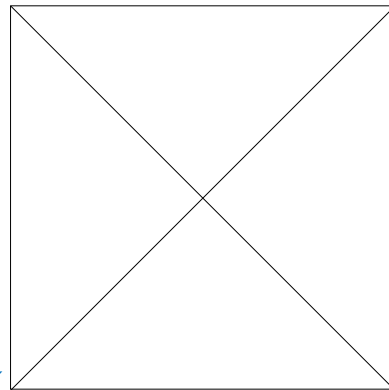
А как будем выплачивать? //

мивца́

— акция, распродажа. // Зацени брюлик: купила по

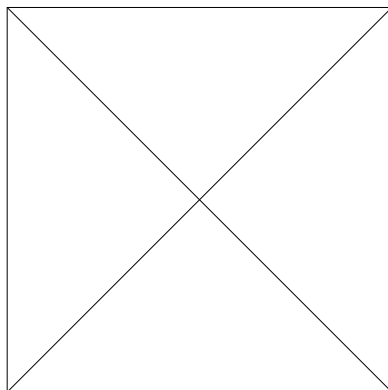
мивце! //

мэсиба́

— вечеринка. // Серега уезжает в Канаду. Устраивает

отвальную **мэсибу**. // **авира** на ихней **мэсибе** была так себе. //

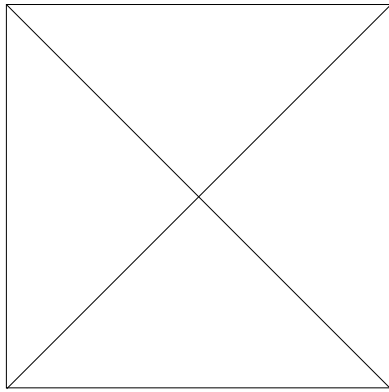

рэ́га!

— Минуточку, секундочку, погоди, постой-ка, имей

терпение! // Ну, ты идешь? — **рэга!** Я крашусь! // **рэга!** А где мой бумажник?! //

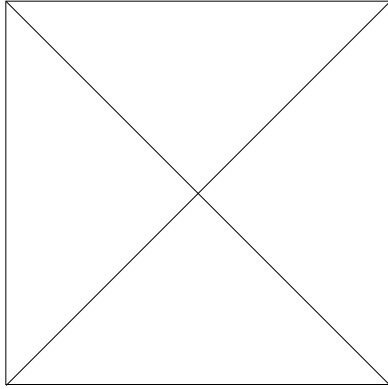
рэга имеет также визуальный образ. Чтобы показать **рэгу**, нужно сложить пять пальцев в щепотку и трясти кистью в темпе *vivace assai*. Визуальной **рэгой** часто пользуются израильские водители, высовывая ее из окна своего автомобиля. В ответ те автомобилисты, которые сзади, давят со всей дури на клаксон.

сипу'р

— рассказ, история, нудная история, тягомотное дело.

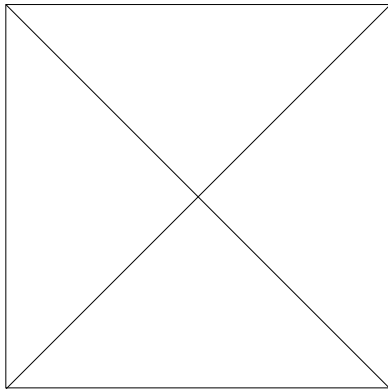
// Нужно все разобрать, прочистить, потом собрать. Короче, **сипур!** //

хавэр (хавэра)

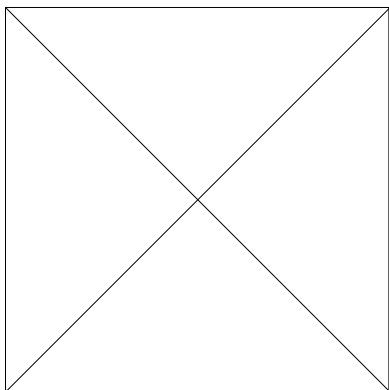
— бойфренд (гёрлфренд). // Когда ты спишь со

своей **хавэрой**, то спишь и с ее бывшим **хавэром**; и с бывшей **хавэрой** ее бывшего **хавэра**; и с бывшим **хавэром** бывшей хавэры ее бывшего **хавэра**... (Из рекламы контрацептивов.) //

хадашо'т

— новости.

шалья'т

— пульт управления бытовой электроникой. //

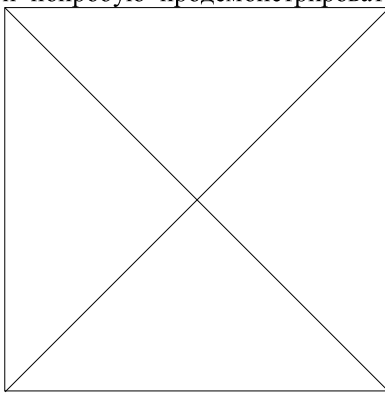
хадашот уже начались! Где **шальят**?

Полный список потребует отдельного тома. Переходим к следующей теме.

РÌ ÎÐ – ÓÌ ÎÐ

Состояние юмора в обществе определяется, главным образом, двумя параметрами: насколько готов смеяться над собой народ и насколько ему дозволено смеяться над властью. Я считаю, что израильская планка

юмора удерживается на достойной высоте, и попробую продемонстрировать вам это на примере скетчей

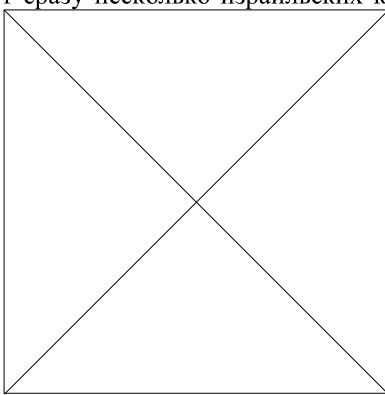

«Камерного квинтета» (*хамиишиа' камерит*) — одной из лучших команд новейшего времени.

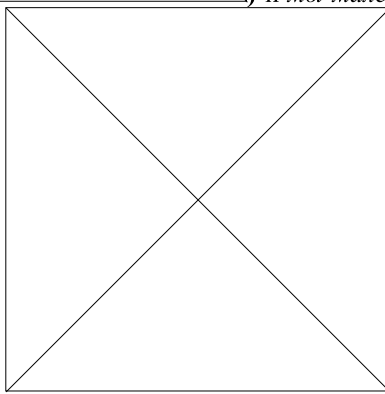
Чемпионат мира по атлетике. Штутгарт. Германия. В переводе не нуждается.

?????? ???? - ??????? boazgi

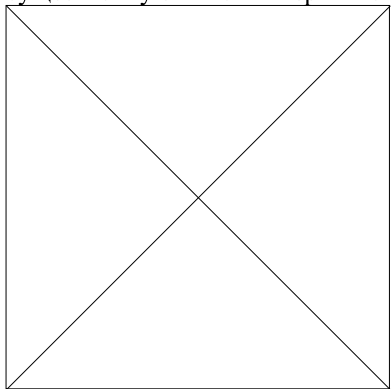
Здесь авторы высмеивают сразу несколько израильских комплексов. Такие клише, как *весь мир*

против нас (*коль ha-оля'м нэгд'ну*) и мы маленькая страна, окруженная

врагами (*анахну мдина ктана муке'фет ойеви'м*), по-прежнему составляют существенную часть израильского менталитета. Ну и невероятная израильская наглость — *оо'а'*

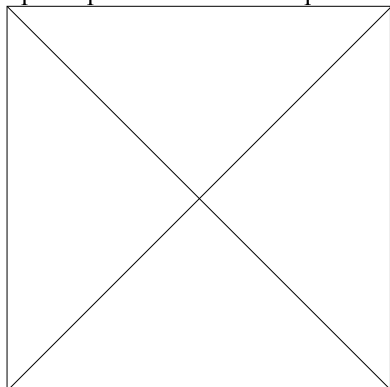
Это слово даже вошло в современный английский!

Биби, открой тоннель! (Перевод закадровый.)

В 1996 году премьер-министр Биньямин Нетаньяху (для своих просто — Биби) принял решение открыть выход из древнего тоннеля времен Хасмонеев. Но если во времена Хасмонеев выход из тоннеля вел

тоже к Хасмонейам, то теперь он приводит к арабам в мусульманском квартале Старого города. И арабы были, мягко говоря, не в восторге от этого подкопа. Израильские силовики предупреждали Биби, чтобы не открывал, что прольется кровь. Но Биби тоннель открыл, и кровь пролилась.

Этот ролик показали только один раз, а всю команду вынудили публично извиниться перед премьером. Но ребятам все-таки далеко удалось зайти. *êîëü à-èàâî á!*

(Î îéîäü!)

(Î äîäîä: «Äéäé! Îðêðé ðîîîäü! Îðêðé ðîîîäü Äéäé! Îðêðé äâ îääé! Îä Äéäé, îðêðé äâ! Îðêðé äâ, Äéäé! Îî î îêðé è ääæîüé è çèèé. È äîîîîêðîüé îèäîîü, äð! Îðêðé äâ îääé, Äéäé! Îðêðé äâ îèèé! Äîé îääé îèèé! Îðêðé äâ, Äéäé! Îðêðé äâ ðêðéî. Îä, äà! Äî ðäé! Èäé òü îî ääü Äéäé! Äî èäé îäé:äî! Ää, îðêðé! Îðêðé ðîîîäü Äéäé! Îðêðé, ðîäî äî ðää äîèè, äî! Äéäé, îðêðé ðîîîäü! Îðêðé ðîîîäü Äéäé! Îðêðé ðîîîäü!»)

Ä òðäððî. (Î äîäîä çäèäðîäé.)

Ä êî î äî ðäèè î ä îæääðîü.

(Î äîäîä:

«Èèèäî. В îðäé äîüîè ðü î äî:äð ððèèè.

Ðððî î ääð î ä. Ðððèü... î äèð î äü î äèèä èèè î äî î èçîäî î äü î èèèèü?

Èèèäî. × î î ðäè î äèð î äü î äèèä?

Ðððî î ääð î ä. Î äèð î äü î äèèä — îð î äèèä î äü î äèèèü. Î ü ääð î ä î äü äî î äèèè äèèèð ðää è î ääð î ä, äîðèèèü — î:äü îððèèä Îðää äîîäü æäèçîäîðäèüä äèèèðü — èð î î äèèè çäèçäðüèç Èçäèèü. Îðää äîîäèè è èðäî èä ääçîüä è î ä.

Клиент. Мне говорили про уик-энд в Турции за сто сорок долларов.

Туроператор. Секундочку! У нас еще есть акция: за 144 доллара в Турцию... Але?.. Извините!.. Доброе утро! Организованная экскурсия или пакетная? В Польшу я бы вам рекомендовала несколько акций. В-первых, у нас есть базовый пакет. Базовый пакет включает пять концлагерей за десять дней, пребывание в четырехзвездочном отеле в Варшаве... да... и свободный день в Варшаве на шопинг... да... кроме того, у нас есть, разумеется, классическая Польша на 14 дней, включая посещение семи концлагерей, пребывание в четырехзвездочной гостинице, а также посещение Варшавского гетто. И после обеда время на шопинг... да... У нас еще есть... *конец недели в Польше (ðèè-üî ä äü-Î îèèî).* Это семь концлагерей за три дня... нет, дня на шопинг нету... да... Ну и, само собой, есть Польша за 21 день — Большая Польша, со всеми концлагерьми... Вы знаете, дочь моей сестры была на такой экскурсии со своей школой, и это... это произвело на нее большое впечатление... она плакала в Освенциме! Да, да, очень. И вам большое спасибо.

Извините, о чем мы говорили? О Турции? Сто сорок четыре доллара, да?

Клиент. Да. Извините. Но то, что вы тут говорили про семь концлагерей за семь дней, это звучит...

Туроператор. Слишком много? Как это ни удивительно, но за семь дней можно очень многое успеть.

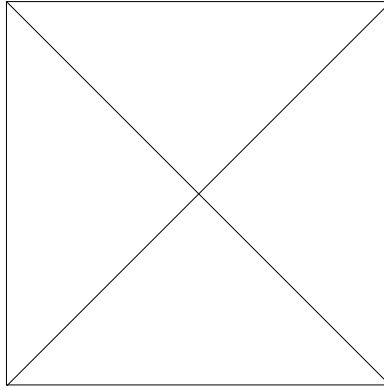
Клиент. Нет, это звучит...

Туроператор. Слишком дорого?

Клиент. Нет... Послушайте, только не обижайтесь, но это звучит ужасно!

Туроператор. Ну так там и было довольно-таки ужасно, разве нет?»)»

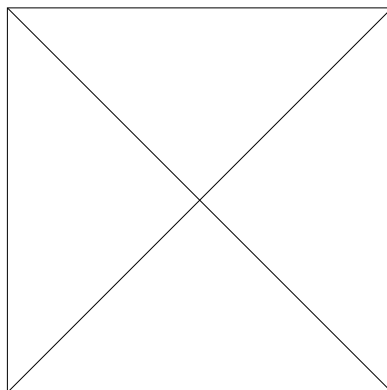
ÔÓÒÁÎË – ÊÄÄÓÐŸĂĂËÛ

йеш кадурэ'гель. тави' пицухи'м!
будет). Тащи семечки!

Футбол (идет, сейчас

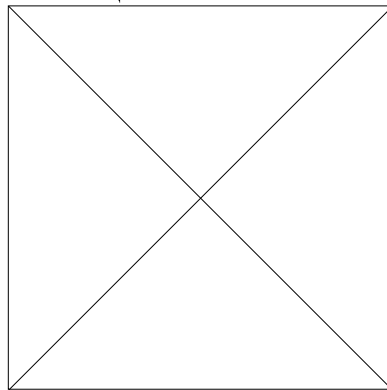
Если вы болеете за ту или иную команду, выразить свою тифозную эмоцию вы можете очень просто: название команды + йалла!

бейта'р, йа'лла!

«Бейтар», давай!

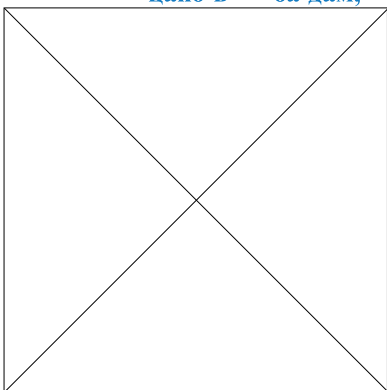
Главные футбольные баталии национального масштаба происходят между командами *î àéààé*

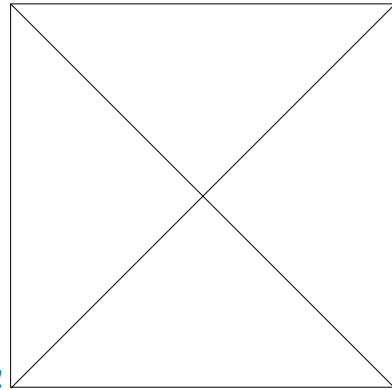
(Тель-Авив) и *hà-îîÿëü* (Тель-Авив)

î àéààé играют в желтой форме, *hà-îîÿëü* — в красной. Кричалки не отличаются большой изобретательностью. Например:

цаһо'в ба-дам, цаһо'в ба-лев, рак эт макаби тель-авив ани' оһэ'в!

Желтый в крови, желтый в сердце, я люблю только «Маккаби» (Тель-Авив)!

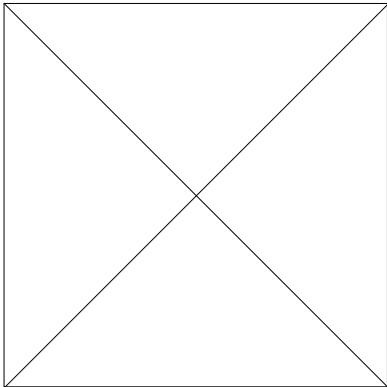

Из футбола пришла в иврит фраза **каха лё бони'м хома'!** (Так не строят стенку!) Ее произнес комментатор Йорам Арбель во время матча между сборными Израиля и Австралии в тот момент, когда австралийцы пробивали штрафной. Не успел Арбель ее закончить, как мяч влетел в ворота.

יְיָ יִצְעֵב — עֵדָא

Охватить всю израильскую поэзию в этом скромном труде, пожалуй, не удастся. Даже если мы отнесем Ветхий Завет к прозе. Но ни один уважающий себя русский интеллигент не может не знать хотя бы пары поэтических строк на иврите. И я вас ими снабжу. Значит, из 127-го псалма Давидова вы уже знаете (см. главку «О, Иерусалим!»):

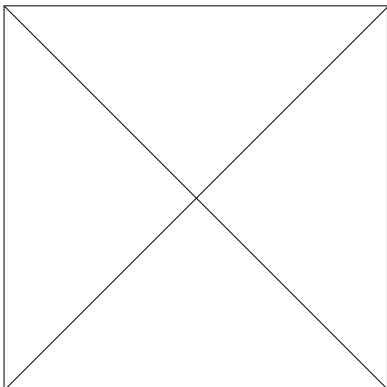
им эшках'х йерушала'им, тишка'х йемини', льшони' тидба'к ле-хики'!

— Если забуду тебя, Иерусалим, пусть забудет меня десница моя, пусть язык мой прилипнет к гортани!

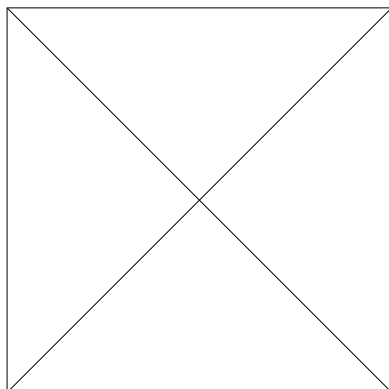
Теперь возьмем из Шломо Ибн-Гвириля, который родился в Малаге, умер в Валенсии, жил в XI веке, недолго и трудно, был неоплатоником и вундеркиндом:

ва-ани бэ-шеш-эсрэ' шнота'й вэ-либи' ван кэ-лев бэн-на-шмони'м.

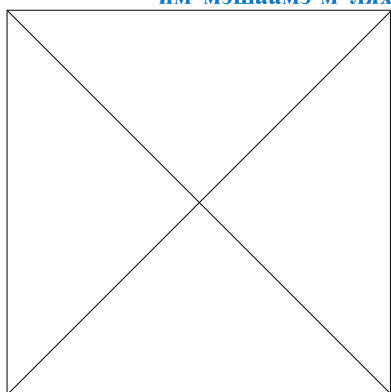
— В шестнадцать лет моих как в восемьдесят сердце разумеет.

Бешеный скачок во времени — и мы в гостях у суперсовременного и авангардного поэта Романа Баембаева:

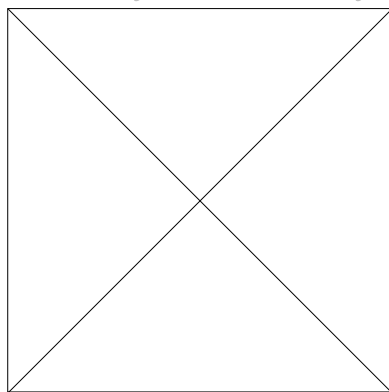
им мэшаамэ'м ляхэ'м ба-бо'кер

— ле'ху ле-биту'ах леуми'!

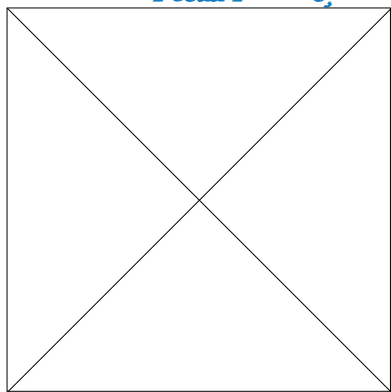
— Если вам скучно с утра — валите в свой битугах леуми![17]

[17]. Èíñòèòòò íàòèííàèüí íàí ñòðàòíàí èý. Óóàà íáí-íí òíäýò çà ðàçèè-íùì è ííñáèýì è.

í óéää í ě, í èòíðý'ð!

àíè' — í ýòíðý'ð!

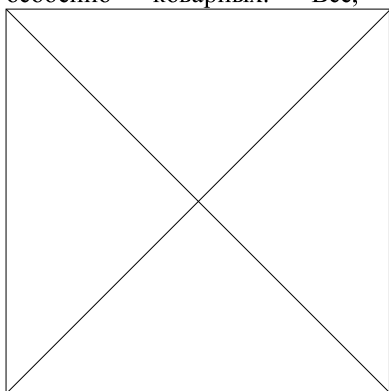

— À ý íáñòàí óí ðíñíí àòüñý ðáí í! B — ííýò!

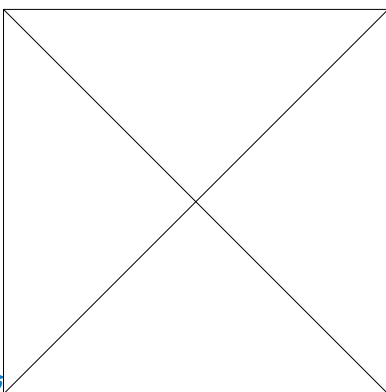

Ї ДАСАЇ ЕЕЕ — ОААЕЇ

Бывают весной и осенью, а летом и зимой их можно не бояться. Хочу предупредить о трех, особенно коварных. Все, что вам нужно знать про остальные, это: *хаг самэ'ах!*

(С праздником!)

1.

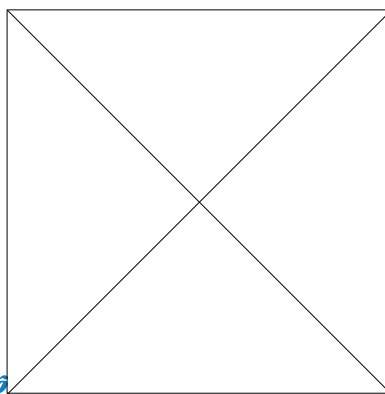
יִשְׂרָאֵל

Все русские знают, когда у евреев Пасха.

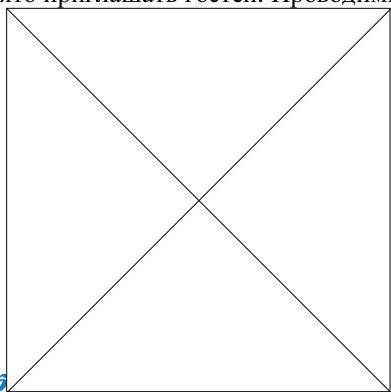
Потому что ровно за день до этого, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана, в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Эту и другие культовые цитаты из «Мастера и Маргариты» в переводе на иврит можно услышать (и увидеть) здесь [18]:

[18]. «*יְהוֹשֻׁעַ בֶּן יוֹסֵפַת הַבְּרִיטְיָאנִי הָיָה עוֹבֵר בְּעֵת הַצְּהַר הַשְּׂמֹנִית הַשְּׁמֹנִית הַשְּׁמֹנִית*»

В *יִשְׂרָאֵל* евреев хлеба не допросишься — только мацу дают. За хлебушком надо ехать к арабам. В еврейских *יְהוּדִים* и супермаркетах все, что квасное, завешено большими листами серой бумаги, как бухло в Лондоне после 23.00. *יִשְׂרָאֵל* длится целую неделю. Но реально празднуется в первый день пятнадцатого, как

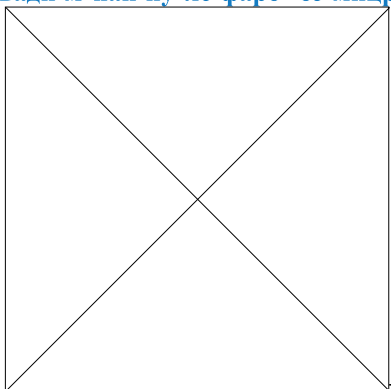
вы знаете, *יעריא* Церемония называется *פסח* и проводится обычно дома. Принято приглашать гостей. Проводимый по всем правилам *פסח* являет целую мистерию — *אגדה*

פסח

— иллюстрированный разными символами рассказ об исходе евреев из Египта. И позрать вам дадут только по окончании этого увлекательного рассказа. Главный меседж **пэсаха:**

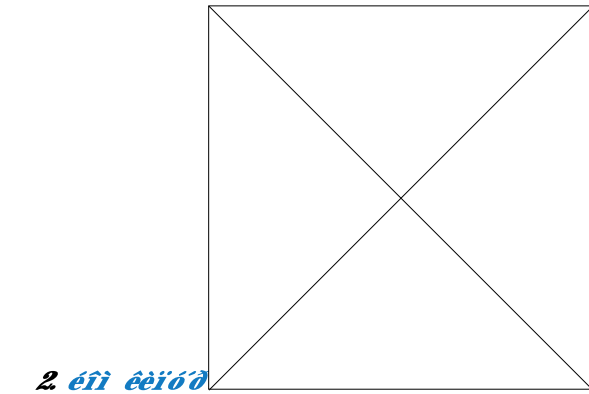
אבדי'ם האי'נו לע-фаро' бэ-мицра'им, вэ-йоциэ'ну ха-шем элохэ'ну ми-шам бэ-яд хазака' у-

зроа нэтуя'.

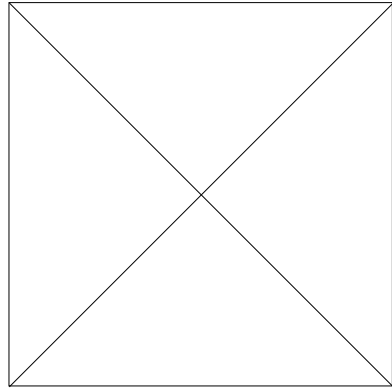
— Рабами мы были у фараона в Египте, и Г-сподь, Б-г наш, вывел нас оттуда рукою крепкой и мышцей простертой.

Вам может показаться, что это цитата из «Криминального чтива», но она — из Пасхальной агады. Честное слово!

2 éîî ééíóð

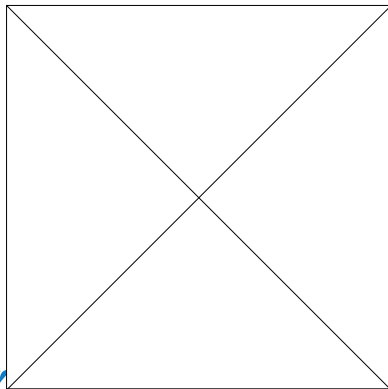
— **Ñóáí òé ááí ü** Десятого числа осеннего месяца

тишре'й

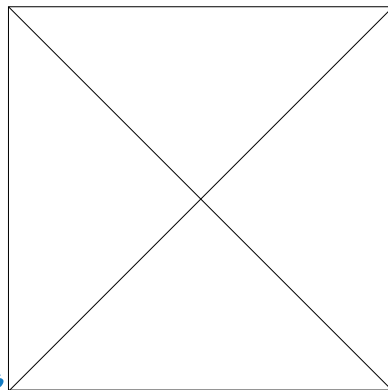
Где-то в октябре[19]. Закрыто все. Даже круглосуточные лавки. Автобусы не ходят, в такси не «содят». Израиль замирает. И ничего не ест целые сутки. И воды не пьет. Постятся даже многие закоренелые афеи. Потому что боятся. В этот день Г-сподь решает судьбу человека на весь следующий год. Пожелание на **йом кунур**:

[19]. Í ðaçáí ééé í òì á-áþòíŷ í î ááðéíéíè ó éóí í î ó èàéáí ááðþ, èõ áàò ù í á ñáí áááþò ñ áðé.á ðeáí íéèì.

á ñ ððáòèì á' ò íáá'!

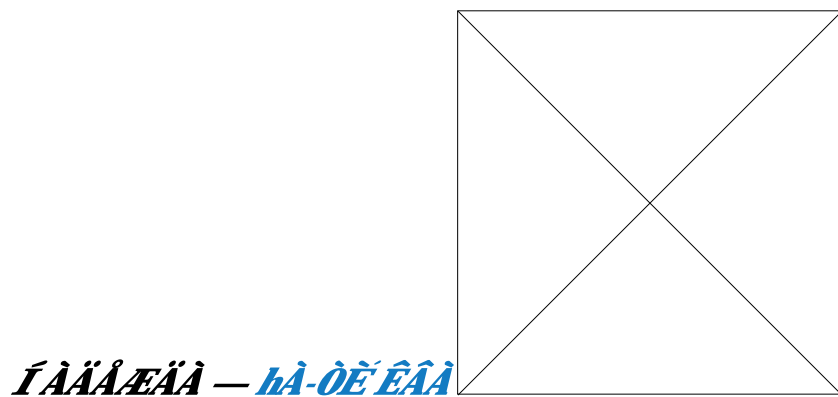
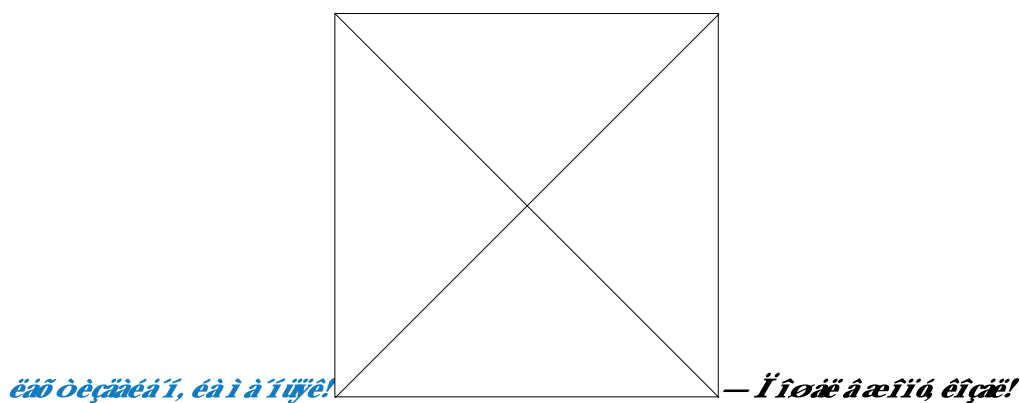
— **Õíððeáé ááí çáíeíé áÉíeáí Ñóááá!**

3 éîî áòì áóò

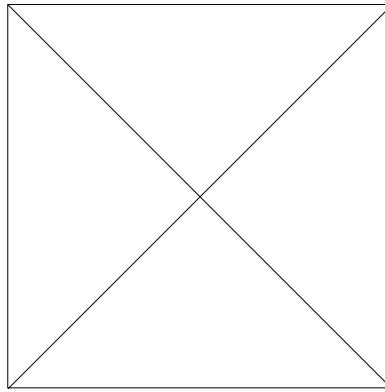
— **Ááí ü íáçáéíéì íñòé.** Пятого числа весеннего

месяца **ияр**. Апрель—май. Открыто все. И транспорт ходит. Опасаться надо безбашенных тинейджеров на улицах, которые поливают прохожих пеной из баллончиков. В целях безопасности запомните:

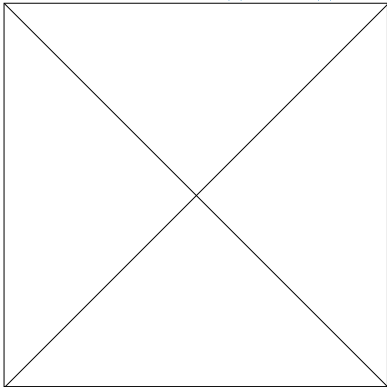
Так называется национальный гимн Израиля. Сочинил его в 80-х годах XIX века Нафтали Имбер, которого считают первым ивритским (то есть говорящим на иврите) хиппи. Имбер родился в маленьком городке в Галиции. Он был гениальным самоучкой, увлекался кабалой, знал языки и с десяти лет начал писать стихи. Он даже удостоился награды лично от императора Австро-Венгрии Франца Иосифа за поэму, посвященную столетию присоединения Буковины. Нафтали хотелось повидать мир, и он отправился путешествовать. Познакомившись в Стамбуле с английским бизнесменом сэром Лоуренсом Олифантом, Имбер принимает его предложение и отправляется вместе с ним в Палестину в качестве секретаря по еврейским вопросам. Они селятся в немецкой колонии в Хайфе. Некоторое время Имбер упивается общением с обитателями колонии. Он беседует по-немецки о сущности буддизма, по-английски — об основах ислама, пишет стихи на иврите и крутит роман с женой сэра Олифанта Элис. Почувствовав, что засиделся, первый ивритский хиппи посещает северные районы Палестины. Он добирается до поселка Йесод-а-Маале и находит приют у местного аптекаря. И вот там-то, выпив весь винный запас своего благодетеля, пишет йодом на стене аптеки слова **ha-tikva**.

Сочиняя **ha-odeot** которая через более чем полвека станет национальным гимном еврейского государства, Имбер вдохновлялся патриотическим стихотворением немецкого поэта Николауса Беккера «Немецкий Рейн»: *Им не владеть тобою, немецкий вольный Рейн!* Вся Германия пела эти стихи, положенные на музыку Робертом Шуманом, и мечтала отобрать у французов Эльзас и Лотарингию. В каждом стихе этой песни есть строфа, которая начинается so lang — «пока еще». То же самое в **ha-tikva**: **коль од**.

коль од лё авда' тикватэ'ну

// на-ти'ква бат шнот альпа'им.

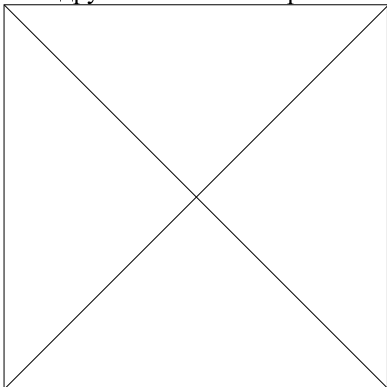
Пока еще не пропала наша надежда, // Надежда, которой две тысячи лет.

Имбер умер в Нью-Йорке, в нищете, всеми забытый. Незадолго до смерти, оборванный и пьяный, он пытался войти в зал, где проходил очередной Сионистский конгресс. Охранник не впустил его. Дрожа от зимнего холода, первый ивритский хиппи слушал, как в зале делегаты съезда исполняют стоя его «Надежду».

В продолжение патриотической темы —

וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי — וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי

Эта фраза, которую знает каждый школьник, принадлежит Йосефу Трумпельдору, георгиевскому кавалеру, потерявшему руку на японской войне. Жизнь Трумпельдор потерял в местечке Тель-Хай. Его убили малодружественные арабы. Последними его словами были: *וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי*

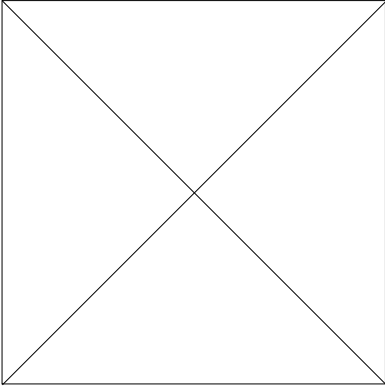

Так гласит легенда. Согласно более правдоподобной версии, перед тем, как умереть, Трумпельдор произнес матерное ругательство. По-русски. Потому что иврита он почти не знал.

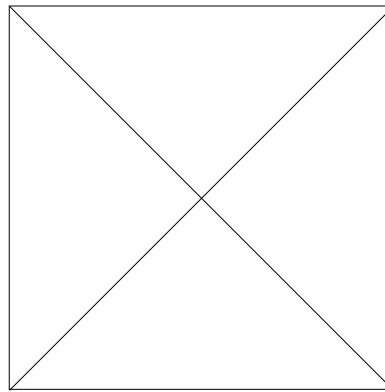
אָבִי עִי וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי וְיָבִי עִי

Был сформулирован Екклесиастом задолго до создания современного Израиля и возрождения иврита:

Áîá ñîàòà ñîàò è àîÿ:àîéàÿ ñîàòà — ðÿ'áéü áááéé î à-éîü ðÿ'áéü

ÈÇÐÀÈËÛÑÈÈÉ ÎÏ ÒÈÌ ÈÇÌ

Заключается в присловье **иһье' бэ-сэдэр** (будет в порядке, все будет нормально, как-нибудь образуется). Ицхак Рабин считал, что за этими словами скрываются израильская халтура и неорганизованность. Выступая перед выпускниками военного училища, премьер-министр и министр обороны сказал: «Это самое “будет в порядке”, это фамильярное похлопывание по плечу, это подмигивание, это “будь спок!” — показатели отсутствия дисциплины и профессионализма».

Много горькой правды в словах Ицхака Рабина. Но как русские никогда не откажутся от своего «авось», так и израильтяне повторяли и будут повторять:

èhúá áÿ-ñÿäð!

ином деятеле искусства насыщался достоверностью и начинал блистать подлинностью. Дорогого стоило услышать от Виталия Вульфа оценку — равно дорого и для живых, и для уже ушедших.

Виталий Яковлевич Вульф родился 23 мая 1930 года в Баку в ассимилированной еврейской семье известного адвоката. Мать Вульфа, преподаватель русского языка Елена Львовна Беленькая, окончила Бакинский университет, была студенткой знаменитого поэта Вячеслава Иванова.

Виталий Яковлевич мечтал поступить в ГИТИС, однако по настоянию отца поступил в МГУ на юридический факультет. По окончании университета в связи с еврейским происхождением он испытывал трудности с устройством по специальности. Наконец в 1957 году Вульфу удалось поступить в аспирантуру и устроиться на работу в адвокатуре. В 1961 году он защитил диссертацию на соискание степени кандидата юридических наук.

В 1970-х годах Виталий Вульф начал публиковать в прессе свои статьи и книги о театре и деятелях театра. С 1972 года Вульф занимается переводами англо-американской драматургии. Он переводил пьесы Юджина О'Нила, Эдварда Олби, Сомерсета Моэма, Теннесси Уильямса.

С 1967 по 1997 год Виталий Вульф в Институте международного рабочего движения АН СССР изучал молодежное сознание в странах Запада. В 1967 году начал заниматься американским театром и в 1989 году защитил докторскую диссертацию на тему «Американский театр 70-х годов и общественно-политическая реальность».

С 1990 года Вульф начал вести телевизионные передачи. Первым его телерассказом был рассказ об актрисе М. И. Бабановой. С 1994 года на телевидении начала выходить авторская программа Виталия Вульфа «Мой серебряный шар». Первыми героями его передачи были актеры и писатели, позже ими становятся также и политические деятели. В своих передачах Виталий Вульф рассказывал о Черчилле, Рузвельте, де Голле, Ольге Чеховой, Алле Тарасовой, Ангелине Степановой, Александре Фадееве, Максиме Горьком, Марине Цветаевой, Олеге Ефремове, Марине Ладыниной, Татьяне Дорониной, Валентине Караваевой, Юрии Григоровиче, Иве Монтане, Валентине Гафте, Марии Мироновой, Николае Цискаридзе, о русской эмиграции в Ницце.

С 21 ноября 2007 года Виталий Вульф являлся главным редактором радио «Культура» (ВГТРК).

В первые дни после его смерти радио «Культура» выпустило в эфир передачи с его участием, где необыкновенно живо и проникновенно звучал голос Виталия Яковлевича: он рассуждал о балете, о своей любимой балерине Галине Улановой — и его полный достоинства голос звучал горячо и искренне. Таким он и запомнится нам.

Аёаёаі аё Еёё-аііёёё

специально растолстела и подурнела, лишь бы сыграть эту роль-мечту... Зрители прощали ей миллионные гонорары и капризы — всех неизменно впечатлял бесконечный список ее мужей и ролей... Многие из них не предполагали, что есть еще тайная жизнь Лиз Тейлор — ее вера. Решив однажды стать еврейкой, она осталась верна своему выбору до конца.

Считалось, что еврейство было у нее в крови.

Элизабет Роузмонд Тейлор родилась в Лондоне в семье перебравшихся в Англию американцев — арт-дилера Фрэнсиса Ленна Тейлора, действительно происходившего из еврейского рода, и его жены, несостоявшейся актрисы Сары Виолы. Когда дочери исполнилось семь, родители вернулись в Америку и открыли галерею в Беверли-Хиллз. С десяти лет Лиз снималась в кино.

Ей было 27, когда, пережив гибель третьего мужа Майка Тодда, разбившегося на самолете «Счастливая Лиз», Тейлор сознательно решила принять его веру. Год она потратила на изучение основ. Едва ли ее погружение в иудаизм было глубоким — под руководством раввина Макса Нуссбаума, родившегося в Буковине и чудом пережившего Холокост, она читала популярную «Историю евреев» Абрама Леона Сахара, «Что такое еврей?» Мориса Кетцера и «Основы иудаизма» Милтона Стейнберга. И 27 марта 1959 года на церемонии в Храме Израиля — реформистской синагоге в Голливуде Лиз стала иудейкой и получила новое имя — Элишева-Рахель.

Она редко афишировала свое обретенное еврейство, но прожила, причисляя себя к народу Книги, всю оставшуюся жизнь. Ее иудаизм многим давал поводы для насмешек. Лиз их словно не замечала: ее биограф Кити Келли утверждает, что Тейлор почувствовала себя еврейкой, узнав о страданиях европейских евреев во время войны. И после смерти она дала повод журналисту «Вашингтон пост» написать в некрологе: «Израиль потерял одного из своих самых активных общественных адвокатов». Он имел в виду факты, о которых мы, жители бывшего СССР, слышать не могли.

Первый имел место в 1967-м: Элизабет Тейлор отменила свой запланированный визит в Москву из-за Шестидневной войны. Лиз не смогла простить советским властям их активной поддержки в этом противостоянии арабской стороны. В 1982-м Тейлор встречалась с премьером Израиля Менахемом Бегинем и сделала заявление в поддержку права советских евреев на репатриацию. Вскоре после этого ряд отказников получил возможность покинуть Советский Союз.

А в июне 1976-го, когда террористы угнали в Уганду пассажирский самолет «Эр Франс», актриса немедленно высказала готовность занять место одного из заложников-израильтян. Тейлор осуществила свое намерение — не став заложницей, она ее сыграла — в телефильме «Победа в Энтеббе».

Когда ее хоронили на калифорнийском кладбище Форест-Лоун, родственники просили не приносить на могилу цветов. Поклонников это удивило, но родные лишь исполнили волю Элизабет, желавшей и после смерти оставаться еврейкой.

Èðèíà Ì àé

ЛЕХАИМ МАЙ 2011 ИЯР 5771 – 5(229)

АВТОРЫ НОМЕРА

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН (р. 1966)

прозаик, критик, эссеист. Лауреат премии Общества им. Н. Карамзина (1996), премии им. В. Одоевского (2008).

ЖАННА ВАСИЛЬЕВА

арт-критик, обозреватель журнала «Итоги». Сотрудничает в изданиях: «Литературная газета», «Сегодня», «Искусство кино», «Персона».

ЙЕУДА ВЕКСЛЕР (р. 1946)

композитор, музыковед, писатель и переводчик.

МИХАИЛ ГОРЕЛИК (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик.

ВАЛЕРИЙ ДЫМШИЦ

(р. 1959)

антрополог, этнограф, литературовед, переводчик с английского, немецкого, идиша. Член редколлегии журнала «Народ Книги в мире книг», творческого союза «Мастера литературного перевода».

НИКИТА ЕЛИСЕЕВ (р. 1959)

литературный и кинокритик, писатель-фантаст. Сотрудничает с журналами «Знамя», «Новый мир», «Звезда», «НЛО» и др.

ГАЛИНА ЗЕЛЕНИНА

историк, литератор, переводчик. Доцент РГГУ и ИСАА МГУ, редактор сайта «Booknik.ru: Еврейские тексты и темы».

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ (р. 1970)

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

АРКАН КАРИВ (р. 1963)

писатель, автор книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик».

ИЗРАИЛЬ МАЗУС (р. 1929)

прозаик, член Союза писателей Москвы.

ИРИНА МАК

журналист, обозреватель газеты «Известия».

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ (р. 1960)

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), И. П. Белкина (2010).

ДАВИД МАРКИШ (р. 1938)

писатель, сценарист, журналист. Лауреат израильских и международных литературных премий.

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости».

СИНТИЯ ОЗИК

американская писательница, автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

ГРЕЙС ПЕЙЛИ (1922–2007)

американская писательница, поэт, общественный деятель. Автор сборников рассказов, стихотворений, бесед.

ВАЛЕРИЯ ПУСТОВАЯ

литературный критик, сотрудничает с журналами «Октябрь», «Новый мир» и др. Лауреат «Новой Пушкинской премии» (2008).

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ (р. 1959)

президент Института Ближнего Востока, экс-президент Российского еврейского конгресса.

ЮРИЙ СОЛОДОВ (р. 1963)

сценарист, режиссер, прозаик. Сотрудничает с изданиями «Литературная газета», «Огонек», «Искусство кино».

ИЦХАК СТРЕШИНСКИЙ (р. 1980)

библейст, переводчик, автор статей по еврейской истории.

ИГОРЬ ТАНТЛЕВСКИЙ (р. 1961)

кумранист, библейст, заведующий кафедрой еврейской культуры СПбГУ.

АЛЕКСАНДР ФЕЙГИН (р. 1959)

раввин, ректор Международного еврейского института экономики, финансов и права (Москва).

ВЛАДИМИР ХАЗАН (р. 1952)

филолог, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг и публикаций, посвященных различным аспектам русско-еврейских культурных связей.

ВЛАДИМИР ШЛЯХТЕРМАН (р. 1924)

журналист («Московский комсомолец», «Советский спорт» и др.). Лауреат премии им. Артема Боровика (2010).

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ (р. 1965)

поэт, литературный критик, переводчик с английского и идиша. Сотрудничает с журналами «Звезда», «Новый мир», «Знамя», «НЛО», газетой «Русская мысль», порталом «OpenSpace» и др.

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Новым миром», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль», «Ведомости» и др.